17 - Prelude

Люси Сорью

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

2117 год. Будущее еще не наступило — оно даже не начато. И эта история — история двух братьев, двух искусственных людей — способна лишь послужить прелюдией к началу этого будущего.

- Сорью Люси
- Пролог
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Эпилог
- Примечания:

Сорью Люси
17 — Prelude

Посвящается тем, кто еще верит в совпадения.

Пролог

Июнь 2117 — Южная Аргентина, военная база Родина

— "Манта", мы получили визуальное подтверждение. Разрешение на посадку выдано, причальная мачта N4. Как поняли, прием?

— Вас поняли, Родина. Мы идем на швартовку, отбой.

— Подтверждаю, "Манта". Отбой.

Воздушная баржа[1] вдали медленно пошла на снижение. Это была баржа военного образца — баллоны с гелием были надежно укрыты внутри корпуса, зиявшего выбоинами демонтированных турелей, а хвостовая часть расширялась в два огромных крыла-плавника. Элероны на плавниках были подняты вверх. Оба борта баржи были украшены здоровенными голографическими иероглифами "Синамура Парамилитарис".

Полковник Грасиа, командир расположенного на базе Родина соединения южноаргентинских войск, неодобрительно хмыкнул. Наемники. За последние три дня их прибыло уже много — генштаб сыпал деньгами направо и налево, не жалея их на различные наемные подразделения. Для старого вояки навроде Грасии это был как удар в спину — фактически, войска Южной Аргентины расписывались в своей неспособности противостоять северянам самостоятельно. Но ничего не поделаешь — войска северной хунты были пусть и немногочисленны, но отлично вооружены и вышколены. У них были пехотные доспехи, автономные боевые танки, новейшая ракетная артиллерия, больше половины летного состава ВВС составляли эскадрилии беспилотников, у них были даже штурмовые комплексы.

Штурмовые комплексы!

Да, пускай даже пехотные доспехи. Четырехметровые машины вполне оправдывали вложенные в них деньги и трудности с обслуживанием. Они делали пехотинца быстрее, лучше защищенным и вооруженным. Но пехотные доспехи — дело одно; а десяти-двенадцатиметровые машины, своим существованием плюющие в лицо испытанной военной доктрине — другое. И это если умолчать о их стоимости; о трудностях с обслуживанием,

причем гораздо большим, чем с пехотными доспехами; о сложностях с транспортировкой; о том, что такая махина разрушает под своим весом любой мост, по которому пройдет; о том, что ноги как шасси, в конце концов, неустойчивы!

А ведь они вон там, на этой барже, которую сейчас швартуют у причальной мачты. Южной Аргентине, после ее отделения тридцать лет назад, досталось три штурмовых комплекса, а за годы независимости еле-еле началось строительство еще одного. У северян их было гораздо больше. Откуда такие дорогостоящие машины могли взяться у частных военных компаний — вопрос отдельный. Но штурмовые комплексы, будучи еще и самым тяжеловооруженным видом наземной военной техники, того наверняка стоили.

— "Манта" пришвартовалась, господин полковник. — доложил диспетчер. Грасиа сейчас и стоял посередине диспетчерской башни, выглядывавшей непозволительно высоко по сравнению с остальной базой, для пущей скрытности врытой в землю.

— Пусть набрасывают маскировочную сетку. Генераторы помех[2] можно перевести в режим 2.

— Так точно.

Полковник развернулся на каблуках и покинул диспетчерскую; лестница с натянутой над ней маскировочной сеткой вела в прорытые и укрепленные подземные коридоры базы. Чем-то база Родина напоминала блиндажи времен Первой Мировой — той самой, которая закончилась ровно два века назад. Базу, пусть даже и такого масштаба, нужно было надежно скрыть от вражеских глаз — пусть даже этот глаз принадлежал бы камерам разведывательного БПЛА или спутника-шпиона. Даже несмотря на то, что у северян не было спутников-шпионов.

Аргентина разделилась в 2085 году; половина страны, страдавшей от длительного экономического кризиса после того, как окончательно исчерпались запасы нефти, не пожелала мириться с произошедшим военным переворотом и послала хунту в известном направлении, заручившись поддержкой половины армии. Спустя год гражданской войны и после вмешательства ООН было подписано перемирие, а Аргентин на карте стало две — в Северной по-прежнему правила военная хунта, пользовавшаяся, впрочем, поддержкой соседних государств и Европейской Конфедерации, а Южная держалась

демократических идеалов, за что была порой щедро одарена вниманием и остатками былого могущества североамериканских Штатов и их, гм, партнеров и союзников. А эта, новая война, началась с небольшого пограничного конфликта, причем южноаргентинское руководство, будучи не в силах мириться с многочисленными нарушениями их северной границы северянами, развернуло войска на сороковой параллели, по которой проходила разделенная демилитаризованной зоной граница между двумя Аргентинами. Северяне забили тревогу, и пограничный конфликт вылился в конфликт идеологический. Но, как с недовольством констатировал Грасиа, ощутимых сдвигов в войне не произошло. Ситуация стала патовой, а приграничные области потихоньку превращались в выжженую пустыню после множества столкновений, а из-за обеих сторон фронта переодически вылетали бомбардировщики и крылатые ракеты. Обе стороны стягивали силы для решающего удара, который прорвет линию фронта противника. В идеале.

Полковник прошел к импровизированной посадочной площадке для двадцатиметровой воздушной баржи, пришвартованной к причальной мачте и швартовочным столбам на площадке. Грузовые отсеки в широкой гондоле на днище баржи были открыты, и по выставленным рампам медленно опускались штурмовые комплексы.

Две машины лежали на движущихся платформах плашмя, лишь только согнув ноги в коленях для пущей компактности. Вокруг них суетился обслуживающий персонал, в сравнении со штурмовыми комплексами напоминавший, скорее, суетливых муравьев. Люди в серых комбинезонах суетились вокруг лежащих гигантов с каким-то благоговением, подозрительно зыркая на всех и каждого, кто подошел к ним ближе положенного.

— Уютненько тут… — сказали откуда-то сбоку, и Грасия недоуменно развернулся на звук.

Глазам полковника предстали двое вновь прибывших — высокие, хотя язык не повернулся бы назвать их стройными, молодые люди лет двадцати с виду, явно европейской наружности. У одного волосы были черными, а у другого — серыми, но глаза у обоих были одинаковыми — льдисто-голубыми. У стоявшего левее черноволосого одна прядь на макушке непослушно торчала вверх, а челка сероволосого была убрана со лба и заколота. Оба были одеты в темно-синие

водолазки, поверх которых у сероволосого была надета короткая, не доходившая до пояса и немного тесная, куртка с поднятым воротником, а у черноволосого — жилетка. Сероволосый вдобавок носил белые кожаные перчатки с раструбами.

— Да, несомненно. — согласился сероволосый. — К делу подошли основательно, и это заметно. Одобряю.

— Твое одобрение и сломанного мем-карда не стоит… Ой. — тип в жилетке остановился в двух шагах от Грасии. — Прощения просим, господин… полковник. — произнес он, приглядевшись к погонам на мундире Грасии.

— Второй, уймись. — приказал сероволосый и тут же встал "смирно"; черноволосый Второй повторил за ним это движение. — Вы, я полагаю, полковник Вильмо Грасия?

— Да, я. — полковник и сам встал "смирно". — С кем имею честь?..

— Капитан Лелуш Вольфр-Икаруга и капитан Лейдзи Вольфр-Икаруга. Или попросту Второй.

"Клон, наверное!" — промелькнуло в голове полковника. — "То-то они сильно друг на дружку похожи!"

— Прошу прощения за бесцеремонное поведение моего брата… и свое тоже. — продолжал сероволосый Лелуш, поднеся при этом руку к виску в воинском приветствии. Его то ли клон, то ли действительно брат повторил жест.

— Не стоит, капитан. Вольно. — сказал полковник, и сам став "вольно". Оба Вольфр-Икаруги сделали то же самое. — Вы, я полагаю, прибыли на этой барже, так?

— Да. Мы — сотрудники "Синамура Парамилитарис". Операторы штурмовых комплексов.

— Но я не выдавал разрешения экипажу вашей "Манты" покидать без надобности корабль. А тем более — посадочную площадку.

— При всем уважении, мы не собирались ее покидать. — учтиво произнес Лелуш.

— Мы всего лишь… простите, что говорю невовремя, господин полковник… хотели лично проследить за выгрузкой наших эш-ка[3]. - подхватил Лейдзи-Второй. — Это наше право.

— Впоследствии постарайтесь воздержаться от подобных нарушений. — пробормотал полковник и снова встал "смирно". — Прошу прощения, мне надо идти. Меня ждут дела.

— Не смеем вас задерживать. — ответил Лелуш, вновь поднеся руку к виску. Грасиа сделал то же самое, прежде чем

развернуться и уйти прочь.

На полковника братья Вольфр-Икаруга произвели двойственное впечатление, хотя Грасиа и не мог сказать, что оно было хоть сколько-то положительным. Впрочем, это было взаимно.

— Он нас раскусил. — как бы между прочим заметил Второй; он говорил негромко, вполголоса, и на японском. — Как всегда, ровно наполовину, конечно. И вообще он мне не понравился.

— А мы — ему. — ответил ему Лелуш в таком же ключе. — Может, у него свои на это причины. Или нам не доверяют просто. Это естественно.

— Ты можешь выражаться как-то естественнее, а? У тебя что не фраза, то образец уравновешенности и здравого смысла. Не надоело?

— Надоело. Лейдзи, в чем твоя проблема? Я говорю строго так, как я хочу. Все.

— Но это же просто глупо!

— Ты тоже не образец гениальности. Разговор закончен. — Лелуш демонстративно отвернулся и заложил руки за спину, разглядывая суету на посадочной площадке.

— Ой. Только не обижайся.

Лелуш вздохнул, но не проронил ни слова.

***

— Бортжурнал: начало процедуры запуска. Код оператора: SSU-765X, капитан Вольфр-Икаруга.

— Принято. Добро пожаловать на борт, капитан Вольфр-Икаруга.

Щелк, щелк. Панорамный монитор кабины ожил, демонстрируя, наконец, изображение с глаз-камер штурмового комплекса. Я вставил ключ активации в гнездо на приборной панели, повернул его, откинул стеклянный колпак управления реактором и перевел выключатель из положения "откл" в положение "прогрев".

— Реактор в режиме "прогрев". Выработка электричества на 5 % мощности.

И какой умник встроил голосовое подтверждение? Эш-ка, может быть, и не из разряда самых логичных человеческих изобретений, но когда машина с тобой разговаривает — это уже чересчур. В конце концов, я вожу тяжеловооруженную боевую машину на ядерном ходу(ну, низкотемпературном ядерном, но не суть), а не какого-то супер-робота из японских мультиков!

Я? Ох, простите. Я забыл представиться. Лелуш Вольфр-Икаруга, к вашим услугам. Часть этой истории я буду пересказывать со своей точки зрения, ничего не утаивая. Еще раз прошу прощения за лирическое отступление.

— Выработка электричества на 15 % мощности.

— Антонеску! — гаркнул я, слегка нажимая пальцем на ушную раковину; шлема я пока не надевал.

— Слушаю. — отозвался в ухе голос главного техника эш-ка, Александера Антонеску.

— ПТУР на правое плечо, ЗРК на левое. Как всегда. Пулеметы зарядили?

— Почти. Мины и дымовые шашки уже загружены, если что.

— Спасибо.

Антонеску молча "положил трубку", но в ухе послышалось назойливое "дзынь-дзынь". Я опять надавил на ухо:

— Ну как ты? Все в ажуре? — невинно осведомился Второй.

— Да пошел ты!

— Я тебя от чего-то оторвал важного?

— Ты мог бы выйти и крикнуть, я еще не закрыл люк.

— Зачем кричать, если есть коммлинк[4]? Так удобнее!

— Выросло, блин, поколение транслюдей… — пробурчал я.

— Выработка электричества на 45 % мощности.

— Ты и сам такой, так что поговори мне тут…

— Окажи мне услугу и заткнись. — я отнял палец от уха, задрал голову к открытому люку над головой и гаркнул, что было мочи: — А если ты будешь продолжать мне названивать, я вылезу из кабины и дам тебе по морде! Слышишь?!

— СЛЫШУ!! — донесся приглушенный расстоянием и броней эш-ка вопль Второго. Я с облегчением выдохнул.

— Выработка электричества на 75 % мощности.

Переключатель реактора был передвинут в положение "полн. функц.".

— Реактор в режиме полного функционирования. Выработка электричества стабильна на 75 % мощности. Система охлаждения активирована. — снаружи тотчас же пошел горячий воздух из радиаторов на плечах и груди машины. Я поспешно закрыл люк кабины. — Люк закрыт.

Я надел шлем и щелкнул переключателем на его боку. На приборной панели над надписью "нейроинтерф вкл" загорелся зеленый светодиод.

— Внимание: нейроинтерфейс оператора подключен. Передать управление на оператора?

— Нет. — я нажал клавишу включения рации и дернул за микрофон. — Раз-раз-раз… раз-два-три… Антонеску, меня слышно?

— Слышно, капитан. ПТУРы и ЗРК стоят. Пулеметы заряжены.

— Молодцы, спасибо. Винтовка готова?

— Так точно. Гаусс-орудие, 90мм, как и требовалось. Стоит, тебя ждет.

— Хорошо. Тогда, — палец сместился на клавишу включения внешних динамиков. — кхе-кхе… Всем очистить помещение, я выхожу! Управление на оператора, живо!

— Принято.

Крепления, удерживавшие мой эш-ка, разошлись, и я, слегка расставив руки машины в стороны, сошел со служебной платформы. Как всегда: подсознанию надо "раскачаться", приспособиться к управлению двигательными функциями десятиметрового робота. Мне оставалось только держать рукоятки и двигать педали. Можно идти и "на автомате", можно и "на полуавтомате", когда часть функций остается на пилоте, а можно и так, "на ручном".

Подойдя к стойке с орудием Гаусса, я присел на корточки и поднял обеими руками машины ружье, присоединив его к креплению позади, на плече. ПТУР и ЗРК были уже подключены без моего вмешательства. Когда я нагнулся, позади на поясе тут же выскочил хвостик-противовес для поддержания баланса. Немного подумав, я выпрямился и подкорректировал его длину вручную. Вот так-то лучше.

— Балансировку на автоматическое управление.

— Принято. — теперь я шел "на полуавтомате", точнее на "полуавтомате-балансере", когда поддержанием равновесия

целиком занималась бортовая система балансировки. На плечах отскочили и выдвинулись еще два стабилизатора-противовеса.

— Родина, говорит "Кросс Трайфорс"[5]. К выходу готов, прием.

— "Кросс Трайфорс", говорит Родина. Выход разрешаю. Генераторы помех переведены в режим 1, радиосвязь будет затруднена, отбой.

— Вас понял, Родина. — я как раз вышел из-под перекрытий, скрывавших вход в импровизированный ангар для эш-ка. Радиоэфир уже пестрил статикой — генераторы помех работали на полную мощность. — Капитан Вольфр-Икаруга, "Кросс Трайфорс", я выступаю.

Ответ диспетчерской утонул в шуме статики. Дисплей радара был пока что предусмотрительно отключен, но бортовой компьютер продолжал повторять про глушение радиосвязи. Я вздохнул и передвинул педали, ускоряя шаг. Торс моего "Кросс Трайфорса" наклонился чуть вперед, стабилизаторы на плечах поднялись выше.

Статика понемногу отступала, только немного болели уши. Идти, тем не менее, я не прекращал. Нас отправили осуществлять поддержку при штурме моста, пересекавшего реку как раз там, где был один из немногих пограничных постов в демилитаризованной зоне. Северяне, насколько я понял, довольно хорошо укрепились на другой стороне моста. Задачей наших эш-ка было, таким образом, хорошенько проутюжить укрепления, ухитрившись при этом не зацепить мост.

— Эй! Погоди, а? — раздался окрик на нашей со Вторым частоте. Я развернул голову эш-ка — ага, точно, вот и нерадивый братец. Его эш-ка с гордым именем "Юстикатор" еле-еле тащился — а всему виной висящий за спиной 120мм рельсотрон. Рейлган, если вам так проще. Правое плечо украшала эмблема машины — орел, зажавший в лапах ствол этого самого рельсотрона с надписью "JUSTICATOR" снизу, а левое — такая же надпись "And Justice For All", оформленная в виде надписи на отрезке бумаги. Глупости, конечно, но "Юстикатор" так окрестил и оформил предыдущий оператор, а из песни слов не выкинешь — переименовывать эш-ка было плохой приметой.

— Я жду. Чего тебе?

— Вместе пойдем, чего ж еще?

— Вот ведь взял, на свою голову… Ну, пошли. Движение и балансировку на автоматическое управление.

— Принято. Автопилот активирован, продолжаю движение на указанную точку.

Кабина эш-ка — довольно громкое место даже со всей звукоизоляцией. Еле слышно гудят приборные панели, надсадно гудит где-то снизу реактор, гулко и монотонно звучат шаги ног машины, резонирующие через всю несущую конструкцию и сопровождающиеся жужжанием сервомоторов. А еще тут довольно жарко — электролитическая ячейка[6] реактора все-таки вырабатывала тепло, которое большей частью выходило через радиаторы, но имело и дурное свойство накапливаться. Снаружи, правда, еще жарче, да и открывать люк в зоне боевых действий(а мы уже к ней достаточно близко) строго-настрого запрещалось. Я еще раз пожалел, что надел водолазку, вздохнул и попытался расположиться с найбольшим комфортом. Учитывая при этом, что я пристегнут к сидению, на котором чуть ли не подпрыгиваю от каждого толчка. И вообще-то в кабине не так уж просторно, да, хотя при должном умении можно уместить позади, где располагался импровизированный бардачок, еще одного пассажира. Поездка, правда, будет не из удобных.

Мост показался пятнадцатью минутами спустя — даже при приличных скоростях(около 90 км/ч), которые развивали наши эш-ка, идти пришлось достаточно долго.

— Родина, вызывает "Кросс Трайфорс", прием.

— Это Родина. Слышим вас, "Кросс Трайфорс".

— Мы с "Юстикатором" у находимся в километре от моста. Запрашиваю разрешения начать активные действия, прием.

Долгая пауза. Я успел перевести управление на полностью ручное и задумчиво присел посередине дороги. Вернее, присел мой "Кросс Трайфорс".

— Разрешение выдано, "Кросс Трайфорс". Действуйте. Отбой.

— Вас понял, Родина, отбой. "Юстикатор", ты меня слышишь?

— Чего тебе, окаянный?

— Нам уже можно убивать, калечить и жечь. Разрешили. Так что выходи на позицию и расчехляй свой рельсодрын, или как там его.

— Специально для тебя — тяжелое орудие Лоренца калибра 120 миллиметров повышенной мощности с питанием от бортового реактора штурмового комплекса. Понял?

— Поговори мне еще. — я поднялся и двинулся напрямик к мосту, останавливаясь на полпути и опускаясь на одно колено. — Балансировку на автомат.

— Принято.

Винтовка сама скользнула вниз, мне в руку, по нажатию кнопки. Я вскинул оружие и прижал к плечу, наклоняя голову эшка так, чтобы она будто бы прикладывалась к прицелу, и вытянул свой прицел из-за кресла. На небольшой экран транслировалось изображение с прицела винтовки.

— "Юстикатор", ты где?

— 700 метров восточнее тебя. Готовлюсь к стрельбе. Они там хорошо устроились, даже генераторы помех стоят, но у меня ручное наведение. Самый широкий ихний бункер — мой, там вроде минометы стоят, или еще что-то, не вижу отсюда.

— Минометы? В бункере? Ты чего?

— Ну блин, ну не в бункере, но в укреплении, короче! Ты пока дотами займись, их вроде штуки две, должно хватить. Я выведу артиллерию из строя. Там я еще вроде гаубицу заметил, и наверное РСЗО есть. Они даже дойти до моста не дают, сразу кроют.

— А я там еще и танк окопанный вижу… Т-178П, экспортный, пилотируемый… Ну, и его сниму. Попадание как раз в борт башни придется. Предоставлю честь начать работу тебе.

— Благодарю покорнейше. "Юстикатор", начинаю прицельную стрельбу.

Я повернул голову вовремя — откуда-то справа пронеслась небольшая светящаяся стрела, прошмыгнувшая мимо меня за доли секунды. Звук, который она издавала в полете, донесся до сенсоров "Кросс Трайфорса" тремя секундами позже. К этому времени, стрела, бывшая на самом деле 120мм вольфрамовым снарядом для здоровенного рельсотрона, завершила свой путь на горемычном артиллерийском укреплении с минометами. Вдали расцвел столб пыли и огня. Пронеслись мимо еще два таких снаряда, а затем довершил разгром мой, меньшего калибра, снаряд, пробивший бортовую броню башни окопавшегося Т-178П. По-моему, даже насквозь, хотя кумулятивная защита могла затормозить несущийся на сверхзвуковых скоростях снаряд(в то время как рельсотрон Второго разгонял свои снаряды до гиперзвуковых). Сдетонировал боезапас, и башня танка описала замысловатый пируэт, рухнув на дот в стороне. В упомянутый дот пришелся следующий снаряд — в это время уцелевший экипаж танка наверняка поспешно его покидал. И еще один — в последний дот. Там наверняка были сосредоточены пулеметы, ПТУРы и безоткатные орудия — доты позволяли обстреливать

весь мост и даже немного речные берега. Просвистел еще один снаряд Второго, поднявший еще один столб пламени.

Позиция была хорошей, несомненно — северяне простреливали мост и берега реки, по которым можно было бы переправиться, а вдобавок крыли подступающих противников минометным огнем. А если еще раньше — у них и гаубица была, и РСЗО, если они все-таки имелись. Наводку осуществляли с БПЛА, наверное… только что-то я ни одного БПЛА в воздухе не заметил. Одна из двух ошибок. Второй ошибкой было то, что гарнизон моста был в принципе неподготовлен к нападению штурмового комплекса. А то и двух.

Ну да. Значит, прибытие воздушной баржи "Синамуры" они прошляпили. Или не знали, что на борту были эш-ка.

Паршиво же у них с разведкой дела обстоят. Или, наоборот, у южан слишком хорошо с маскировкой?

— Внимание: обнаружен вражеский вертолет. Дистанция 1500, идет на сближение.

— Захватить цель. Левое плечо, пилон 1, подготовить к стрельбе.

— Принято. — перекрестие прицела проползло по монитору и зафиксировалось на приближающейся точке в небе — вертолете. — Пилон 1, предохранитель снят, цель захвачена, дистанция до выстрела 475.

— Понял. — я поднялся во весь рост эш-ка. Так вертолету надо будет набирать высоту, чтобы попасть по наиболее тонкой броне на крыше. Но к тому времени…

— Дистанция до выстрела 445.

Я выжидал. Вертолет начал подниматься вверх, все так же оставаясь едва заметной точкой.

— К стрельбе готов.

— Пилон 2, подготовить к стрельбе. — распорядился я, выпуская ракету.

— К стрельбе готов.

Вторая ракета. Я уже было хотел приказать готовить третью, но не потребовалось — пилот вертолета сплоховал и отстрелил тепловые ловушки слишком рано, в результате чего за новым источником тепла погналась только одна ракета, а вторая

угодила ровно в носовую часть вертолета — я специально дал приближение. Даже одиночные ракеты умели учиться на ошибках менее удачливых товарок.

— Родина, говорит "Кросс Трайфорс". Цель уничтожена, мы выдвигаемся на удержание позиции, прием.

— Вас поняли, "Кросс Трайфорс". Подкрепление уже в пути. Отбой.

— Отбой. — я переключил рацию обратно и приказал ИИ перевести управление на автомат.

Скучно, однообразно и рутинно.

Обыкновенный, в общем-то, рабочий день высококлассного оператора штурмового комплекса.

Глава I

Июнь 2117 — Японский архипелаг, о. Синамурадзима

Остров Синамурадзима, лежащий к югу от берегов Сикоку, нельзя было бы найти на картах старше тридцатых годов прошлого века — если, конечно, где-то еще было в ходу такое старье. Чтобы разобраться в причинах его появления, требуется сделать небольшой исторический экскурс, начав с начала двадцатых годов прошлого, опять же, века, когда Япония разочаровалась в дряхлеющих США и указала американцам на дверь, таким образом положив конец навязанному после Второй Мировой(которая была примерно полтора века назад) сотрудничеству. В ходе реформ внутренней и внешней политики японским правительством был дан зеленый свет учереждению и действию японских же частных военных компаний на японской же территории в том числе. Это всего лишь прелюдия, но важная прелюдия.

2031 год. Основатель и исполнительный директор компании "Синамура Баттлфилд Секьюритис", Дзюнитиро Синамура, в один прекрасный день проснулся с мыслью, что понемногу превращающаяся в один огромный город Япония надоела ему, Дзюнитиро, до чертиков. Любой другой человек на его месте бы забыл о такой мысли через час после ее появления, но Синамура-старший был не таков, и после интенсивного мозгового штурма пришел к мысли: раз надоела Япония, а уезжать из нее не хочется(а Дзюнитиро был еще и преизрядным ксенофобом), то стоит хотя бы переехать куда-то на отшиб. На островах отшиба осталось уже не так-то много, и было принято решение — построить свой искусственный остров. Средства, вместе со связями, для этого имелись — за девять лет существования "Синамура Баттлфилд Секьюритис" дела компании шли потрясающе успешно. Вид на пустынный клочок океана был выдан через каких-то полгода, а еще через полгода исполнительный директор вместе со своим сыном, Кейтаро, тоже будущим главой "Синамуры", стоял на палубе своей яхты-экраноплана и с довольным видом созерцал идущее полным ходом строительство. Острову было дано имя его владельца, а точка с подписью "о. Синамурадзима" на картах появилась спустя три года.

Моей шеи легонько, даже нежно, коснулось что-то острое, заставив меня вздрогнуть, а возле правого уха мягко раздалось:

— Хорошо ли тебе спится, Лелуш?

Я открыл глаза.

— Привет, Синдзи. Я не спал, это раз. Убери руку с моей шеи, это два.

— А тебе не нравится? Не каждый день тебя вот так вот, да и будят… — усмехнулся Синдзи Синамура, обходя облюбованный мною диванчик и садясь рядом. — Ладно, забудь. Рад снова быть дома?

Дома? Конечно, я ведь не сказал. Синамурадзима — еще и мой, вернее наш со Вторым, дом. Здесь мы появились на свет, выросли, выучились, стали полноправными сотрудниками "Синамура Парамилитарис". И Синдзи Синамура — не только приемный старший брат, а еще и непосредственный начальник: он заведует оперативным персоналом.

— Ну, рад, конечно… — протянул я. За прозрачной стеной прямо напротив меня на парк, разбитый посередине острова, опускался "служебный туман" — здоровенный рой наномашин, выполнявший самые разнообразные функции, и не в последнюю очередь — уборку территории. "Туман", как и следующий сразу за ним санитарный дождь, обходился "Синамуре" в кругленькую сумму, но того стоил. Одна беда — теперь я на добрый час застрял в главном здании комплекса. Под санитарный дождь попасть — перспектива не из приятных, а перспектива наглотаться наномашин, которые в "тумане", как правило, дороги не разбирают и движутся куда придется — еще неприятнее.

— Но?

— Но. Синдзи, я хочу отпуск.

— Отпуск? А зачем?

— Мир посмотреть, представь себе.

— Ой, не смеши. Чего ты там еще не видел? Уродливых городов? Так я тебе вертолет одолжу и разрешение выбью, в Токио слетаешь. Там этого города — смотри не хочу!

— Да зачем мне твой Токио, и зачем мне вертолет? Я уж нашел бы, куда мне съездить. Имею право.

— Имеешь. И отпуск у тебя будет. Не раньше и не позже всех остальных, извини. Не дадут. И ты знаешь почему.

— Я слишком важный, да?

— Угу. — подтвердил Синдзи, энергично кивнув головой. —

Во всех смыслах. Ты нам, — опять же, во всех смыслах, — слишком дорог, да и являешься важным сотрудником… У нас всего четыре эш-ка, отец хочет купить еще один, но нигде не может найти пригодный, чтобы на реставрации не разориться, да и оператора так быстро не найдешь. А мы специализируемся на операциях с применением эш-ка, знаешь ли.

— Конечно, знаю. Убери руку, пожалуйста.

Синдзи поспешно отдернул руку от моего колена.

— Вот так-то лучше. — удовлетворенно отметил я. И, заметив, как он приуныл, сменил тему: — Ладно, забудь. Лучше расскажи чего-то.

— Ну, как хочешь. Помнишь про орбитальное кольцо?

— Конечно, помню! — оживился я. Про орбитальное кольцо, которое сооружали на геостационарной орбите Земли уже тридцать лет кряду, знали все. Частично оно уже функционировало — станции-противовесы двух орбитальных лифтов были введены в эксплуатацию как раз под новый 2100 год, а на готовые секции кольца сразу устанавливали солнечные панели, как раз и питавшие лифты. По самым оптимистическим прогнозам кольцо должны были закончить в 2118, и вокруг него царил всеобщий ажиотаж.

Подумаешь, космическая экспансия. Люди уже одну планету загадили, а им и этого мало. Хотя да, в космосе есть и ресурсы, которых на Земле недостает, и энергия — кольцо очасти для того и строят, чтобы решить проблему с передачей солнечной энергии, убивая, таким образом, сразу двух зайцев — удешевлялась доставка грузов в космос и устранялся, хотя бы локально, энергетический кризис. Весь мир к такой сети не подключат, конечно, но развитые страны, участвовавшие в строительстве кольца, смогут отказаться от термоядерной энергетики, а следовательно и от ядерной[7]. А там уже и развивающимся странам что-то перепадет. Все будут довольны, а пользы от кольца будет воз и маленькая тележка. Как говориться, все же лучше, чем тратить те же деньги на локальные войны.

— Так что там?

— Да так, ничего. — Синдзи извлек откуда-то портативный компьютер(ныне практически вышедший из употребления) и постучал по экрану, что-то там ища, после чего заговорил снова: — Вчера, в общем, кто-то отсоединил крепления одного из сегментов орбитального кольца и направил его в сторону Земли.

Двигатели они к нему прицепили, что ли…

— Серьезно? — переполошился я. За новостями я совсем не следил. — И что случилось-то? Где ажиотаж в СМИ? Да мы бы тут все на голове стояли, если… если…

— Если. Но случилось вот что. Смотри. — Синдзи передал мне КПК.

На экране демонстрировался ролик, очевидно взятый из выпуска новостей; сьемку вели с уже завершенной части орбитального кольца. Тот самый сегмент, устремлявшийся к Земле и такой яркий на ее фоне, едва виднелся в правой части экрана. Оператор, если это была не автоматическая камера, дал приближение на сегмент, похожий на трапецию с округлыми основаниями, который был тотчас же пронзен вытянувшимся откуда-то из-за края экрана лучом слепяще-белого света, а затем и еще одним. Лучи держались несколько секунд, прежде чем медленно растаять, оставив сегмент кольца распадаться на равные части. Камера сдвинулась левее и сфокусировалась на держащем в руках длинный ствол протонного орудия-лучемета эш-ка — ударный штурмовой комплекс класса "Смоленск", как можно было легко определить по обтекаемости корпуса и словно вжавшейся в плечи голове с одним-единственным глазом-камерой. Машина была подсоединена к кольцу длинным проводом, уходившим в паз где-то на спине. На правом плече, развернутом к камере, было изображение черной шакальей головы с поднятыми вверх ушами и свисавшим по бокам древнеегипетским платком. Голову обрамлял белый лавровый венок с буквами "UN" поверх переплетения веток.

"Анубис-Хед".

Из ствола лучемета начал выходить свет, протянувшийся затем от него к одному из стремящихся к Земле обломков, разбивая его на несколько частей. Виднелись с боков вспышки двигателей ориентации еще нескольких эш-ка "Анубис-Хеда", раскалывавших лучами протонных орудий обломки. По одному наиболее крупному куску ударил более интенсивный и широкий луч, очевидно с зависшего над местом проишествия боевого спутника. Изображение прервалось.

— Остатки сегмента кольца сгорели в атмосфере. Один, наиболее крупный из них, развалился при входе и упал в акватории Индийского Океана. Террористы, устроившие катастрофу, были ликвидированы штурмовыми комплексами

"Анубис-Хеда". Работа Восточного Лифта временно остановлена до выяснения обстоятельств, гражданские посетители эвакуированы. — медленно и спокойно произнес Синдзи. — Возбуждено уголовное дело по факту невозможности службы безопастности "Кидо Эрэвейта Груп" предотвратить проникновение террористов на кольцо. Ах да, Рюдзи улетел на переговоры с руководством КЭГ.

— Зачем? — спросил я, хотя ответ был и без того очевиден.

— Ну как зачем? — он пожал плечами. — "Кидо Эрэвейта Груп" связалась с нами. И желает воспользоваться нашими услугами.

***

Первой моей мыслью было: "Ну все, плакал мой заслуженный отдых". Уж не знаю, умел ли Синдзи читать мысли, но он поспешил меня обнадежить:

— Не вешай нос, пожалуйста. Я не буду с пылу с жару отправлять тебя неизвестно куда!

— Почему ж сразу неизвестно? У КЭГ же целый искусственный остров на экваторе, с развитой инфраструктурой и сферой услуг, прям маленькое государство…

— Я утрировал. И вообще, мы еще точных деталей не знаем даже. Как только — так сразу, но я лучше Сэа пошлю вместо тебя. Она только рада будет…

— Мозги у нее набекрень, у твоей Сэа… — пробурчал я себе под нос и чуть не подскочил от неожиданности:

— Я все слышала, Вольфр-Икаруга. Отрицать конечно не буду, — засим последовал легкий, но неприятный подзатыльник, — но это, в конце концов, невежливо.

Я вскочил с дивана и был тотчас осажен насмешливым взглядом скрытых под вуалью глаз Сэа Темпести. Губы были точно так же насмешливо, даже издевательски, искривлены в какую-то полубезумную улыбку. Даже говорила она как-то взвинченно и неправильно, хотя и не скатывалась до истеричного или визгливого тона. Своеобразная визитная карточка, как и ношение шляпки с наброшенной на лицо вуалью даже в помещении.

— Сэа Темпести. — процедил я. И тут же взвился: —

Подслушивать нехорошо!

— Может мне еще и стучаться, прежде чем заходить?

— Ну хоть кашлянула бы. А если ты меня до инфаркта доведешь?

— Рано тебе еще об инфаркте говорить. У тебя его все равно не будет, ты же пробирочник. — последнее слово Сэа протянула медленно, с каким-то извращенным удовольствием.

И это тоже было правдой — ни я, ни Второй не скрывали, что были зачаты искусственно, "в пробирке". Клонированы из чьего-то генетического материала и еще и доработаны как в эмбриональной стадии, так и после. В "Синамуре" это знали все, но "пробирочниками" нас упрямо называла только Сэа — откопала где-то словечко. В наше время, когда в большинстве развитых стран имеются квоты на клонирование человека, — детей, как правило, — клонам уже давным-давно никто не удивляется. Генетической модификации — тем более, а ведь лет сто назад перед клонированием и генной инженерией в обществе царил суеверный страх. Но способность общества приспосабливаться прямо пропорционально таковой способности отдельного его члена, и повсеместную генную модификацию, — сначала растений и животных, а потом, потихоньку, и человека, — вместе с клонированием приняли как должное.

— И что с того? Все равно будет. С тебя станется… — я уселся обратно, давая понять, что разговор закончен.

— Кхм. Сэа, присаживайся. — предложил Синдзи, намереваясь разрядить обстановку. Темпести только хмыкнула:

— Да нет, спасибо. Я так, поздороваться зашла, вообще-то. А ты, Вольфр-Икаруга, неблагодарная сволочь, так и знай.

— А я и не отрицаю. — буркнул я, но Сэа, еле слышно шурша подолом плаща, удалилась.

За окном потихоньку отступал "служебный туман". Мы молчали. Я хмурился. Синдзи теребил верхнюю застежку на своей курточке — такой же, как у меня, короткой и с высоким воротником.

— Тебе что, делать нечего? — наконец не выдержал я.

— Пардон?

— В смысле, дел никаких нету? Ты ж ими прям-таки завален постоянно…

— Не-а. Пока что — нет. Но потом я ими и буду, прям-таки, завален… — усмехнулся он. — Даже если предложение КЭГ, так

сказать, не взлетит. У нас на рассмотрении контракт с властями Бирмы, если вдруг.

— Не Бирмы, а Мьянмы. — поправил я.

— А какая разница? У них там все равно гражданская война, не поймешь, как и называть, чтобы никого не обидеть ненароком… Шучу, шучу. — Синдзи примирительно поднял руки вверх, заметив выражение на моем лице.

— У них эта гражданка уже дольше века длится. — мрачно констатировал я.

— Ну, так они решают свои проблемы. И мы без работы не остаемся, и ООН есть о чем поразглагольствовать. Опять же "анубисы" тоже не сидят сложа руки.

— "Анубисы"… — недовольно пробурчал я.

— А они тебе чем не угодили?

— Да всем понемногу. — я поднялся с дивана и подошел к прозрачной стене, уткнувшись лбом в стекло. Стена была прозрачной только изнутри — снаружи здание выглядело матово-черным. "Туман" уже полностью отступил, и за окном бушевал санитарный дождь — пахнущий, почему-то, розовым мылом.

Пальцы Синдзи прикоснулись к моей щеке и погладили ее. Меня передернуло.

— Не трогай меня. Сколько раз уже говорить? — резко спросил я.

— Я отпущу тебя. Только скажи, что не так. Не держи все в себе. — шепотом ответил он.

— Ты меня лапаешь, черт побери. Вот что не так. — я отнял его руки от себя и пошел прочь от стены. Остановившись возле дивана, я развернулся к нему. Синдзи, заметно погрустневший, стоял на том же месте. — Извини, если обижу или что, но я не припомню, чтобы разрешал тебе трогать меня. А тем паче тогда, когда тебе вздумается. И, в конце концов, а Юки не обидится, если узнает?

— Я не знаю. Но Юки же здесь нет!

— А, а я вместо нее, то есть? Боюсь, что вряд ли смогу достойно ее заменить. Так ей и передай, а я пошел. — отрезал я, развернулся на каблуках и вышел вон.

Синдзи не сказал мне ничего вслед. "Старший брат" так и остался стоять подле стеклянной стены, уткнув глаза в пол.

Следовало бы вернуться, конечно. С него и заплакать станется. Украдкой, пока никто не видит — отпрыску семейства

Синамура не пристало проявлять слабость. Эдакое самурайство. Мечом в век боевых спутников и штурмовых комплексов можно помахать разве что в этом самом штурмовом комплексе, а кто попало им управлять не может, вот и остается задавать себе моральные установки. Чтобы, значит, не растерять. Хотя, конечно, я глупости говорю.

И вообще. Пойду-ка я проведаю "Кросс Трайфорс". Ангары эшка располагаются на окраине комплекса, идти туда недалеко, хотя и несколько затруднительно. Но оно того стоит. Рядом с шестидесятитонным гигантом класса "Дармштадт" мне как-то спокойнее и удобнее.

Чего бы я никогда не стал делать, так это держать зла на "Синамуру". Если бы не они — ни я, ни Второй так и не появились бы на свет, да и злиться на тех, кто тебя вырастил, воспитал и обеспечил работой, которая еще и удовольствие приносит — по меньшей мере странно. Тут дело не в собачьей преданности, а в элементарной благодарности.

Да и вообще они мне — как родные. И сами Синамуры, и коллеги, и даже штурмовые комплексы.

***

Штурмовой комплекс, как неоднократно заявлялось, являлся плевком в лицо испытанной военной доктрине, причем плевком наравне с огнестрельным оружием, казнозарядными орудиями, боевой авиацией, танками и баллистическими ракетами. В порядке появления, само собой. Век тому назад идея двуногой боевой машины отметалась как нежизнеспособная, и вполне обоснованно: такая конструкция шасси слишком неустойчива и чувствительна к неровностям поверхности, площадь давления на землю слишком мала для крупной массы машины, а про высоту вообще не стоило и упоминать. Четырехметровый пехотный доспех, принятый на вооружение в 2020 году армией США, стал таким образом первой ласточкой, давая солдату лучшую защищенность, большую мобильность и возможность применять крупнокалиберное вооружение с легкостью обыкновенного пехотного. Ни о каком противостоянии с танком, тогда еще основным видом наступательной бронетехники, и речи быть не могло — хотя уже тогда победы в бою с танками у операторов

пехотных доспехов были. Штурмовой комплекс появился позже, в 2062 году; построили первый прототип, по какой-то иронии судьбы, японцы. А за ними идею подхватила Великобритания.

Концепция ведь была каковой? Двуногая высокомобильная артиллерийская платформа. Конечно, сейчас под нужды артиллерийской поддержки заточены отдельные виды эш-ка, несущие ракетные системы залпового огня и минометы, а тогда — другое дело. Чуть позже появились машины, несущие в основном рельсотроны и орудия Гаусса. Собственно, кинетическое оружие и подписало старой военной доктрине смертный приговор, но даже после него шли танковые баталии — с поправкой на мощность орудий и маневренность. Танк с легкостью может вывести из боя штурмовой комплекс одним залпом — но то же самое может сделать и эш-ка.

Все вышеприведенное — дословная цитата из учебного пособия "Введение в штурмовые комплексы", выпущенного в свободный доступ в 2099 году. Скомпилировано же оно было в 2089 для пользования личным составом японских вооруженных сил. Действительности написанное в нем все еще отвечает, хотя штурмовой комплекс за полвека после своего первого появления был окончательно вылечен от "детских болезней".

"Конечно же, идея двуногой машины, — говорилось в пособии, — в прошлом казалась глупой выдумкой незнакомых с механикой дилетантов. С учетом тогдашнего технологического и материального уровня, такое утверждение соответствовало действительности целиком и полностью".

Ангар почти пустовал, когда я в него зашел — время техосмотра еще не настало, и четверо эш-ка отдыхали, надежно закрепленные в вертикальном положении вдоль стен. На этих же креплениях их и транспортировали, и проводили техосмотр — сложное и ответственное деяние, которое по уровню торжественности приближалось к церковной службе. Главный механик смены разве что кадилом не размахивал над машиной.

За почти полвека существования эш-ка рукотворными божествами их кто только не называл. В основном публицисты и прозаики, конечно — им вообще не свойственно разбираться в том, в чем они пишут. Даже в таком красивом определении, конечно, крылась доля истины. Образ человекоподобного робота, придуманный в его нынешнем виде японцами, в коллективном сознании и закрепился-то как нечто могущественное и

внушительное. Одним словом — божество.

Бред, конечно, но красивый. Я получаюсь тогда чуть ли не воплощением такого бога на земле. А что, мне льстит.

"Кросс Трайфорс" возвышался надо мной. Эш-ка был почти полностью выкрашен в матово-серый цвет — только некоторые участки корпуса, в том числе блоки пулеметов на руках и подошвы, были черными. Вокруг радиаторов, закрытых сейчас заглушками, были оранжево-белые полосы, призывавшие к осторожности. "Лицо" машины было выкрашено в белый — правда, отсюда голову, выполненую в виде немецкого "Стального шлема"[8], видно не было.

Я притронулся к обшивке эш-ка — прохладной и гладкой. В бою она страшно нагревается, особенно при интенсивной выработке энергии, даже несмотря на идущие по всей несущей конструкции трубы с курсировавшим в них хладагентом. Даже после остановки реактора к ней некоторое время нельзя прикасаться.

По левую руку от "Кросс Трайфорса" — семидесятитонный "Юстикатор" Второго; по правую — пятидесятитонный "Маджестик" нашего четвертого оператора, Аоки Кимэры. Сорокапятитонный "Вейл Дементиа", флагманский штурмовой комплекс, управляла которым Сэа, мне был не виден; он стоял сразу после "Юстикатора".

— Отдыхай. — пробормотал я, обращаясь к своему эш-ка. Глупо было бы думать, что машина может мне ответить, но все-таки. — Набирайся сил, тупая железяка. Я надеюсь, что еще нескоро в тебя залезу. Но как залезу — вот тогда-а-а…

А что, собственно, тогда? Снова за работу? Приевшуюся мне за четыре года хуже горькой редьки?

Вот уж воистину, на войну стремится только тот, кто на ней никогда не был. Перед моими глазами прошел добрый десяток таких войн — в разных их этапах, с разных сторон фронта, но всегда одинаково — через сенсоры штурмового комплекса. Столкновений с эш-ка у меня было от силы семь, а победой или поражением закончились только четыре — далеко не все могут позволить себе даже разведывательный вариант, весящий всего двадцать-тридцать тонн без полезной нагрузки. И то все

сводилось к обмену выстрелами на дальней дистанции, хотя это было даже интересно — стоять столбом в сражении с другим эш-ка нельзя в принципе, если тебе дорога(а она тебе дорога, да и не только!) твоя машина. Но все сводилось к одному — покружили, обменялись залпами, потеряли наплечную броню или что-то такое — и все, отступаем. Эш-ка редко сходятся в бою лицом к лицу, и уж тем более — насмерть. Отремонтировать эш-ка куда дешевле, чем строить или приобретать новый. Ведь за те же деньги можно купить пять пехотных доспехов или один современный беспилотный истребитель. Пилотируемые стоят еще дороже. Хотя — смотря какие, реликвии вроде F-230 или Су-77 еще остались на вооружении где-нибудь в Африке.

Я не особо разбираюсь в авиации, но прекрасно понимаю только две вещи. У меня, кроме нескольких лет тренировок в виртуальной реальности и семи столкновений с легкими эш-ка, практики не было — раз. Моя работа в ее привычном виде напоминала избиение младенцев — два. И кардинально изменить я ничего не могу — три.

И ведь я даже не ради денег все это делаю. Деньги, которые я получаю, откладываются до лучших времен. Дело-то не в них, очасти.

Около половины моего тела принадлежит "Синамуре". Да, пересадка органов в наше время — дело тривиальное; можно человека заново собрать, если мозг уцелел, чего там скромничать. Но в моем случае над органами, — моими, правда, — основательно поработали, и средств было потрачено немало. Списать их было уж никак нельзя. С Лейдзи — то же самое.

Иногда, вот как сейчас, из-за этого обстоятельства меня обуревало ощущение безысходности. Я был, конечно, благодарен Синамурам за все, включая свое появление на свет, но иногда это было уже чересчур.

Я заперт на Синамурадзиме. Несколько раз в месяц — полеты в Японию. Есть такая возможность, но чего я там не видел? Раз в год — отпуск. И много-много командировок, подразумевающих работу и, как следствие, все то же "избиение младенцев". И выхода отсюда нет.

Да, миллионы людей проживают так всю свою жизнь. Ну, почти так же. Они точно так же привязаны к своим домам

множеством узов — семьей, работой, недостатком средств, все равно чем. Эта работа у них — еще муторнее, чем моя. Отпуска тоже раз в год. Никаких различий по сравнению со мной.

Не знаю как они, но я так не могу. Пускай это я только сейчас так думаю — я вскорости брошу эту мысль, как всегда. Но я так не могу.

А что я могу сделать?

Ничего.

***

Я так и стоял, опершись рукой об ногу "Кросс Трайфорса". Гигантскому роботу, логично, от этого, как и от терзаний его оператора, было ни холодно, ни жарко. Образно, конечно — это все равно неживая машина, даром что она с оператором еще и разговаривает. Немного разговаривает, конечно — столько, сколько нужно; поддерживать беседу ИИ эш-ка не умеет. Но все равно, конечно, глупость.

— …Лелуш? Ты меня вообще слышишь?

Я снова чуть не подпрыгнул на месте от неожиданности и развернулся на голос — но это был всего лишь…

— Ой. Привет, Аоки. Извини, я тебя не заметил…

…Всего лишь Аоки Кимэра, да. Четвертый и самый старший из операторов эш-ка "Синамуры" — по возрасту; ему двадцать восемь лет. Нам со Вторым — по двадцать; Сэа — двадцать один. Неофициально, — мы же были, все-таки, полувоенной организацией, — он был подполковником и, таким образом, и самым старшим по званию. Не то, чтобы звание значило что-либо вне "Синамуры", конечно, да и внутри нее тоже…

— И как ты так умеешь? До тебя уже минуту не докричишься…

— А ты и не кричал.

— Конечно. Я не люблю кричать, ты же знаешь. — развел руками Кимэра.

Выглядел он… странно. Во-первых, Аоки красил волосы —

непонятно зачем и почему. Волосы у него были красного цвета. Какой у него был природный цвет волос, я не знал. Во-вторых, он носил лётный комбинезон — темно-синий и украшеный иероглифом "Синамуры" поверх кармана на левой стороне груди, над сердцем. Вообще, на лётных комбинезонах всегда было много карманов, — что сейчас, что век тому назад, — и из-за этого, наверное, Аоки его и носил. Другое дело, что оператору эш-ка он был не нужен — если, конечно, речь идет не об операторах космических эш-ка, но они носят полноценные скафандры, ничем не отличающиеся от современных космических скафандров для выхода в космос. Совсем другое дело, что Кимэра одевался и в половину не так странно, как, например, Сэа. К примеру, сегодня оператор "Вейл Дементиа" была в длинном узком платье, которое непонятно как сочеталось с сапогами на шпильках и легким плащом на плечах. Ну и обязательной шляпкой с вуалью. Хотя, нашел я, кого в пример ставить…

— Аоки, у тебя не найдется зеркальца?

— Зеркальца? Ну, найдется… — он полез в какой-то карман на груди и выудил оттуда небольшое прямоугольное зеркальце. — Вот, держи.

— Спасибо. — поблагодарил я и скептически оглядел себя.

Узкая курточка, едва доходившая до середины живота, водолазка под ней, узкие брюки, высокие туфли, белые перчатки с раструбами и заколка, придерживавшая на одном месте волосы, чтобы не мешали. Однако. На Сэа я, можно сказать, зря наговаривал.

— Что-то не так?

— Не-а. Спасибо. — я вернул зеркальце. Кимэра засунул его обратно.

— Я Второго по дороге встретил. — сообщил он.

— И что Второй?

— Да так, ничего. Побеседовали. В отличие от тебя, он ноет от скуки.

— А я, думаешь, не ною? Кстати, как ты догадался-то? Я имею ввиду, "в отличие от меня", и так далее…

— Ну, я тебя уже достаточно долго знаю, чтобы угадывать твое настроение, не находишь?

— Нахожу. Вот только зачем?

Аоки подтянулся и уселся на выступающую часть подошвы своего "Маджестика". Его эш-ка был немногим меньше моего и

всего на десять тонн легче. Ну, его специализация — радиоэлектронная борьба, а в дальнем бою скажем мой "Кросс Трайфорс" тяжеловооруженнее. Хотя не в вооружении дело, а по мастерству Аоки превосходил меня многократно.

— Ну, как зачем? Иногда полезно. Чем больше знаешь о человеке, тем больше точек воздействия на него. Любого воздействия. Хорошего, плохого, один хрен.

— Хочешь провести сеанс прикладной психотерапии, а, Аоки?

— Не-а. Но если ты попросишь — могу.

Я развел руками и оперся об ногу "Кросс Трайфорса".

— Давай лучше об эш-ка поговорим.

— Зачем?

— Просто.

— Ну давай. Расскажи что-нибудь о моем "Маджестике". - он похлопал ладонью по обшивке ступни своего эш-ка.

— Ну даю. Тип — штурмовой комплекс радиоэлектронной борьбы. Класс — "Экселенц". Произведен в Великобритании концерном "Викерс" в 2089 году. Высота — примерно десять метров, тоннаж — пятьдесят тонн без полезной нагрузки, с полезной нагрузкой — вплоть до семидесяти. Несущая конструкция — полумонокок, каркасная, сделана из нанофибростали[9]. Силовая установка — низкотемпературный ядерный реактор "Роллс-Ройс Прометей", максимальная мощность — 980 киловатт. Броневые материалы — композитные, укрепленные углеродными нанотрубками, опять же… меня одного достали эти нанотрубки?

— Нет, не одного. Но от них никуда не убежишь. Вооружение скажешь?

— Скажу. Смонтированное — 12.7мм трехствольные пулеметы "Викерс Трицератопс" на предплечьях, и еще один "Викерс Юникорн А.И.", но одноствольный и под управлением ИИ, в паху. На правом плече смонтирована пусковая установка для ЗРК с ракетами калибра 76мм. Навесное — мономолекулярный нож "Бофорс Страйкинг Форс" и гироджет[10]-карабин "Ройал Орднанс Болткэннон". Калибр — 55мм. А, еще противопехотные мины в ногах. А про ИИ не скажу.

— И не надо. В общем да, молодец.

— А дальше что?

— А дальше ничего. Сам хотел поболтать… — мечтательно проговорил Кимэра, задумчиво смотря в потолок. Затем он вдруг осведомился: — Полегчало?

— Что?.. Ну, да. — признал я. Душевные терзания и действительно отползли куда-то на задний план на фоне небольшой проверки моих знаний, которую Аоки и устраивал. Имел право.

Он только хмыкнул и продолжил смотреть в потолок.

— Знаешь… — неуверенно протянул я. Кимэра немедля всполошился:

— Что?

— Я вслух думал просто. О том, что передумал от работы отказываться.

— А ты собирался?

— Ну, Синдзи был не против. Да и я как бы тоже, того, подустал туда-сюда мотаться.

— А теперь что?

— А чего я здесь, на Синамурадзиме, не видел-то? Во-во. Буду сидеть сложа руки — все равно ничего не изменится, да еще и со скуки загнусь. А так — хоть что-то хорошее.

Он не ответил, предпочтя снова пожать плечами.

***

Когда я вышел из главного здания "Синамуры", санитарный дождь уже давно закончился и успел даже высохнуть. Все вокруг, правда, до сих пор слегка пахло мылом. Солнце двигалось к горизонту, но было еще достаточно высоко; я взобрался на крупный камень, лежавший на вершине отвесного склона, и подставил спину солнечным лучам. Внизу, у подножия склона, был небольшой галечный пляж с ведущей к воде дорожкой из камней покрупнее. Сверху вершина склона была составлена из крупных камней. За моей спиной начинался как раз окружавший главное здание парк, доходивший на западной оконечности острова до особняка семьи Синамура. Парк окружал здание "Синамуры Парамилитарис" и комплекс служебных зданий и общежитий. В восточной оконечности острова был соединенный с ангарами длинным огороженным путем плац для штурмовых комплексов, в южной — пристань внутри рукотворной пещеры, а в северной — аэродром и эллинги воздушных барж.

Остров и сам по себе — целое состояние. Сейчас, конечно,

таких островов предостаточно, но как прадеду Синдзи удалось построить Синамурадзиму в тридцатых годах, для меня оставалось загадкой. Несомненно, на то время это было исключительное событие. Это сейчас искусственный остров — что-то обыденное, хотя их уже и не строят так, как раньше. Сейчас и четыре эш-ка, да еще и средства их транспортировки, да еще и в частной собственности — что-то обыденное. А тридцать лет назад о таком и помыслить никто не мог. Все было железно — эш-ка были только у наземных войск, хотя в конце восьмидесятых появились первые воздушные противоспутниковые эш-ка-трансформеры. Не хотел бы я управлять таким — я примерно представлял, какие перегрузки испытывал пилот, скажем, сверхзвукового истребителя, если не говорить даже о суборбитальных полетах. Противоспутниковый перехватчик, все равно какой, должен был подниматься на такую высоту почти играючи. В общем, не для меня это.

Моя работа и так — предел мечтаний каждого мальчишки, хоть раз увидевшего штурмовой комплекс. Хоть бы и в кино или в выпуске новостей, или на параде в честь какой-то знаменательной даты. Только скучная она, эта работа.

В ухе запиликал коммлинк. Я нажал пальцем на ушную раковину.

— Вольфр-Икаруга слушает.

— Это я. — поспешно заявил Синдзи на том конце "провода". — Я… хотел поговорить.

— Все хотят. Нет-нет, что ты, говори.

— Ну, во-первых, я хотел извиниться…

— А толку? Мне уже следовало привыкнуть давно. Сколько с тобой живу…

— Все равно. Извини, пожалуйста. А теперь еще одно. Мне звонил Рюдзи. Он заключил сделку с "Кидо Эревейта Груп". Я подумал, что тебе стоит знать.

— Как ты угадал? А, ну да, глупо спрашивать.

— Пардон?

— Я имею ввиду, только хотел у тебя спросить. Короче, если что вдруг куда — считай, что я согласен. А то снова куда-то в какие-то жопари отправишь гонять герильясов орудием Гаусса, знаю я тебя.

— Не мы такие, наниматели такие. Платят хорошо, а деньги нам нужны, и ты знаешь почему.

— Ну, это очевидно.

— Кхм. В любом случае, послезавтра с утра ты вылетаешь к Восточному Лифту. Город там тебе понравится, наверное. Завтра утром отбудет "Манта" с твоим "Кросс Трайфорсом" и "Вейл Дементией" Сэа. Она, если что, летит с тобой.

Я тяжело вздохнул.

— Повезло с попутчицей, нечего сказать. А Второй и Аоки?

— А с ними мы еще уточним. Если что, вы летите чартерным рейсом из Токио. В аэропорт сразу на вертолете, думаю, доберетесь. Багаж с собой брать не рекомендую, кроме джентльменского набора разве что. Все что надо выдадут на месте.

— Понял. А можно встречный вопрос? — и, не дожидаясь ответа, я спросил: — А на кой черт посылать эш-ка?

— А зачем бы нас еще нанимали? КЭГ хочет создать, как я понял, эффект присутствия, на случай если кто-то будет пытаться совершить массированное нападение на лифт. Подчеркиваю, "если" и "кто-то". Это все спекулятивно, ты же понимаешь.

— Понимаю. В общем, это будет такой курорт? Внеплановый отпуск? А, нет. Извини, я бред несу.

— Вот-вот. Будь, пожалуйста, готов к, хм-м… непредвиденным последствиям.

— Всегда готов. — бросил я. Буду тешить себя надеждой, что все обойдется, и в эш-ка мне не придется лезть вообще. Хоть город тамошний посмотрю. Там же жарко, наверное…

— Ты молодец. — проникновенно сообщил Синдзи. — Но не отчаивайся, хорошо? Может все еще обойдется…

— Меня не покидает дурацкое, совершенно дурацкое предчуствие, что черта с два оно нам обойдется. И что мне прикажешь с ним делать, а?

— Не мучать себя. У тебя еще целый день. Проведи его с пользой, а там посмотрим, хорошо?

— Ты хотел сказать "посмотришь", да?

— Именно так. Все, давай. Увидимся позже.

— Увидимся. — ответил я и "положил трубку", ни к кому уже не обращаясь: — Куда ж я от тебя денусь, а?

Ответа, само собой, не последовало. Вокруг было даже как-то странно тихо.

— Куда я денусь? — еще раз спросил я сам у себя. И рассмеялся.

Куда-нибудь, да денусь. Это всего лишь вопрос времени, в конце концов.

Глава II

Июль 2117 — Тихий Океан, о. Подножие

На остров, коротко, но емко названый Подножием, мы должны были лететь, как уже ранее упомянул Синдзи, чартерным рейсом. Даже больше того, на дозвуковом самолете. По сравнению с массивными сверхзвуковыми "Аэробусами" и "Туполевыми" дозвуковой "Дассо Сиель" выглядел совсем крошечным. В нем не было той элегантности, присущей современным авиалайнерам, стреловидным и изящно внушительным; наоборот, он выглядел чересчур округло, словно дизайнерская мысль КБ "Дассо Авиасьон" так и застряла в середине прошлого века. Хотя какая-то своеобразность такой внешности присутствовала.

Сегодня было уже второе июля. В Аргентине я и Второй находились с семнадцатого по двадцать седьмое июня, плюс пара дней полета туда и обратно воздушной баржей. Почти полмесяца пролетело — нет, не совсем чтобы зря. Но и без особой пользы.

Нас с Сэа, как и обещалось, довезли вертолетом в аэропорт и препоручили Провидению и графику полетов. Посадка на рейс "Токио-Подножие" начиналась через полчаса после нашего прибытия. Спешить было некуда, и мы расположились в зале ожиданий. И без того отчаянно зевавшая всю дорогу Сэа тотчас же задремала, но не ранее чем пригрозила вырвать мне позвоночник, если я, упаси боже, не разбужу ее вовремя. Я только плечами пожал.

Народу было полно. В заполненом зале ожидания стоял гул от собравшихся людей, каждый из которых считал своим долгом вести беседу с попутчиком или же попутчиками. К счастью, говорили они достаточно тихо, а гудение можно было игнорировать, чем я и занялся. Разглядывать людей я не стал. Периодически гул разговоров перекрывал громогласный голос ИИ-оповещателя аэропорта, доносившихся из скрытых где-то в деталях интерьера громкоговорителей. Сэа продолжала спать без задних ног; ее шляпка съехала несколько набок.

Наконец, громкоговоритель оповестил всех пассажиров рейса

"Токио-Подножие" о начале посадки и попросил пройти к указанным воротам. Я толкнул Темпести в бок. Никакого эффекта сие не возымело, и я пихнул ее еще раз и посильнее.

— Ой… — сонно пробормотала она. — Ч-что, уже пора, или ч-чего?

— Вставай, соня. — повелительно заявил я и поднялся со своего места. Краем глаза я отметил, что поднялось и начало пробираться к выходу еще человек десять. Как и следовало ожидать; Восточный Лифт так и не возобновил работу, да и теракт отпугнул посетителей.

— К-кто соня? Я? Да никог…да в жизни! — возразила Темпести, продолжая щуриться заспанными глазами из-под вуали. — Ану возьми меня за руку! Слы…шишь, нет?!

— Не кричи ты так. Давай сюда. — я протянул ей руку. Она тотчас же за нее взялась.

Таможенный досмотр прошел без сучка и задоринки, но у нас и багажа не было особо, и нас пропустили дальше, к стеклянному коридору телетрапа, уже придвинутого к самолету.

— Я спа-а-ать хочу-у-у… — ныла Сэа, норовя повиснуть на моей руке.

— Потерпи, а? Сейчас поспишь, нам лететь часа два.

— Это ра-а-адует…

— Не блей, пожалуйста. Не утруждай себя лишний раз. И меня не стыди.

Возражений не последовало.

Ничего более интересного не произошло. Салон самолета был полупустым, лететь предстояло, как было сказано выше, два часа, Темпести вновь задремала, откинув голову на спинку кресла, а я сидел и смотрел в иллюминатор.

Скучно. Я выудил из кармана КПК и открыл совершенно случайную книгу из тех, что на нем были записаны, на первой странице:

"Небо над портом напоминало телеэкран, включенный на мертвый канал", — гласила первая же строчка. Не интересно. "Нейроманта" я уже читал. Классика, конец двадцатого века, а по большей части автор попал в точку насчет конца двадцать первого. По большей части.

Я спрятал КПК обратно. Скучно. Откинув голову на спинку кресла, я тоже решил задремать. И задремал.

Проснулся я самостоятельно. Сон, и без того короткий, напрочь отшибло. За иллюминатором все еще простирались облака. Сэа все еще спала мирным сном — о том, что именно ей снилось, я мог только догадываться.

Как я уже говорил, пассажирский салон был полупустым, и я убедился в этом лишний раз, когда решил оглядеться. Но одна попутчица все-таки привлекла мое внимание. Мне не интересны женщины сами по себе(и мужчины тоже) — есть вещи и поинтереснее, но пропустить вот эту женщину я почему-то не смог.

Ее глаза были закрыты, а руки, затянутые черной копроновой тканью наподобие чулков, двигались в воздухе перед ней — верный признак того, что она сейчас работает с воображаемым интерфейсом, который виден только ей. Из-за уха(прическа у нее была короткой, открывавшей маленькие аккуратные ушки) тянулся едва заметный черный проводок, подключавший воображаемый интерфейс и окулярные дисплеи[11] к портативному компьютеру. Кроме этого самого копронового гольфа и надетой поверх нее майки-сеточки, остального ее наряда я не видел.

Она моего взгляда не заметила, все еще перебывая в обьятиях воображаемого интерфейса, но я и сам отвернулся.

Мне почему-то казалось, что тут было что-то не то. Нутром я просто-таки чуял.

Странно, вроде я никогда не замечал за собой мании преследования. Вспыхнула, как пламя зажигалки, и тут же погасла мысль — а если это еще одна милая штучка, встроенная генетиками "Синамуры"? Нет, нет, исключено, генная модификация так не работает… но Синдзи я все-таки переспрошу. Тиха восточноевропейская ночь, но сало лучше перепрятать, или как оно там говорится?

К слову, сала я никогда и не пробовал. Даже имитации не пробовал. Да и желания особого не ощущалось…

…"Дассо Сиель" сел в аэропорту Подножия, мягко скрипнув шинами, когда колеса шасси коснулись поверхности взлетно-посадочной полосы. К самолету был подан передвижной трап, и парой минут спустя мы с уже выспавшейся и не тискавшей мою руку Сэа сошли на землю города-острова Подножие.

Башня орбитального лифта возвышалась на горизонте, доминируя над ним; ее было видно на Подножии отовсюду. Громоздящиеся вокруг административные здания, сам лифтовокзал, откуда осуществлялась посадка на уходившие к звездам составы, служившие кабинками в этом лифте, электроподстанции и служебные постройки формировали основание этой колонны, уходившей в небо и терявшейся в облаках. Составы лифта ходили по протянутым внутри башни лифта тросам из углеродных нанотрубок — единственного материала, имеющего достаточную легкость и прочность на разрыв для подобного сооружения. Стенки самой башни защищали тросы от ударов микрометеоритов(на больших высотах) и порывов ветра. В нескольких местах Подножия над городскими зданиями доминировали башни лазерных передатчиков энергии, подававших энергию к приемникам на лифте, но отсюда, из аэропорта, была заметна только одна. Все Подножие и появилось, как придаток к башне Восточного Лифта — сначала как поселение персонала на строительстве, а потом — как перекресток между земной орбитой и поверхностью. Больше половины жителей Подножия были сотрудниками "Кидо Эревейта Груп" и работали, так или иначе, на обслуживание орбитального лифта и его инфраструктуры; оставшиеся тридцать пять процентов были заняты в сфере услуг, которые в изобилии предоставлялись как будущим лифтонавтам, так и бывшим. Так было, и так должно было быть.

Но сейчас и аэропорт, в котором одиноко стояли два Ту-6000 русского Аэрофлота и один "Нео-Конкорд" американской "Юнион Континентал Эйруейз", и весь, как казалось сначала, город, и башня лифта с печально мерцавшими голографическими рекламами на ее нижних этажах, были поражены одинаковым запустением.

— Лифт закрыт. В нем террористы. — прокомментировала Сэа и весело засмеялась. Я машинально, без излишнего удивления, поднял бровь. Шутки Темпести зачастую были понятны лишь ей одной.

У самого входа в здание аэровокзала я оглянулся. Давнешняя женщина в копроновом гольфике прошла мимо меня, даже не удостоив меня взглядом. Я смог рассмотреть остальные детали ее одежды — серая мини-юбка, такие же черные, как и гольф, колготки и открытые туфли. Глаза, теперь уже открытые, оказались зелеными. Короткие волосы — черными. В обоих ушах — маленькие сережки с зелеными камушками, под цвет глаз. На среднем пальце правой руки простое золотое кольцо.

Все. Ее внешность теперь отложилась у меня в голове — достаточно, чтобы я смог четко ее описать в случае необходимости. Никогда не знаешь, зачем это понадобится.

— Вольфр-Икаруга, ты идешь или как? — окликнула меня Сэа.

— Иду! — откликнулся я и поспешил к ней.

А самое главное было то, что портрет я мог запомнить сам. Без фотокамер в зрительных нервах, без мем-кардов… сам. И я этим гордился. Чем дальше развиваются технологии, тем больше они дают людям костылей. Мне, как я считал, они не нужны. Только коммлинк в ухе, но его имплантировали мне в "Синамуре", да и я к нему привык. Только вот даже меню мне приходится помнить наизусть, так как у меня нету воображаемого интерфейса. Или подключать КПК. Или одевать ДР-очки. Но это ведь тоже костыль.

***

Нас встретили сразу за воротами. Людей и без того было немного, но черные пиджаки синамуровцев выделялись бы и в толпе. Коротко раскланявшись, сотрудники службы безопастности перепроводили нас прочь из здания аэровокзала, к поджидавшим нас автомобилям. Нам с Сэа предложили сесть в красный "ЗАЗ-Дэу Ольвия". Отказываться было не к чему. Машины наверняка были взяты напрокат — а зная повадки СБ, еще и разобраны чуть ли не по винтику и проверены на наличие жучков или радиомаячков. И те, и другие уже давно делались с использованием последних достижений в области нанотехнологий, и лучшим средством против них были такие же наномашины, разгрызавшие несчастных жучков-маячков на составляющие детали.

Кортеж из четырех автомобилей тронулся.

— Добро пожаловать на Подножие. Здесь непривычно тихо, вам не кажется? — спросил сидевший спереди эсбэшник. Движение на Подножии было левосторонним — водитель сидел справа, а переднее место пассажира находилось слева. К праворульным автомобилям я привык с детства, и смущение вызывали, наоборот, леворульные, но это неважно.

Эсбэшник был японцем — неприятного вида типом с низко посаженной головой; повязанный на шее белый платок упирался ему прямо под подбородок. Стрижка у него была короткая, диссонирующая со строгим деловым стилем одежды, верхнюю губу украшали тонкие усики, а карие глаза смотрели как-то подозрительно и исподтишка. Полоса розоватой кожи, шедшей через левый глаз и оставившей прореху в брови, красноречиво свидетельствовала о не так давно выведеном шраме. Доверия его внешний вид, таким образом, не внушал совсем.

— Не могу судить, увы. Ранее здесь не бывал. — ответил я. — Сэа, а ты?

— Проездом, да.

— Тогда поверьте мне: здесь непривычно тихо. Простите, я забыл представиться. Сагара Васимото, к вашим услугам. Господин Синамура попросил меня встретить вас и ввести в курс дела. Я не имел права отказываться.

— Очень приятно.

— Взаимно. На самом деле, ничего из ряда вон выходящего не происходило. Мы прибыли вместе с господином Синамурой, а после подписания контракта с КЭГ их служба безопастности передала нам часть доступа в систему наблюдения и охраны Подножия. Наш временный центр наблюдения находится в районе Уэст-Централь, дом 13 по улице Циолковского. Это, — Васимото постучал пальцем по креслу, и на спинке зажегся экран, демонстрировавший карту города с указанными на ней улицами и зданиями, — центральная улица района, отходящая от улицы Основания. — на карте подсветилась кольцевая улица вокруг темного пятна орбитального лифта.

— Прямо на центральной улице? — неуверенно протянула Сэа. — Как-то это чересчур… неправильно, что ли?

— Я не закончил, госпожа Темпести. Дом 13 по улице Циолковского. Вход на подвальном этаже, замаскирован под старый автомат по продаже напитков.

— Насколько старый?

— Шестидесятых годов. Монетку можно не бросать. — без тени иронии сообщил Васимото. — Последовательность — третья кнопка сверху, вторая снизу, первая сверху, потом стукнуть по автомату справа на уровне средней кнопки. Только не очень сильно, его может заклинить. На здании сверху рекламный голощит, вы его не пропустите. Здесь на центральных улицах рекламы на удивление мало.

— А что еще? — спросил я. — Ну, какие меры приняты согласно контракту?

— Согласно контракту у нас есть доступ к системам наблюдения везде, кроме самого лифта и прилегающего к нему комплекса зданий. С вторичным приоритетом. И мы поставили несколько своих радаров на окраинах Подножия. Там и так стоят башни мобильной связи, которые никто так и не демонтировал. Помех не создает, мы проверили. И еще набросали сонарных поплавков на дистанции пятисот метров от побережья. Вместе с "Мантой" прибыли беспилотники-наблюдатели, которые тоже патрулируют побережья. Воздушное движение вокруг лифта же запрещено на всех высотах, ну вы это и так знаете. А мы, в свою очередь, узнаем, если кто-то попробует без разрешения подобраться к Подножию. И уже тогда в игру вступаете вы.

— И какова же наша задача?

— Не болтать слишком много по коммлинку. Частота центра наблюдения — 125.65, координационного поста "Манты" — 125.68, свои вы и так знаете. В случае боевой тревоги от вас требуется добраться до "Манты" в течении максимум десяти минут. Трафика сейчас немного, успеете, в крайнем случае есть маг-лев. "Манта" пришвартована в грузовых доках на окраине района Нордстар Хайтс, док номер шесть. Там наш персонал, увидите сразу, вас пропустят. Доки находятся по улице Сисайд Авеню, номер 2.

— А если не успеваем за десять минут?

— Будет осуществлено баллистическое развертывание эш-ка в вашу область. Советую находиться ближе к окраинам, так как запускать их будут именно туда. Нам никак не позволят разрушать городские кварталы, если этого можно избежать.

— Хорошо. А сейчас мы куда едем?

— По идее, в центр наблюдения. Но это конкретно нам надо, вас ограничивает только время, необходимое для того, чтобы добраться до "Манты". Баллистического развертывания мы тоже хотели бы избежать, к летающим около лифта обьектам тут относятся несколько параноидально.

— Тогда высадьте меня, пожалуйста, здесь. — попросил я.

— Нет проблем. — пожал плечами Васимото. — Госпожа

Темпести?

— Нет-нет, я еще проеду. — помотала она головой. — Ведь можно, верно?

— Конечно. Господин Вольфр-Икаруга, скопируйте, пожалуйста, себе нашу карту города и возьмите это. — эсбэшник открыл бардачок и вынул оттуда пистолет в матерчатой кобуре. — Исключительно для самообороны. "Вальтер PPS 2065", восьмизарядный, безгильзовый. Запасные патроны здесь, в кармашке, одна обойма. Держите. Без особой надобности не применяйте, пожалуйста.

— Спасибо. — поблагодарил я, принимая пистолет. Затем я вытянул из кобуры ремешок и протянул его через плечо; пистолет оказался надежно скрыт под короткой курточкой, заставив меня в который раз пожалеть о ее длине. Была бы длиннее, можно было бы на пояс прицепить. — Карту вашу я скопировал.

— Тогда прощайте. Гинза, притормози.

"Ольвия" остановилась у обочины; я вылез из автомобиля и обошел его, подходя к окну переднего сидения.

— Прощайте. — произнес я и протянул неприятному на вид Сагаре Васимото руку. Эсбэшник слегка наклонил голову набок, словно надеясь найти в моей руке подвох, а потом открыл дверь, вышел из машины и пожал мою руку.

— Всего хорошего. Наслаждайтесь своим визитом в Подножие. — на прощание сказал он и полез в машину.

Наверное, в душе он был туристическим агентом…

Я проводил тронувшийся кортеж взглядом и глубоко вдохнул в себя незнакомый воздух, пропитывавший остров Подножие. Тут, на автостраде, соединявшей аэропорт с самим городом, и вправду было пусто. Вдали виднелась башня лазерного ретранслятора, и уже отсюда были ясно заметны тянущиеся с линий электропередач к ее вершине толстые сверхпроводимые провода. Сама башня мерцала несколькими рекламными голощитами. Над невысокими зданиями, выполненными в стиле баухаус-модерн, шла застекленная эстакада маглева. Согласно карте, это был юго-восточный район Подножия — Кляйн-Тюрингия.

За все время, пока я спускался вниз вдоль автострады, по ней проехал один-единственный автобус с надписью "Добро пожаловать на Подножие", демонстрировавшейся на пяти языках — английском, немецком, русском, японском и китайском. И черт

меня дернул рассмотреть его поближе.

Мой взгляд встретился с зелеными глазами той самой так насторожившей меня женщины.

Я торопливо отвернулся. Автобус, — серо-неоново-зеленый "Тойота Нюклеобус" поехал дальше, и мне оставалось только пялиться на круглую заглушку на корме автобуса, закрывавшую электролитическую ячейку.

"Надо же, теперь они и в автобусы их пихают", — ни с того ни с сего возмутился я про себя.

***

На улицах Подножия запустения не ощущалось совсем. Конечно, толкучку было не сравнить с той, что царит в Токайдо или Великом Лондоне — точнее, по тамошним меркам улицы Подножия были вообще пустыми. Но лавировать между людьми пришлось немало.

Кляйн-Тюрингию я пересек пешком — район, когда-то отстроенный, похоже, немцами, был одним из самых маленьких в Подножии. Направился я, почему-то, на север, и с индифферентно устремленной куда-то в сторону головой вступил вскорости на узкие улочки района Ориениталия. Как я отметил к своему удивлению, на большинстве этих узких улочек движение было исключительно пешеходным. Ориениталия была, если судить по ее переполненности, уже более сравнимой с Токайдо, и общему нео-циньскому стилю архитектуры, чем-то вроде чайнатаунов в американских городах — переживших гражданскую войну американских городах. А ориенитальянская архитектура значительно разнилась между собой: нео-циньские выгнутые крыши и навесы соседствовали с массивными жилищными комплексами, выполненными в стиле классицизма. Что самое характерное, ни одно здание в Подножии не доходило даже до половины высоты башен-ретрансляторов. Рекламные голощиты сосредотачивались на высоких зданиях или были смонтированы на столбах, где позволяло место.

Город пересекали шедшие кое-где и над домами и другими улицами автострады, над которыми шли маглевы, а изредка — и пешеходные мосты. Ровно два района — Основание и Уэст-

Централь — были обозначены, как находящиеся на искусственных возвышениях; автострады вливались в них, чтобы вынырнуть на другом конце района. Множества шедших друг над другом автострад заметно не было — действовали, видно, те самые параноидальные ограничения на высоту, о которых упоминал Васимото. Полицейские БПЛА, правда, ничем не отличались от тех, что в других городах — каплеобразные винтокрыльчики с глазами-камерами, наполнявшие воздух жужжанием винтов и летавшие над головами толпы.

Ничего необычного, с удовлетворением отметил я, присев наконец-то на левитирующую скамейку на бульваре Кларка, шедшего через всю Ориениталию и поднимавшегося здесь к улице Основания. Все как положено. Колонна орбитального лифта совсем рядом — только глаза прикрой и голову подними. Она заслоняет почти весь горизонт. На ней мелькают голографические рекламы, различить которые из-за солнечного света несколько затруднительно. И, что самое главное, небо над городом было цвета голубого с белыми пятнами камуфляжа, и в нем сиял далекий термоядерный шар Солнца.

А я ходил, ходил и ходил, только убыстряя темп, позабыв обо всем на свете. О "Синамуре", о своих внутренностях, которые ей принадлежат, о работе, — а я ведь был, все-таки, в командировке! — о безысходности, о подозрительной зеленоглазой женщине, об оттягивавшем карман КПК с бумажником и о скрытом под курточкой "Вальтере".

Я просто ходил, и остановился только сейчас — натруженные ноги наотрез отказались идти дальше. Я ходил уже четыре часа кряду — часы на КПК показывали 12:48. Я порядком проголодался — ну, я ничего не ел с самого утра. Вот вам и генетически модифицированный пилот гигантского робота, да. А чего вы ожидали?

Поесть — не такая уж и плохая идея. Деньги у меня есть. Но я устал. Да еще и левитирующая скамейка так приятно покачивается, если на ней поерзать — магнитная левитация как она есть.

Я так и остался сидеть, смотря в выложенный неровными зеркальными плитками тротуар, даже несмотря на понемногу отступавшую усталость. Выглядел я, конечно, отвратительно. Рожа хмурая, цвет волос какой-то невнятный, под сощуреными

глазами мешки, заколка в волосах — и та криво прицеплена. Заколка, кстати, как заколка — ограненый темно-синий камень в невзрачненькой оправе в форме вытянутого ромба. Мода на мужские заколки, наряду с прочими украшениями, десять лет как прошла, но чхать я хотел на моду.

Заколку я все-таки поправил и заставил себя встать на ноги. Скамейка закачалась, но соскочить сидение не могло — его удерживали магниты в стенках вазообразной опоры. Я пошел дальше, вверх — тротуар здесь, вдоль поднимавшегося бульвара Кларка, шел террасами, соединенными между собой эскалаторами. Карабкаться по ступенькам здесь особенно много не надо было. Эскалаторы, как раз, и были в изобилии украшены рекламами, демонстрировавшимися на стеклянных стенках, закрывавших эскалаторы. Делалось это, наверное, из эстетических соображений, но наверняка стекло могло выдержать врезавшийся в него автомобиль. Или пехотный доспех, само собой всплыло в голове. Терроризм с использованием пехотных доспехов всегда был в моде, аж с тех пор, как их стали производить на экспорт, и полицейских и сотрудников служб безопастности корпораций ими стали снабжать практически тогда же…

…Пообедал я, а заодно и позавтракал, в каком-то местном фастфуде, вывески которого я уже неоднократно замечал во время моей прогулки по районам Подножия. Нигде вне Подножия же я его не замечал. Наесться, тем не менее, можно было и тут. По улице Основания, на которой забегаловка скромно примостилась, неспешно ехали автомобили. Краюшек площади перед главным терминалом лифтовокзала был заметен уже отсюда. Площадь была неожиданно пустой — хотя почему неожиданно-то?

Доев, я перебрался на ту сторону улицы и неспешно подошел поближе к площади. Она действительно была пустой, а вдобавок еще и перекрытой — доски объявлений и табло на фасаде терминала были отключены, из пазов в обыкновенном битумном тротуаре площади были выдвинуты столбы лазерных заграждений, а вход караулили два сотрудника службы безопастности "Кидо Эревейта Груп" в пехотных доспехах, которые я не так давно поминал. Еще два их товарища по боевым машинам прохаживались туда-сюда по площади перед заграждением. Забрала пехотных доспехов были откинуты, являя миру скрытые массивными BP-очками светлые лики их пилотов.

Почему-то у пехотных доспехов всегда были пилоты, а у штурмовых комплексов — операторы. Причины подобного наименования потерялись в глубине веков. Из оружия у доспехов были внушительные, под стать их размерам автоматические дробовики, использовать которые против гражданских было, вроде бы, нельзя. Хотя может быть они и не против гражданских были предназначены, но это уже слишком параноидально — ожидать нападения пехотных доспехов или чего еще в самом сердце Подножия, ощетинившегося сейчас сонарами, радарами и камерами беспилотных разведчиков.

Один из доспехов наконец заметил меня и направился в мою сторону. Тут надо сказать, что от шагов четырехметровых машин земля ходила ходуном под ногами — неприятно, но терпимо. А размеры были просто подавляющими: нетрудно было перед такой монстроузной машиной забыть, что ты регулярно управляешься с куда большей такой машиной. И тебе это еще и надоело хуже тертой редьки… кстати, а что такое редька? Лично я не пробовал ниразу…

Доспех остановился и согнулся в поясе, чтобы пилоту было меня видно. Я машинально отступил назад.

— Добрый день. — обратился ко мне его пилот: на плече доспеха тотчас же заработал голопроектор, продемонстрировавший мне голографическую копию удостоверения личности пилота. — Старший сержант Бэйдао, служба безопастности "Кидо Эревейта Груп". Прошу прощения, многоуважаемый… — он запнулся, сканируя покоящийся в моем бумажнике паспорт, — …гость нашего города, но эта территория сейчас закрыта для посещения. Я прошу вас немедленно покинуть ее.

— Никаких проблем. Прошу прощения, офицер. — ответил я, развернулся и уже хотел было сделать шаг, как меня остановил его оклик:

— Стойте!

— Что-то не так? — осведомился я, оборачиваясь.

— Отверните левую полу куртки. — потребовал старший сержант тоном, не терпящим возражений. Глазок сканера на нагруднике пехотного доспеха все еще горел неярким красным "зрачком", и не подумав выключаться.

Я послушно отвернул полу куртки, открывая миру висящую на моем тощем боку кобуру с "Вальтером". Вот черт. Что ж это,

Васимото выдал мне пистолет без меток?

Черт, черт, черт. От незаконного ношения оружия я никак не отмажусь, особенно в таком параноидальном нынче(давайте, скажите мне, что четыре пехотных доспеха на крыльце лифтовокзала, да еще и с дробовиками наперевес — это не параноидально. Давайте. Попробуйте) Подножии.

— Медленно вытащите пистолет и бросьте его на землю. — продолжил командовать старшина Бэйдао. Я подчинился, небрежно швыряя "Вальтер" ему под ноги.

— Кобуру отстегивать? — спросил я, мысленно проклиная лопухов-эсбэшников "Синамуры" и их излишне бдительных коллег из КЭГ на чем свет стоит.

— Нет. Там оружия нету. На вашем пистолете отстутствуют опознавательные метки. Откуда он у вас?

— Мне его выдали. Давайте, проверьте, кто я и на кого работаю. Вы же можете.

— Уже проверили. Вы — Лелуш Вольфр-Икаруга, сотрудник "Синамура Парамилитарис"… однако, это ничего не обьясняет. Метки на оружии отсутствуют. Следовательно, мы имеем полное право вас задержать за незаконное хранение стрелкового оружия.

— Позвольте!.. — начал было я, но запнулся на половине фразы. Возразить было нечего. Но замолчал и старшина: руки его доспеха, копируя движения пилота, задвигались в воздухе где-то в стороне, чтобы вдруг не задеть меня.

Я ждал, переминаясь с ноги на ногу, как нашкодивший ребенок, родитель которого отвлекся от головомойки чаду на телефонный разговор. Ну, со стороны так, наверное, и выглядело — доспех-то по-прежнему нависал надо мной.

А ведь толкни его посильнее — и он упадет. Чтобы завалить пехотный доспех, достаточно одного попадания из РПГ — если знаешь, куда бить. И хорошо если он упадет не на меня, но меня оглушит взрывом, а если будут бить фугасными и по корпусу — может задеть осколками… Потом еще и раздавить ненароком могут. "Синамура" потеряет кучу денег, если такое, упаси боже, случится — и не факт, что захочет тратить еще одну такую кучу, чтобы вытащить меня с того света, если вообще будет, что вытаскивать. При инсульте или разрыве сердца не спасают, а при ранении в живот — только если сразу засунут в филактерий[12], а его еще доставить надо на место проишествия…

— Инцидент исчерпан, господин Вольфр-Икаруга. — обратился ко мне пилот пехотного доспеха. — В ваш пистолет внесены необходимые пометки. Впредь проверяйте их наличие.

— Уж не беспокойтесь.

— От имени службы безопастности КЭГ приношу вам свои извинения за предоставленые неудобства. — отчеканил старшина Бэйдао, козырнул и попятился назад. Я кивнул, поднял пистолет и ушел, засовывая его в кобуру на ходу.

К какофонии шагов за спиной добавилась еще пара — но не позже, чем когда я отдалился на достаточное расстояние от площади. Перейдя через дорогу, я направился на юг — здесь начиналась еще одна автострада, шедшая через южный район Подножия, расходившаяся на два отдельных рукава здесь. В получившееся отверстие шла улица, скромно звавшаяся Констеллейшн-Стрит.

Коммлинк запиликал, как и ожидалось, как только я вошел на территорию южного района — Зодиак-Дистрикта. Нда, оригинальностью застройщики не отличались.

— Вольфр-Икаруга слушает.

— Это Васимото. Господин Вольфр-Икаруга, как вы считаете, из любопытства соваться под нос параноидальным секьюрити КЭГ — это нормально? Любопытство погубило кошку, знаете?

— Отсутствие меток на оружии, которые обнаружаются любым полицейским сканером, чуть не погубило высококлассного оператора эш-ка. И упаси боже, если бы оно погубило, господин Васимото.

— К своим связям взывать изволите?

— Будто бы вы сами не знаете, что за меня Синамуры с вас шкуру снимут. Извините, но я же очасти ваш гость. Подножие наполовину под наблюдением нашей СБ, разве нет?

— Да. Ну хорошо, я прошу прощения, что выдал вам пистолет без меток. В следующий раз предупреждайте заранее, чтобы мы их поставили.

— Предупрежу.

— И еще, господин Вольфр-Икаруга. Постарайтесь не создавать нам больше проблем. Это я вас по-человечески прошу. Представьте себе, как мы сейчас нагружены. Операторы так и вообще. Знаете же, если много гонять через мозг потоки данных, можно в овощ превратиться.

— Да. И ходить под себя, знаю. Но мне это не грозит, к счастью. Я по другому роду деятельности.

Васимото на том конце трубки сделал задумчивую паузу.

— Когда-нибудь ваш род деятельности перестанет быть актуальным. Попомните мои слова.

— Не позже чем ваш. И в любом случае, только если доживу. — ответил я и положил трубку, не попрощавшись.

***

Когда те самые классики, в далекие 1980ые годы, писали о компьютерных сетях, они имели о них весьма смутное представление — тогда только-только начали появляться громоздкие персональные компьютеры, которые едва умещались на письменном столе. Интернета не было вовсе, но его появление и диффузию предвидели, и не раз. Но представление о том, как будет выглядеть всемирная информационная сеть, было еще более смутным, чем о компьютерах вообще. Почему-то, самым популярным был постулат о том, что всемирная сеть будущего будет подаваться в виде одной большой галлюцинации. С мозгом человека вместо устройства вывода. В общем, опять же, об этом школьники узнают на уроках информатики.

Идею с человеческими мозгами, правда, не бросили. Сейчас вон почти каждый малолетний засранец считает своим долгом выклянчить на четырнадцатый день рождения нейропереходник, приладить его к своей дурной башке и ускакать от реального мира подальше. То, что тоже предвидели в свое время — нейропереходник визуализирует поступающую информацию сразу в мозг, и пользователь начинает галлюцинировать: сеть раскрывается перед ним во всем ее виртуальном многообразии. Омерзительная, если вам интересно мое мнение, вещь.

Солнце клонилось к закату, нависнув прямо над домами южного Зодиак-Дистрикта. Я снова сидел на скамейке, согнувшись и подперев голову руками. Вокруг скверика, в котором я и сидел, уже зажигались неоновые вывески на фасадах домов. Один-единственный рекламный голощит на фасаде многоэтажного бизнес-центра теперь был виден гораздо четче и ярче. По газончику напротив меня ползал похожий на краба робот-садовник.

…А в первый раз увлекшись "полным погружением" и успешно обосравшись, — занятый обработкой данных мозг не считает нужным информировать дурака-хозяина о том, что пора бы и по нужде отлучиться, — этот самый малолетний засранец начинает тратить выклянченные деньги и трафик на новые драйвера и апгрейды. Его единственная отрада в жизни — этот самый нейропереходник и мир вседозволенности, который он открывает. Ему кружит голову мысль о том, что в восемнадцать лет он наконец-то сможет лечь под "нож" нанохирурга — устройства не больше спичечного коробка, которое проделает в его тупом черепе дырку и соберет в ней же разъем для мем-кардов, и нейропереходник отправится на помойку. А зачем он уже? Вставил за ухо крошечную антенну вай-фая — и все, бредить сетью можно где угодно и когда угодно. Вай-фай-то есть уже везде. А к двадцати двум годам у этого олуха-кибернавта выгорают мозги и он начинает ходить под себя и пускать слюну уже постоянно. Его отправляют в психушку, выдирают разъем, начинают лечить, выкачивая из горюющих родителей денежки, новостные порталы вновь пестрят заголовками в духе "Еще один подающий надежды молодой человек выжег себе мозги". И хорошо еще, если его вылечат и он заречется впредь ходить в Интернет с чем-то сложнее обычного текстового браузера. Если не вылечат, то ничего не останется, и наш малолетний засранец закончит свою жизнь мозгом в банке, бездумно обрабатывающим информацию для какой-нибудь корпорации или госструктуры.

Само собой, есть те, кто вовремя слезает. Исключения из правил всегда есть. И они тоже гоняют информацию через себя — но это их работа. Операторы систем наблюдения, заводских цехов, древних беспилотников и роботов — тех, которые еще были устройствами телеприсутствия, системные администраторы и программисты, в конце концов — эти две уважаемые и древние профессии так и не умерли.

Но исключения только подтверждают правило, разве нет?

Я негромко рассмеялся. Робот-садовник испуганно повернул крошечную голову с глазками-бусинками камер на звук. Если прислушаться, можно было услышать, как жужжат обьективы крошечных камер, фокусируясь на огромной(для робота) фигуре человека. Потом робот понимает, что это — человек, и он его не интересует. Следовательно, надо продолжать выполнение программы. И робот ее продолжает. Он-то видит в темноте, ему все равно, когда работать.

А я вот так и гулял до темноты. Зодиак-Дистрикт — чуть ли не самый большой район Подножия, в конце концов. Хотя это и не суть. Надо отправляться на "Манту" — меня еще не хватились, но скоро могут и хватиться. А "Манта" стоит аж на противоположном конце города. Туда ходят маглевы, но где тут ближайшая станция и на какую линию садиться?

Я поднялся со скамейки и побрел прочь из скверика и дальше, по улице, направляясь, похоже, на север. На самом деле, ноги несли меня не пойми куда.

Моя профессия, вернулась моя мысль в прежнюю колею, далеко не такая древняя. Хотя и уважаемая. Наверное. В конце концов, я наемный оператор без роду и племени, если уж утрировать. А у каждого государства, которое имеет на вооружении эш-ка, они зачастую выделены в отдельные корпуса и являются элитным родом войск. Избранными, можно сказать. Лучшими сынами и дочерями нации, первой и последней линией обороны. Не то, чтобы мне было завидно или что еще. Может, они любят свою работу. Я не люблю.

Я вообще много чего не люблю. Ныть об этом вслух я не вижу особого смысла. Себе самому — всегда пожалуйста.

Меня довольно грубо отпихнули в сторону. Я, оказывается, остановился посредине тротуара в квартале от скверика, где я не так давно сидел. Отпихнувший меня мужчина в очках обернулся, прошипел что-то на непонятном мне языке и пошел дальше. Я пожал плечами и отошел к стене здания.

И опять встретился с уже знакомыми с утра зелеными глазами.

Она стояла на противоположной стороне улицы, возле столбика информационного терминала. И нет, она не смотрела на меня — или же мне показалось?

Я развернулся на каблуках и пошел дальше, незначительно убыстряя темп. Оглянулся, перейдя дорогу на переходе. Она — на другой стороне, стоит на перекрестке. И снова смотрит вроде бы и не на меня, но я ясно могу ощутить ее взгляд.

Вперед, вперед. И свернуть на следующем же повороте. Рука

ныряет за полу куртки, нащупывает защелку на кобуре и расстегивает ее. Пальцы ныряют внутрь кобуры, оттопыривая ее и ложась на рукоять пистолета.

Перекресток, как и ожидалось. Я больше не оборачиваюсь — я сразу поворачиваю налево, а затем ныряю в ближайшую подворотню. Дворик небольшой — колодец посередине квадратного здания, сверху перекрытый стеклянным куполом.

Я не буду прятаться и запутывать следы. Все гениальное — просто. Следишь за мной? Будь добра рассказать, почему и зачем. Или жрать раскаленный свинец.

Во дворике тоже стояла скамейка — окруженная заросшей какой-то неопределенной растительностью клумбой старомодная скамейка на витых ножках. С одной стороны скамейки примостилась белая урна-деассемблер, а с другой высился фонарный столб — только вместо фонаря в нем был высокий прозрачный аквариум с люминисцентными водорослями, заливавшими скамейку приятным голубоватым светом. Я уселся на скамейку, оставив куртку распахнутой, а кобуру расстегнутой. Урна тут же высветила надпись на крошечном светодиодном дисплее: "Химические отходы и взрывоопасные предметы не кидать!".

Я вальяжно развалился на скамейке и стал ждать. По счастью, моя преследовательница не заставила себя ждать сколь-либо долго.

Она вышла из темного зева подворотни тихо и неслышно, почти утопая в тени — выделялась только серая майка-сеточка и поблескивавшие зеленые камешки сережек. Зеленые глаза смотрели на меня — вернее сказать, в мою сторону, но их взгляд ясно ощущался.

— Ну привет. — поздоровался я, вытаскивая из кобуры пистолет и снимая его с предохранителя. Дуло пистолета затем было направлено преследовательнице в ногу, хотя на таком расстоянии и в темноте я мог и промахнуться.

— Добрый вечер. — негромко поздоровалась она в ответ. Не тихо и не шепотом, а именно что негромко.

— Зачем ты за мной-то ходишь следом, а? — спросил я, придав лицу как можно более обиженный и разочарованный вид — будто бы меня только что оскорбили в лучших чувствах. — Это

нехорошо. Из-за тебя порядочный человек, — да, порядочный, без дураков! — нервничает очень. Уже начал на манию преследования грешить.

Я погладил затвор пистолета большим пальцем.

— Я вам, гражданочка, интересен? Огласите, тогда, в каком именно амплуа. И без фокусов, пожалуйста. Я же говорю, я нервничаю. Не факт, кстати, что тебе что-то светит. Разговаривать я сейчас не настроен, а отношения полов меня не интересуют. Вообще не интересуют. Но ты говори, говори.

— Вы точно Лелуш Вольфр-Икаруга? — вежливо уточнила она.

— Да.

— Меня просили вас предупредить. Я все время пыталась, но поздно — я потеряла вас утром, в городе. И вы не стремились идти на контакт.

— Ну-ну. И о чем же?

— О том, что "Синамура" не должна была даже пытаться помогать КЭГ.

— Это угроза? — указательный палец шелохнулся на курке "Вальтера".

— Это констатация факта. Я должна была вас предупредить из уважения к собрату по цеху. Вас и Темпести.

— А руководство "Синамуры" переубедить не пробовали?

— Они бы не стали меня слушать, вам это известно.

— Меня или кого-то еще из операторов — тоже.

— Не мои проблемы. Я предупредила вас. Прощайте.

И прежде, чем я смог выстрелить, она выхватила откуда-то ослепительно блестнувший в свете лампы-аквариума нож и молниеносно метнулась вперед. Ударила по руке — пистолет выпал из непроизвольно разжавшихся пальцев — и сделала движение сжимавшей нож рукой.

Правый бок обожгло резкой болью. Я зашипел, размахнулся и врезал женщине кулаком в лицо. Удар пришелся в челюсть, и наградой мне послужил едва слышный хруст.

Она вновь занесла нож, который держала обратным хватом, для удара, но я успел перехватить ее руку и толкнуть ее коленом в низ живота. Колену стало неожиданно мягко и тепло ровно на каких-то два мгновения: потом мир снова пришел в движение, и мое правое плечо тоже пронзила боль — выпущенный женщиной

нож прошел по касательной, ухитрившись, правда, разрезать рукав куртки и рубашки и порезать мне плечо. Противница, выпустившая нож, осела назад, и тут стал действовать уже я, забыв о боли. Я выпустил ее запястье, одновременно метнувшись в сторону(бок болезненно запротестовал), сгреб лежащий на земле пистолет, навел на нее и выстрелил.

— Стой, сука, стрелять буду! — выкрикнул я почти одновременно.

Пуля не попала туда, куда задумывалось — целиться времени не было, и она только оцарапала ей щеку. Я выстрелил второй раз, целясь в живот, но не попал вовсе: она вдруг сделала обратное сальто, вскочила на ноги и была такова. Эхо ее бегущих ног еще недолго задержалось в темной подворотне.

Я опустился обратно на скамейку. В ушах стучало, а порезы единогласно требовали к себе внимания. Кровь в изобилии запятнала рубашку, до того голубую, равно как и плечо. На земле передо мной лежал брошенный нож и несколько чудом попавших на землю капель крови.

Кровь, кстати, скоро свернется. Но как бы рана вдруг не открылась…

До меня донеслись чьи-то голоса. Они доносились из подворотни — а откуда ж еще? Говорили вроде как на китайском. Я, конечно, знал только английский и японский, но по звучанию европейские и дальневосточные языки мог отличить. Лучше уж так, чем учить языки, вставляя себе за ухо мем-карды.

Разумнее было бы уйти — тени тут было предостаточно, и я смог бы скрыться. Но не смог бы уйти. Да и не хотелось как-то. Пускай приходят и смотрят, злобно подумал я.

Голосов было трое, а их хозяев — столько же. Китайцев среди них было только двое… даже нет, один из "китайцев" точно был корейцем. Третий был неприятным типом явно европейской наружности. Да, собственно, китаец и кореец тоже были не из приятных. Китайский, насколько я понял, был для этой троицы чем-то навроде lingua franca.

Я продолжал сидеть, наблюдая за ними исподлобья. Пистолет я не убирал, снова поглаживая затвор пальцем. У меня еще шесть

пуль в магазине. И похоже я знаю, куда их истратить. Даже несмотря на то, — и здесь я бешено, как постоянно делала Сэа, усмехнулся сам себе, — что согласно идеологии каких-то коммунистов из прошлого[13], такие как они не стоили даже траты патронов. Их полагалось забивать насмерть прикладами.

Китаец, наконец обратив на меня внимание, окликнул меня по-китайски.

— Звиняй, брат. — ответил я по-японски и широко улыбнулся. — Я тебя не понимаю.

"Брат" моргнул и оправил свой белый пиджак.

— Слышите, пацаны, он меня не понимает. — обратился он к своим приятелям по-японски. А затем наклонился ко мне: — Не понимаешь, говоришь?

— Ну, теперь понимаю. А что не так-то?

— Что не так? А, ты типа нарываешься? В хлебало схлопотать сильно хочется?

Я заулыбался еще шире и спустил курок.

Китаец, только что нависавший надо мной, отшатнулся назад, оступился и упал на землю — я всадил пулю ему в колено.

А потом проделал то же самое с его дружками. Они и сделать ничего не успели.

— Спасибо, братцы. — протянул я, вставая со скамейки и отвешивая китайцу пинка по роже. — Помогли пар выпустить, молодцы.

Ответом мне были приглушенные китайские фразы. Наверное, это были матюги.

— Урок первый, пацаны. — закончил я, уже обойдя их и скрываясь в черном зеве подворотни. — Никогда, никогда не пытайтесь качать права человеку, который вооружен чем-то крупнее кухонного ножа. Чао!

Коммлинк запиликал почти одновременно с окончанием фразы.

***

Эйфория от небольшой победы над местной шпаной улетучилась почти мгновенно. Навалилась невероятная слабость: видно, крови я сколько-то да потерял и теперь еле-еле переставлял ноги. Чтобы еще раз в этом убедиться, я поднес палец к ране в боку и тихо зашипел от боли, прикоснувшись к ней. Кончик пальца был в крови. Рана таки открылась.

Коммлинк продолжал назойливо пиликать, и я, тяжело вздохнув, снял трубку:

— Вольфр-Икаруга слу-

— Где вас носит, черт побери? Какого черта на вызов не отвечаете? Где вы вообще? — грубо оборвал меня голос Сагары Васимото в ухе. Эсбэшник был, похоже, не в себе, о чем ясно говорил его повышенный тон.

— Я где-то в южной части Зодиак-Дистрикта. Улица, э-э, Меркюри-Стрит, возле дома N14…

— Да мне плевать, где вы и возле какого дома!! — заорал Васимото. — Вы что, не понимаете, что творится?! Что на юго-западном побережье сонары вышли из строя, но успели подтвердить приближение какого-то судна?! Которое, к тому же, не выходит на связь и идет под водой?! Вы этого не понимаете, а?!

— Нет, не понимаю! — рявкнул я в ответ. — Откуда мне знать?! У меня что, мозги в вашу сеть воткнуты, или что?! Васимото, черти б вас в аду драли, пока вы там обсырались со своими сонарами, меня чуть не зарезали как свинью, а вы туда же!..

— Вас? Чуть не зарезали?

— Вообразите себе, да! — в глазах у меня зарябило. Я зашатался и вынужден был облокотиться на стену дома. Рубашка была влажной от выступившей на ней крови.

— Ничего себе. Вы живы? — без доли участия в голосе спросил эсбэшник. — Неважно. Мы обьявили тревогу, и ваши эшка готовы к старту. Ваш и госпожи Темпести, то есть. Вам надлежит сесть на маглев и прибыть на "Манту", причем как можно скорее. Да и вообще убраться подальше от южных районов города.

— А что с ними?

— Через полчаса служба безопастности КЭГ и полицейские перекроют доступ к ним. Второстепенные пути заблокируют дистанционно, на основных еще и заграждение выставят. Маглев остановят и обесточат.

— А люди?

— А что люди? Панику поднимать никто не хочет. Само собой, что кое-кто уже потихоньку переместился за будущие заграждения. В центре города довольно оживленно.

— Ваши гарантии, что я успею? Васимото, учтите, я еле-еле переставляю ноги. Кровь как-то, простите, херово свернулась… А в маглеве наверняка толкучка.

— Гарантий никаких… Погодите минутку. — короткое шипение, и Васимото замолчал, но трубку не бросал. Я побрел дальше, сверившись с картой маглева у информационного столбика, и поплелся южнее. Улицы действительно пустели. Даже машин было мало.

Опять шипение.

— Вольфр-Икаруга, вы здесь?

— А куда я денусь?

— Никуда. Западная часть Зодиак-Дистрикта только что "выключилась". Вся. В эфире молчание, на камерах черным-черно, датчики ничего не передают. В общем вы поняли — ЭМИ. Тактическое ЭМИ.

— Твою мать. Скорость распространения?

— Нету, импульс локальный. Били вспышками, интервал две секунды сорок восемь миллисекунд. Радиус — 500 метров у каждого импульса.

— Это не эш-ка. Это ваша подлодка, или что еще. Сколько держался импульс?

— Пять секунд. Достаточно, чтобы спалить всю электронику в заданном радиусе.

— Значит если эш-ка все-таки есть, то он там. Васимото, вы можете отправить "Кросс Трайфорс" баллистическим развертыванием?

— Что? Конечно же не могу! Нужно разрешение. Тем более, а если ударит импульс?

— А если подумать?

Он замолчал — очевидно, последовал моему совету.

— В самую восточную часть побережья. Я свяжусь с КЭГ и попрошу разрешения.

— Я буду ждать и двигаться туда. Если не удастся, то…

— То мы что-то придумаем. Я уведомлю госпожу Темпести. Отбой. Двигайтесь.

Я повесил трубку.

— Твою ж мать. — сказал я информационному столбику. Столбик сразу развернул передо мной калейдоскоп экранов-консолей; мол, пользуйся не хочу! Я только головой помотал. Лучше бы я этого не делал — в глазах опять зарябило.

Опершись об столбик, я передохнул, подождал, пока рябь в глазах пройдет, и поплелся дальше. Людей становилось все меньше и меньше. Дорога и вовсе опустела. Даже полицейские беспилотники не летали. Вот только один надо мной покружил, ничего странного не обнаружил, — ну шатается человек, с кем не бывает, может, перебрал лишку или отходняк мучает, — и полетел дальше.

А я медленно, но верно, сверяясь с информационными столбиками, шел к набережной. Потом столбики выключились. Я просто продолжал идти, иногда забирая налево, и наградой мне вскоре стал звук бьющихся об волнорез морских волн. Да, в опустевшем Зодиак-Дистрикте было настолько тихо.

Район вымер. Даже огни погасли. Видимо, людей все же предупредили. Конфиденциально. Все подключены к сети двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. Это не так сложно. А своих сотрудников КЭГ наверняка вывела заранее; корпорации всегда заботятся о своих сотрудниках. "Ты, начальство, я — вместе дружная семья". Жилье за счет корпорации, основные расходы за счет корпорации, вечеринки всем отделом в пятницу вечером за счет корпорации, пенсию платит корпорация, похороны, в конце концов, тоже корпоративные. Зато отдельно взятому сараримэну гарантирована стабильная и безоблачная жизнь, которую никакие кризисы не омрачат — главное, если он действительно будет выкладываться на все сто.

Японцы, а подобную практику начали именно они еще два с половиной века назад, умели выкладываться на все сто. По-настоящему умели. Их примеру с горем пополам следует весь цивилизованный мир: от стран ЕК до КСДР[14]. Малый и средний бизнес процветает только в развивающихся странах, и то поскольку-постольку. Ну и на Орбите, но Орбита, держащаяся опять же на шести семейных кланах, не в счет.

Даже я не ушел от сетей корпоративного общества. Я в них и

родился. Ну, появился на свет.

До сих пор не знаю, плакать мне или радоваться. Но лучше не плакать. И так голова кружится и в глазах рябит. Рана опять затянулась, и слава богу.

Пилик-пилик. Я надавил на ухо:

— Я слушаю.

— Следите за небом, Вольфр-Икаруга. Мы начинаем баллистическое развертывание.

— Понял, слежу. Двигаться в восточную сторону?

— Да. Пока вы там ходили, выключилась центральная часть района. Сразу после того, как запустите машину, двигайтесь в Кляйн-Тюрингию. Вас впустят, мы распорядились. Чтобы ЭМИ не накрыло.

— Хорошо. Спасибо, Васимото.

— Просто выполняю свою работу.

Я подошел к самому волнорезу и задрал голову. В глазах опять зарябило, но ненадолго, и я смог пронаблюдать, как на севере из-за горизонта взлетает яркая точка. Я начал медленно отступать в восточную сторону, а точка взбиралась все выше и выше. Еще выше, еще, еще.

В этот момент слева послышался свист, напоминающий свист минометных зарядов, а затем… а затем ничего. Просто еще часть Зодиак-Дистрикта, вернее ее электронная составляющая, сгорела от возмущений в магнитном поле, созданных самым страшным оружием современности.

Ядерная бомба или боевой кинетический спутник — ничто по сравнению с ЭМИ-бомбой, а массированное применение ЭМИ-оружия сулит цивилизации даже не смерть, нет. Просто стремительную регрессию. Полу- и сверхпроводниковая электроника теряет свои проводящие особенности, превращаясь в груду ненужного металла, дурно воняющую паленой изоляцией — отсюда и термин "сгорело".

Одна водородная бомба, взорванная на низкой орбите, могла создать ЭМИ такой мощности, что легко "выключила" бы территорию размером с Соединенные Штаты, всю Европу или весь Китай. Водородные бомбы давно запретили и разобрали, но ЭМИ можно генерировать в таких же масштабах и другими способами.

Поэтому, и только поэтому, такое оружие запретили к использованию, как когда-то запретили бактериологическое и химическое. Исключение сделали только для тактических зарядов, которыми сейчас и лупила невидимая отсюда подлодка.

Свист затих, а точка на горизонте ярко блестнула, достигнув апогея, после чего разделилась надвое. Одна потухла, а другая начала неуклонно двигаться куда-то к востоку, приближаясь и увеличиваясь в размерах. Причем увеличивалась она стремительно.

Удар. Земля заходила ходуном, заставив меня потерять равновесие и рухнуть на колени. Подоспевший затем свист оглушил меня до боли в ушах — разве что правое, где был коммлинк, болело чуть меньше.

"Кросс Трайфорс" приземлился в небольшом скверике по обе стороны набережной, угодив прямо в волнорез и чуть-чуть не сверзившись в воду. Баллистическое развертывание предусматривало доставку эш-ка баллистической ракетой-перерастком, в которой эш-ка, сложенный в транспортировочном состоянии, находился в боевой части, тормозившей падение парашютами, чтобы не побить дорогой груз. Боевая часть разваливалась потом сама по себе, как яичная скорлупа.

Надо было спешить. До эш-ка было рукой подать, и это словно прибавило мне сил. Скорлупа боевой части распалась, ее части гулко ударились об землю, но мне и это было непочем — я упорно шел вперед, к своей ненавистной машине.

Одной рукой я достал КПК и на ходу настроился на частоту бортового компьютера "Кросс Трайфорса" — 97.89. Засунул компьютер обратно, прижал палец к уху:

— Бортжурнал: начало процедуры запуска. Код оператора: SSU-765X, капитан Вольфр-Икаруга.
— Принято. Внимание: присутствие оператора в кабине не обнаружено. Начинаю работу в автономном режиме.
— Начать прогрев реактора и активацию бортовых систем.
— Принято.

Зажужжали сервомоторы — голова "Кросс Трайфорса" пришла в движение. Глаза-камеры полыхнули рубиново-красным. С непрекращающимся жужжанием голова машины осмотрелась по

сторонам, а затем жужжание усилилось.

— Реактор в режиме "прогрев". Выработка электричества на 25 % мощности. Переход из транспортировочного положения в боевое.

Воздух вокруг радиаторов исказился от усилявшегося с каждой минутой жара. Сервомоторы по всему телу штурмового комплекса приходили в движение: разворачивались руки, перебирая пальцами; разжимались ноги, ища опоры на земле. Движения были медленными и механическими, без какой-либо плавности или грации.

Когда я подошел наконец ближе, эш-ка выглядел так, будто бы он отжимался и застыл у самого пола. Вся жизнь из машины словно улетучилась: о ее работе напоминал только горячий воздух, обдававший меня целиком, и надсадное гудение реактора.

— Открыть люк. — приказал я.
— Принято. — ответил ИИ и распахнул люк, давая мне забраться внутрь. — Добро пожаловать на борт, капитан Вольфр-Икаруга.

Кабина была в положении, перепендикулярном поверхности, отчего пристегиваться было неудобно, в глазах зарябило, а к горлу подступила тошнота. Ноги с трудом стали на педали, уцепившись за них. Я щелкнул тумблером "люк закр.", снова прижал палец к уху и скомандовал:

— Выпрямиться.
— Принято.

Реактор работал на 50 % мощности. Я передвинул переключатель в положение "полн. функц." как раз тогда, когда кабина поехала вверх, оказываясь параллельно поверхности.

— Реактор в режиме полного функционирования. Выработка электричества стабильна на 50 % мощности. Система охлаждения активирована.
— Перейти в режим наблюдения. — продолжил я, на секунду прервавшись, отстегнув и забросив куда-то в сторону экрана заколку, и натянув укрепленный за сидением шлем нейроинтерфейса.
— Принято.

Следующим из-за кресла была вытянута аптечка, а из аптечки — эластичный бинт, которым я тут же препоясался, наложив его поверх побледневшего пореза на боку. Второй бинт примостился на плече. Последним я вытащил крохотный инъектор, закатал рукав, закрепил инъектор на нужном месте и слегка надавил на его верхушку. Укола я почти не почувствовал.

Стимуляторы, конечно, гадость. Боль, конечно, снимают, ощущения болевые притупляют, повышают скорость реакции и дополнительно стимулируют органы чувств, даруя великолепные ощущения с каждым выбросом повышенного количества адреналина. В общем, то, что принято именовать "кайфом".

Я не был противником наркотиков, но гадость, — стимуляторы, то есть, — от этого не становилась менее гадостью.

Но сейчас без них никак.

"Нейроинтерф. вкл". Слабость потихоньку растворялась — действовал стимулятор, действовал.

— Внимание: нейроинтерфейс оператора подключен. Передать управление на оператора?

— Нет. Какое у нас оружие?

— Пулеметы Rheinmetall-Mauser MG88, калибр 12.7мм на предплечьях, пулемет Heckler & Koch MG80, калибр 5.56мм в паху, боевой нож Victorinox Monocutter, в креплении на поясе и гироджет-карабин Heckler & Koch RG20 в креплении на плече.

— Подготовить гироджет-карабин к стрельбе. — распорядился я. — Балансировку на автомат, управление на пилота.

— Принято.

Рука "Кросс Трайфорса" вытащила из-за спины гироджет-карабин — оружие, больше смахивавшее на пистолет-пулемет, чем на винтовку. Барабан с патронами располагался по компоновке "буллпап", на коротком прикладе. Ствол тоже был предельно укороченным — реактивным патронам длинный ствол не нужен.

Эш-ка, повинуясь мне, развернулся. На спине и талии отскочили хвостики стабилизаторов, тут же удлиненные заботливым ИИ до нужной длины.

На панорамном мониторе я ясно видел своего врага. Вдали от меня по набережной шел, задевая здания широким шипастым наплечником, штурмовой комплекс с неизвестными опознавательными знаками. Голова с высоким шлемом, широкие наплечники с шипами, такие же широкие предплечья и голени. В одной руке эш-ка, тотчас подсвеченный на экране и опознанный как шведский ассассин-эш-ка класса "Вотан", сжимал широкий мономолекулярный палаш, а в другой — эсток, меч для пробивания брони. На талии машины, над закрывавшей уязвимые бедренные узлы машины юбкой из брони, были укреплены еще два запасных меча.

Мой первый настоящий противник.

Глава III

о. Подножие, район Зодиак-Дистрикт

"Вотан", исподлобья уставившись на меня поблескивающими зелеными глазами-камерами, несколько замедлил шаг, а потом и остановился совсем. Он стоял посередине Т-образного перекрестка, в паре сотен метров от меня. Верхушка шлема доставала до верхней панели одиноко повисшего на одном из зданий голощита. Поблескивало поднятое лезвие палаша в правой руке. На округлую, матово-черного цвета, грудь была нанесена единственная сухая надпись, сделанная люминисцентной белой краской.

— "Нордлюфтцуг"[15]. - с трудом прочитал я. — Что-то с севером связанное, нет?

— Не могу знать.

— Не можешь, так зачем реагировать? Отыщи лучше его частоту и вызови оператора.

— Безопастность оператора и самого комплекса может быть скомпроментирована.

— К черту.

— Принято.

Я вскинул руку "Кросс Трайфорса", сжимавшую гироджет-карабин, вверх. "Нордлюфтцуг" даже не шелохнулся.

— Канал открыт.

— Ага, спасибо. — я вдавил кнопку связи на панели над левой рукоятью: — Оператор штурмового комплекса "Нордлюфтцуг", класс "Вотан", говорит оператор штурмового комплекса "Кросс Трайфорс", прием.

— Я слушаю. — прошелестел искаженный статикой голос.

— Я требую, чтобы вы отступили и покинули остров Подножие. Немедленно.

— Это никак невозможно, Вольфр-Икаруга. Вы удивительно живучи. Это мне нравится.

— И что из этого следует?

— Ничего. Защищайтесь.

Шипение статики. "Нордлюфтцуг" вытянул руку с палашом

так, чтобы острием он смотрел прямо на меня. Руку с эстоком он отвел чуть назад.

— А, черти бы тебя драли! — выкрикнул я, резко опуская ствол карабина. Рот опять растянулся в бешеной ухмылке, а внутри все просто-напросто танцевало и вопило тысячью голосов. — Мы вступаем в бой с вражеским штурмовым комплексом!

Бой! Бой!! Бой, и ничего кроме боя!!!

— Балансировку на оператора! — скомандовал я, одним движением пальца снимая гироджет-карабин с предохранителя.
— Выполнено.

Вражеский эш-ка, похоже, потерял терпение и пошел вперед, все еще держа палаш перед собой лезвием вперед.

— "Кросс Трайфорс"! — выкрикнул я что есть мочи. — Вступаю! В! Бой!

Повинуясь резко упавшему на гашетку пальцу, карабин заговорил. Короткое дуло изрыгнуло пламя. Целый рой снарядов, надсадно ревя, понесся вперед, подстегиваемый миниатюрными реактивными двигателями. Грохот орудия эхом отдался по всему корпусу эш-ка; протестующе завизжали сервоприводы руки, которую дернуло назад отдачей огромного ракетомета.

"Нордлюфтцуг" даже бровью, образно выражаясь, не повел. Он просто отступил в сторону.

— Снаряды не попали в цель.

Кажется, у меня нервно задергалось веко.

— Ч-ч-что?!

Ствол карабина резко развернулся в сторону "Вотан"-класса; я даже не стал утруждать себя прицеливанием. И на этот раз я был вознагражден. Снаряды врезались в броню на груди "Нордлюфтцуга" и разорвались: матово-черный нагрудник расцвел огненными бутонами взрывов.

— Цель поражена. Нанесен урон фронтальному

бронированию. Эффективность составила 11.2 %.

Нагрудник врага теперь обзавелся кучкой выбоин, часть которых пришлась как раз на люминисцентную надпись.

Я ликовал. Недолго.

"Нордлюфтцуг" шагнул вперед, набирая скорость с каждым шагом: третья очередь гироджет-карабина пришлась ему в наплечник, и эш-ка даже не споткнулся. Я попятился назад и снова вскинул карабин.

— Внимание: боезапас гироджет-карабина Heckler & Koch RG20 на исходе.
— Молчать!

Снова загудели сервомоторы — рука, сжимавшая карабин, резко дернулась в сторону стремительно наступающего "Нордлюфтцуга".

Прежде чем я успел сопроводить нажатие гашетки каким-то шаблонным анимешным воплем, "Вотан"-класс резко остановился, — тормозные шпоры на ногах этому изрядно помогли, — и взмахнул палашом по диагонали. Траектория удара отобразилась на экране и начала медленно тухнуть, и на ДР-очках шлема тут же отобразилось схематическое изображение карабина, полыхавшее красным.

Ну, карабин сейчас разрезали надвое мономолекулярным лезвием. Чего бы тут не полыхать-то?

— Разорвать соединение с карабином. — приказал я, утрачивая разом весь задор.
— Выполнено. — пальцы правой руки разжались, отпуская уже непригодный к использованию карабин. Я тут же отдернул руку назад и открыл огонь из пулемета на предплечье. Безгильзовые пули заколотили по броне на предплечье "Нордлюфтцуга".

Ассассин-эш-ка повел палаш в другую сторону, ребром клинка отводя руку "Кросс Трайфорса". Град пуль обрушился на нагрудник, но нагрудник эш-ка может выдержать прямое попадание из пехотного рельсотрона или несколько противотанковых ракет и даже не треснуть. Пули ему были точно

непочем.

Запищало упреждение: я скосил глаза машины и вовремя загородил свою грудь от острия эстока. Левое предплечье запылало пока что желтым. Если бы я был чуть помедленнее, мономолекулярное лезвие вошло бы в грудь "Кросс Трайфорса" по диагонали и прямо в кабину.

— Внимание: пробоина в левом предплечье, секция 2. Под угрозой целостность мышц левого предплечья.

Я скрипнул зубами и отступил назад, отдергивая поврежденную руку. Эсток медленно, как показалось мне, пошел вперед, но я отступил дальше, отходя в сторону. "Нордлюфтцуг", выдирая куски дорожного покрытия, по инерции последовал дальше: оператор, или же ИИ, не справился с балансировкой.

Моя правая рука рванулась чуть ниже и перехватила запястье врага: я дернул его на себя, отчего механизмы руки натужно загудели. Ассассин-эш-ка, окончательно утративший равновесие(он и так стоял в раскоряченной позе), перекрутился вокруг своей оси и начал медленно падать.

— Нож к бою.
— Принято.

Правая рука скользнула за спину, смыкаясь на рукояти мономолекулярного ножа. Губы расплылись в безобразной, бешеной ухмылке. В ушах гулко стучало. Поверженный "Нордлюфтцуг", упершись в землю ногами, поднимался вверх; противовесы, отклонившиеся и сложившиеся перед контактом с поверхностью(машина упала на спину), снова раскрывались.

Эш-ка выпустил свое оружие из рук, но это ему ничуть не помешало. В конце концов, у него их было еще два.

Ножны на левой стороне талии раскрылись, а пальцы правой руки "Вотан"-класса сомкнулись на рукояти и вытащили на свет божий широкий меч с одной режущей кромкой — фальчион.

Я не стал долго ждать и сделал резкий выпад, метя в лицо вражеской машины. Метнувшаяся навстречу клинку левая рука медленно, как мне казалось(хотя на самом деле это движение было достаточно быстрым, и экран это честно отображал),

закрыла лицо "Нордлюфтцуга", принимая на себя удар, который я сознательно довел до конца. Мономолекулярный нож с легкостью прорезал броню, пробивая искусственные мышцы; враг отдернул все еще подчинявшееся ему предплечье, хотя пальцами он двигать уже не смог бы, и выстрелил.

— Множественные мелкие повреждения лицевого щитка и нагрудника. Секции с A по E радиатора 3 и секции с B по D радиатора 4 вышли из строя. Перенаправляю часть тепла на радиаторы 7 и 8.

В запястье ассассин-эш-ка был скрыт самый натуральный дробовик. Только, конечно же, крупнее калибром. Выражение "как слону дробинка" было бы с таким оружием неуместным — слона при выстреле в упор разорвало бы. А броня эш-ка в основном выдержала, но уязвимыми были выдающиеся наружу системы. Глаза, например.

"Нордлюфтцуг" сделал еще один выстрел. Я уже успел отдернуть руку с ножом, когда кабина заходила ходуном. Хорошо, что я был пристегнут к креслу.

— Множественные повреждения лицевого щитка, нагрудника и средней секции торса. Секции A и H радиатора 2 вышли из строя. Перенаправляю часть тепла на радиатор 1. Мелкие повреждения брони люка, механизмы не задеты. Внешний динамик по левому борту вышел из строя. Звуковые датчики 1, 4 и 6 по левому борту функционируют с перебоями. Незначительное повреждение механизма оси Y левого глаза.

— Насколько незначительное? — запросил я, отступая назад и чуть в сторону. Еще один заряд здоровенной разрывной дроби пролетел мимо: "Нордлюфтцуг" так и шел, вытянув вперед нефункционирующую иначе левую руку.

— Перемещение левого глаза по оси Y невозможно.

— Твою мать… Звуковые датчики 1, 4 и 6 по левому борту отключить.

— Выполнено.

— Опустить защитный экран глазной прорези. — я отступил еще на два шага. — Усилить мощность подачи энергии на механизмы ног на десять процентов.

— Выполнено. Механизмы ног теперь потребляют 35 % всей мощности реактора.

Я вжал педали в пол. "Кросс Трайфорс" сорвался с места, едва

ли не потеряв равновесие. Я сжал нож обеими руками и выставил его перед собой, лезвием вперед.

"Нордлюфтцуг" все еще стоял, вытянув вперед руку. Для меня все эти действия показались крайне медленными; если же верить бортовому компьютеру, я за доли секунды скорректировал положение ножа так, чтобы тот вонзился между пальцев левой ладони "Нордлюфтцуга" и прошел дальше, превращая в металлолом механизмы ладоней, сервопривод кисти и саму нанофибростальную несущую конструкцию — а точнее, ее центральную "кость".

Затем я настолько же быстро отдернул ноги на педалях назад, пятками нажимая на рычаги тормозных шпор, вгрызшихся в дорожное покрытие, и дернул нож вверх, разрезая "кость", мышцы и броневой каркас предплечья и вгрызаясь мономолекулярным лезвием в механизм дробовика. Медленно расцвел цветок взрыва, когда лезвие задело уже лежащий в стволе здоровенный патрон. Разорвавшаяся дробь привела мой нож, который я уже выпустил, в полнейшую негодность — он так и застрял в уцелевшей "кости". Собственно, только "кость" и выдержала взрыв, разорвавший предплечье эш-ка изнутри, как хлопушку, и покоробивший вдобавок плечо.

От ответного удара фальчиона я увернулся, отойдя в сторону. Раненый "Нордлюфтцуг" выглядел обескураженно.

Я заулыбался еще шире. Работали стимуляторы, работали! Скорость реакции и без того у меня была высокой, а теперь совсем ого-го!

— Предлагаю считать бой оконченным. — обратился я по внешней связи. — Я удовлетворен. Отступайте

— Я принимаю ваше предложение и свое поражение. Ликуйте, пока можете. — ответила мне оператор "Нордлюфтцуга". Ассассин-эш-ка попятился назад, все еще держа фальчион перед собой, и отходя все дальше и дальше, пока он не растворился в наступившей темноте — только были слышны гулкие шаги и гудение реактора. Я продолжал вести его радаром, но эш-ка, в конце концов, пропал и с него.

***

Как только враг исчез с экрана радара, вся эйфория от только что проведенной дуэли улетучилась, как углекислый газ из открытой банки содовой. И надо же мне было вступать в переговоры и требовать отступить?

Я расстроено вмазал кулаком по приборной панели.

Будь прокляты все правила и предписания!

В меня, будущего оператора, с детства вдолбили основу основ: два и более эш-ка ведут сражение до первого серьезного повреждения. И задача оператора, вступившего в бой с вражеским эш-ка — нанести ему достаточный урон, чтобы тот отступил. Обычно поврежденная сторона уходит сама, но выйти на связь с побежденным оператором и предложить ему отступить не было чем-то из ряда вон выходящим.

— Развели, мать-перемать, дух рыцарства… — пробурчал я. В горле пересохло, стук в ушах не затихал и не прекращался, а вдобавок мною овладела апатия. — Аж несет от него…

— Команда не понята. Повторите ввод.

— Пошел ты.

— Принято. — ИИ заткнулся. За четыре года у меня было время его поднатаскать на адекватную реакцию к большей части моих фраз.

Я подвел "Кросс Трайфорс" поближе к валяющимся на земле мечам. Присел и подобрал эсток — длинный, с узким лезвием и сложной гардой.

Эш-ка и выглядят похожими на гигантские латные доспехи, и устроены они так, чтобы подражать человеческим движениям. А уж идея дать гигантскому роботу гигантский меч и вовсе стара, как мир. Весь спектр приемов боя с холодным оружием был уже давным-давно скопирован и отработан, а фехтование верхом на эш-ка — неотъемлемая часть подготовки любого оператора высокого класса.

— Обнаружено новое вооружение. Тип — оружие ближнего боя, вид — меч, модель — Victorinox Panzerstecher IV. Желаете произвести подключение?

— Да. Произвести подключение.

— Принято.

В углу очков медленно поползла полоска индикатора подключения.

Высококлассный оператор штурмового комплекса. Это, наверное, звучит гордо. Но не стоит и ломанного гроша, так как таких операторов, намного получше меня к тому же, в мире хоть жопой жуй.

— Подключение завершено на 45 %. Входящий сигнал на частоте 125.68. Принять?

— Принять.

— Выполнено. — ИИ замолчал, а наушники шлема зашипели и ожили:

— "Кросс Трайфорс", говорит "Манта". Вы в порядке, прием?

— Это все, что вы можете спросить?

— В вашем районе были слишком сильные помехи. Эта передача осуществляется через передвижной радиолокационный узел. В вашем направлении с запада движется три неопознанных штурмовых комплекса.

— Ого, сразу три… А вот это уже интересно!

— Отступайте в сторону Кляйн-Тюрингии. "Вейл Дементиа" прибудет туда, вы встретитесь с ним и продолжите выполнение боевой задачи.

— Понял. Кстати, я вывел из боя один вражеский эш-ка. Не из этих трех, которые идут, он тут был раньше. Ассассин-эш-ка, класс "Вотан", имя — "Нордлюфтцуг". Я серьезно повредил ему левую руку, и он отступил. Возможно, на эту их подлодку, или что еще…

— Вас поняли. Поздравляем, капитан.

— Спасибо. — кисло поблагодарил я. В очках высветилась надпись "подключено". — Кстати, мне пришлось бросить карабин; в бою он пришел в негодность. Возможно ли отправить вместе с "Вейл Дементиа" какое-либо оружие?

— Мы посмотрим, что можно сделать. Отступайте. Конец связи.

— Конец связи. Балансировку на автомат.

— Принято.

"Кросс Трайфорс" распрямился, отступил назад и в конце концов развернулся и пошел на восток по набережной. Я намеренно шел очень быстро, периодически оглядываясь назад и постоянно следя за радаром.

Три точки, определенные как эш-ка, двигались где-то по краю

радиуса обнаружения. Я повернул педали, прибавляя скорости — то есть, быстроты шага. Прямо по курсу уже маячило заграждение — поднятый блок дорожного покрытия, перегородивший дорогу, и стоящие перед ним пехотные доспехи. Я вытянул прицел и дал приближение: ага, КЭГ. Доспехи как доспехи, европейские, похоже, с рельсотронами в руках. Для службы безопастности довольно зазорно — из такого рельсотрона, если знать, куда целиться, эш-ка можно подбить шутя, хотя нагрудник, юбка и голени выдерживают и такой снаряд. Танки можно подбивать. Доспех вражеский пробьет насквозь. Через заграждение, кстати, мне не переступить — блоки поднимались в высоту на целых восемь метров. Перелезть можно попробовать, но никто не даст же. А за заграждением вон нарисовались БТР, ощетинившиеся противотанковыми ракетами.

Основательно так подготовились, хвалю.

— Офицерам службы безопастности КЭГ, внимание! — огласил я по громкой связи, намеренно снизив при этом громкость. — Говорит SSF "Кросс Трайфорс", штурмовой комплекс "Синамура Парамилитарис". Мне было приказано отступить на территорию района Кляйн-Тюрингия. Это можно осуществить?

— Рады приветствовать, "Кросс Трайфорс". - отозвался один из офицеров по рации. — Мы известим командный пункт района о вашем прибытии, и вы сможете пройти. Будьте осторожны, в ближайшее время ожидается прибытие SSF "Вейл Дементиа" путем воздушного развертывания.

У меня аж комок к горлу подскочил. Бедная Сэа. Может, мозги у нее и не на месте, но перегрузок во время воздушного развертывания я бы и врагу не пожелал. А Темпести разве враг? Само собой, нет. Какая-никакая, а лучшая подруга все-таки.

— П-понятно… Вашу частоту укажете?

— Конечно. 206.67.

— Понял. Спасибо, офицер.

— Не за что. — один из доспехов сделал приглашающий жест в сторону поползшего вниз заграждения. — Путь свободен, можете идти.

Холка пехотного доспеха едва доставала "Кросс Трайфорсу" до колена, так что зрелище было весьма нелепым.

Я перешагнул опустившееся заграждение одним шагом и едва

не зацепил его ногой — оно начало подниматься сразу за мной. БТР разъехались, давая мне пройти.

Улицы Кляйн-Тюрингии были узкими; сказалась, наверное, ностальгия строителей за городами родины, древними и безсистемно распланированными. Плацдармом для действий здесь была единственная крупная площадь на набережной. Ее уже расчистили от посторонних предметов, а четыре служебных робота растянули над ней здоровенный указатель места посадки. На почтенном расстоянии оттуда, подле двух БМПД[16], дежурили пехотные доспехи.

В горле пересохло. Я вытянул трубочку из фляжки-холодильника слева и отхлебнул. И без того невкусная вода показалась и вовсе гадкой. Чертовы стимуляторы. Буквально ж пять минут назад — невообразимая легкость, ощущение эйфории и всемогущества, сверхбыстрая реакция и рот, из которого чуть ли не текут слюни. Вкусовые рецепторы тоже стимулирует. А теперь что? Голова болит, в висках стучит, горло пересохло, в глазах и вообще двоится.

— "Кросс Трайфорс", прошу вас освободить площадь. "Вейл Дементиа" уже в воздухе.

— Чего? Уже? Ой боже… — я отодвинулся ближе к домам и дал команду машине сесть на корточки. Сжимая в одной руке эсток, ножен для которого не было, а другой прикоснувшись к земле, "Кросс Трайфорс" опустился ниже крыш зданий, задрав голову кверху. В темном небе сверкнуло четыре огня, отметивших в нем темный силуэт. Силуэт сдвинулся вбок и начал стремительно увеличиваться в размерах. Миг — и уже можно различить контуры висящего на двух парашютах эш-ка; еще миг — и вот уже можно увидеть на плече фигуру, запахивающуюся в плащ — герб "Вейл Дементии". И служебные надписи и обозначения тоже можно различить. Еще чуть-чуть, и уже видны швы на корпусе и контуры съемных панелей.

На последнем участке траектории эш-ка включил тормозные двигатели в ногах и спланировал ровно посередине, отстрелив за собой парашюты, опавшие на тротуар площади и близлежащее здание. Удар многотонной машины потряс округу.

Сорок пять тонн мощи, закованной в кофейного цвета корпус и направленной только на уничтожение вражеских эш-ка. Одну руку "Вейл Дементиа", класс "Магнолия", вытянул вдоль

туловища, а на другой был укреплен щит, полезность которого против мономолекулярного оружия была очевидной — прорезать его пришлось бы долго. К тому же, щит скрывал в себе дополнительное вооружение ближнего боя. К примеру, гироджет-орудие. На левой стороне пояса висел широкий меч, рукоять которого была подсоединена к спине толстым армированным кабелем. Другой меч, похоже, основной, примостился за плечом. На голове не было характерных движущихся глаз; точнее, они были, но их надежно скрывали бронированные стекла вытянутой вперед маски. На спине отскочили и вытянулись противовесы.

Я помахал рукой.

— Привет.

— Приветкайся-приветкайся, пока можешь…

— А почему "пока могу"?

— Потому что как только вся эта херня закончится, я тебя прикончу. А потом изнасилую труп. — радиосвязь не могла передать всей полноты эмоциональной окраски незабвенного фирменного тона Сэа Темпести, от чего фраза только приобретала больше серьезности. — Будешь потом знать, как заставлять меня зря волноваться.

— А зачем вообще волноваться из-за меня?

— Ты идиот, а? Ходишь неясно где, творится с тобою непонятно что. Тебя кто-то порезал же, нет?

— Ну порезал. Да брось! Я уже и думать об этом забыл…

— А я — нет!

— Откуда такая забота?

— Мозгами пошевели! Если они у тебя есть, конечно… Ладно. Забей. — неожиданно сдалась Сэа. — Но больше так не делай, понял?

— Я буду стараться. Так ты все-таки изнасилуешь мой труп?

— Больно он мне нужен, твой труп… Вот живого — с радостью!

— Ну уж нет! — немедленно заявил я. — И слушать не желаю.

— А девушке приятное сделать?

— А руки на что даны? Сказал — нет, значит нет.

— Ну вот сам и пользуйся своими руками…

— Нет, спасибо, я как-нибудь воздержусь. — буркнул я и затем взмолился: — Отстань, а? У меня в горле сушняк хуже Мичиганки[17], в ушах грохот, чисто эш-ка по Красной площади маршируют, а тут еще ты… мозги компостируешь…

Я опять передавил клапан трубочки, и невкусная вода хлынула в мое пересушенное горло. Если учебники и телевидение не врали, то до Мичиганки моему горлу все равно было далеко.

— Чего-чего? Кто тебе мозги компостирует? — "Вейл Дементиа" сошел с прожженного выхлопами двигателей указателя, остановился передо мной и стряхнул, аккуратно придерживая другой рукой, щит. — Лучше бы спасибо сказал. Это тебе, чучело.

— Ну спасибо. — я распрямился и подставил левую руку под щит, который Сэа с ожидаемым от подобного агрегата грохотом перевернула и подставила к предплечью левой руки — как раз там, где был пулемет. Я вручную включил захваты, тут же выбросившиеся из покалеченного, но рабочего предплечья и уцепившиеся за щит. Помимо встроенного гироджет-орудия, можно и из пулемета было вести огонь. — Не, серьезно, спасибо.

— Потом спасибкаться будешь, хорошо? Вон, на радар глянь.

В наушниках раздалось сначала шипение, а потом голос давнешнего офицера-эсбэшника КЭГ:

— Внимание, "Кросс Трайфорс", "Вейл Дементиа"! У нас гости!

***

Сначала на радиоэфир упала пелена помех, заполонивших все наши частоты разом. Не выпуская трубочку изо рта, я щелкнул тумблером "лазер. передатчик вкл/выкл", а затем точно так же — "автопоиск вкл/выкл". Вылезший из-под панели на шлеме машины лазерный передатчик теперь должен был сам найти своего собрата — желательно, того же самого, что установлен на шлеме "Вейл Дементиа".

А уже потом появились гости. Три штурмовых комплекса, шедших по проезжей части трех дорог, ведших сюда, к нашей площади. К слову, в городе, среди зданий, их было почти не видно: шестиэтажные здания были куда выше роботов, цеплявшихся за их фасады наплечниками. Спрятать эш-ка, не прибегая к поглотителям тепла и оптическому камуфляжу, можно только в городской местности. Наши противники, конечно, прятаться и не думали.

По набережной брел слепяще-белый эш-ка класса "Смоленск". Вжавшаяся в плечи круглая голова с единственным лиловым глазом-камерой в прорези, круглые наплечники, через которые были переброшены ленты с патронами двух гироджет-карабинов в руках, нагрудник, напоминающий испанскую кирасу. Никаких знаков отличия — только нанесенные черным служебные надписи.

— Один из них — эш-ка РЭБ[18]. - сообщила Сэа. Лазерная передача была на удивление четкой, только между словами были задержки. — Постараюсь его обнаружить и вывести из строя передатчик, авось поможет.

— Тут же их двое. — проронил я, наблюдая за вторым эш-ка, подошедшим непосредственно к площади. Наплечники у него напоминали гигантские эполеты, а голова была плоской и округлой, с двумя торчащими противовесами. — Чего мне с ними делать-то, а?

— Мне откуда знать? Задержи их, что ли…

— Да как мне их задержать-то?! — выкрикнул я, но ответа не было. Я закусил губу и выключил передатчик.

Эш-ка с эполетами, который ИИ определил как "Персевиранс"[19]-класс, опустился чуть пониже, словно готовясь к прыжку, и прыгнул: из-за спины вырвалось пламя двух прыжковых двигателей, укрепленных на спине, и многотонная машина поднялась в воздух, вознесясь над крышами домов и, тормозя двигателями в ногах, приземлилась за преградой, мешавшей ей пройти на площадь. То же самое проделал и белый "Смоленск"-класс.

Я машинально выставил вперед эсток, закрывшись щитом.

— Балансировку на оператора. — приказал я дрожащим от нетерпения голосом. Боевой раж, причиненный стимуляторами, медленно вступал в свои права. Положение было для меня скорее проигрышным, но реагировавшему на выработку адреналина наркотику было на это до лампочки.

— Принято.

Губу я прокусил до крови. Кровью же окрасился и бинт, закрывавший рану в боку. Боли я не ощущал, признаков кровопотери — тоже, но меня уже всего трусило. Я крепче схватился за рычаги управления.

Ассортимент испытываемых мною ощущений и эмоций сейчас был выстроен от кружащих голову и изводящих нетерпения и предвкушения до испуга и откровенного страха, жравшего меня изнутри.

— К-кто вы… — я даже по кнопке громкой связи попал не с первого раза, — Кто вы такие?!

"Персевиранс" вскинул и направил на меня ствол своего оружия. Это был гигантский револьвер, тоже наверняка гироджет — серебристый и с длинным стволом.

— Мы — опергруппа "Миллениум", господин Вольфр-Икаруга. — произнес враг, держа меня на прицеле. — Будьте благоразумны и отступайте. Мы не желаем причинять нашим собратьям вреда.

Грохот, донесенный сенсорами по правому борту, возвестил о том, что Сэа вступила с кем-то в бой.

— А мы разве собратья? Я ничего такого не припомню!

— Все операторы эш-ка — собратья по цеху. Таковы наши убеждения. Будьте благоразумны, Вольфр-Икаруга. У нас, "Миллениума", нету никаких счетов с "Синамурой". Мы просто выполняем свою работу.

— Вот мне интересно: а какого хера вы вообще со мной разговариваете, а? Уже по именам величаете, секреты разбазариваете, а?

— Я не сообщил ничего, что мы бы считали секретным.

— Заткнись, понял?! — рявкнул я, в один миг потеряв терпение. — Команда была сидеть и не чирикать, чего не ясно?!

— Я попрошу вас сменить тон! — был ответ; и он мне, с моим помутненным рассудком, категорически не понравился.

— Да пошел ты!!

Я сдвинулся с места, отводя эсток для удара и закрываясь щитом; выстрел револьвера пришелся в него. "Кросс Трайфорс" подскочил к противнику, ударил его щитом, отводя руку с револьвером, а эстоком сделал выпад, метя в верхушку нагрудника.

Мой эш-ка затрясло.

— Пробоина в нижней части грудной клетки по левому борту, секция 5. Радиатор 7 уничтожен. Бесконтрольная утечка тепла из пробоины в секции 5. Квази-нервные[20] соединения B12 и B16

выведены из строя.

Ствол револьвера, как оказалось, уткнулся мне в бок и проделал там приличную дыру. Радиатор был уничтожен, и тепло теперь бесконтрольно выходило из пробоины, нагревая при этом весь корпус.

Что до эстока, то враг просто-напросто отстранился, и клинок ударился о наплечник "Персевиранса". Над козырьком шлема машины я успел увидеть(а ИИ — зарегистрировать) надпись — "Мертвая Голова".

— Правилами приличия пренебрегать нехорошо. Недостойно операторской чести.

Вместо ответа я отступил и еще раз огрел его щитом. На этот раз — в голову.

— Имел я все ваши правила приличия! — "Кросс Трайфорс" начал медленно отступать. Я развернул щит и открыл огонь по белому эш-ка, вынудив того закрыться руками. "Мертвая Голова" наступал следом.

Недолго думая, я размахнулся и рубанул эстоком по сжимавшей револьвер руке. В ретроспективе, этот прием, столь полезный в рукопашной схватке, против эш-ка совершенно бесполезен; разжать руку, держащую оружие, может только оператор. Квази-нервы только сообщали о повреждениях и передавали сигналы, и произвольно разжать руку эш-ка не может в принципе. Все, чего я добился подобным ударом — повредил эсток, лезвие у которого было незаточено и годилось только для парирования.

— Я знаю ваше имя, Лелуш Вольфр-Икаруга. — между тем произнес совершенно невпечатленный моими действиями противник. — Но я не представился сам. Я — Сигиллайт Инграм Виндикатор.

— Но…

— И я не скрываю этого. Мой товарищ в "Айвори Тауэре", — Виндикатор махнул рукой эш-ка в сторону белого "Смоленск"-класса, — зовется Дональдом Мбабе.

— А мое имя-то вы откуда знаете?

— А из него особенной тайны никто и не делает. Равно как и из вашей спутницы. Похоже, они там немного заняты. То есть, госпожа Темпести и наша соратница, госпожа Грейс Ванкувер.

— Сами раскрыли свои личности… — пробурчал я; разум немного прояснился.

— Мы не в Сети, и здесь нету нужды пытаться скрывать свои имена.

— Вы так считаете.

— И мы уверены в правильности наших суждений. Дональд, помоги "Ворпал Блейду".

Белый "Айвори Тауэр" отдал честь стволом карабина и пошел куда-то в сторону. Практически в этот же момент я сорвался с места, метнувшись вбок, подскочил к нему и выбросил вперед эсток. Острие вошло прямо в прорезь головы, пробив глаз-камеру и войдя внутрь почти на метр.

Я отступил в сторону, выпуская эсток, и закрылся щитом. Как раз вовремя: ослепленный "Айвори Тауэр" повернул ко мне ствол одного из карабинов и открыл огонь, который я принял щитом.

— Повреждение правого наплечника, секция 2. Порт пусковой установки по правому борту выведен из строя.

Стрелял Виндикатор, оператор "Мертвой Головы", но не пошел бы он?

"Айвори Тауэр", по-прежнему ослепленный, смог дать залп, частично пришедшийся по юбке "Кросс Трайфорса", но меня он не остановил. Оказавшись рядом, я превратил свое движение в удар щитом по корпусу, затем откинув шпоры и схватив его за правую руку, которую я принялся отрывать.

На моем лице вновь расползлась та же бешеная ухмылка, что и при сражении с "Нордлюфтцугом". Я обеими руками тянул правую руку "Смоленска" на себя. Натужно жужжали сервомоторы, скрипели компенсаторы отдачи, а датчики улавливали раздававшийся скрежет — похоже, рука врага начала поддаваться.

— Внимание: на шесть часов приближается вражеский эш-ка.

Я вручную передвинул ползунок распределения мощности на руки.

Со скрежетом, стоном, треском и фонтанами искр рука "Айвори Тауэра" была вырвана из сустава вместе с наплечником, оставляя за собой оборванные пучки сверхпроводящих проводов и

незримые нити квази-нервных соединений. В правом борту теперь зияла дыра, и враг теперь должен был отступить сам. Но я не собирался упускать жертву; подняв шпоры, я переступил в сторону и занес оторванную руку, как дубинку, для удара.

Занес и опустил прямо на верх округлого нагрудника. Затем занес и опустил еще раз, еще сильнее: так сильно, как позволяла мощность собственных рук "Кросс Трайфорса". Затем я ударил в третий раз, образовав на закрывавшей люк бронированной пластине крупную вмятину, и ударил бы в четвертый, если бы не…

— Не смей!!

Изображение на экране закрутилось; завизжала насильно выкручиваемые моторы в средней части туловища, за которой я едва успел переставить ноги. "Мертвая Голова" развернул меня прочь от покалеченного и ослепленного "Айвори Тауэра".

Недолго думая, я огрел рукой и его, попав по голове и создав помехи в сенсорах и датчиках, и воспользовался этим, отойдя ровно на шаг, схватив ствол револьвера и сильно сжав.

— Стой!
— Что?!
— Я бросаю оружие. Револьвер. Я его бросаю.
— Сдаешься?
— Нет. — "Персевиранс"-класс отпустил гироджет-револьвер, упавший на землю. "Айвори Тауэр" где-то позади меня пятился назад, но был подхвачен каким-то новым, серебристым эш-ка; похоже, это и был тот самый "Ворпал Блейд". Позади "Мертвой Головы" появился силуэт "Вейл Дементиа", у которого недоставало доброй половины левого наплечника. — Мы сразимся на мечах. Вас это устраивает?

Мой противник, назвавшийся Сигиллайтом Инграмом Виндикатором, снял с пояса массивный изогнутый клинок, который был и не клинком вовсе. Вместо лезвия у него было множество маленьких треугольных зубцов, уходивших в проемы у основания и на вершине клинка.

— Вот блин. — проронил я, таращась на это оружие. — Пиломечи кто-то еще использует?
— Не могу знать.

— А я тебя и не спрашивал.

***

— Так устраивает, или нет? — вновь спросил Виндикатор. Я огляделся по сторонам; позади меня заграждение на дороге само по себе опустилось, и серебристый "Ворпал Блейд" утаскивал искалеченный "Айвори Тауэр" прочь отсюда. Сэа, чей эш-ка маячил у Виндикатора за спиной, в бой вступать не спешила — только горели на темном в ночи силуэте глаза. Стекла шлема горели сами по себе: светодиоды, установленные обычно в глазах[21] эш-ка, применяются не только для устрашения противника, но и для освещения и оптической телеграфной связи.

Я выловил болтавшуюся трубочку и зажал в зубах. Поток воды хлынул мне в рот. На клапане остались следы крови из прокушенной губы.

— Отодвиньтесь, а? Вы мне мешаете установить лазерное соединение.

— Прошу прощения. К слову, буквально через пару минут "Ворпал Блейд" отойдет достаточно далеко, чтобы вы могли возобновить радиосвязь. — "Мертвая Голова" отступил в сторону и коротко поклонился.

— Вот спасибо. Активировать лазерный передатчик, включить режим автопоиска.

— Выполнено. Режим автопоиска включен. — произнес ИИ, а затем продолжил: — Соединение с "Вейл Дементиа" установлено. Открыть канал?

— Открывай.

— Принято.

Пауза.

— Тебе меч одолжить, что ли?

— А как ты догадалась?

— Очень просто. Чем ты его мутузить будешь, щитом?

Еще нажим, еще глоток.

— Сэа, а тебе не кажется, что тут все-таки есть что-то неправильное?

— То есть?

— Ну, переговоры по открытому каналу, паясничание с именами, вот уже и дуэль на мечах сейчас будет… Как-то это… не по-настоящему.

— Для упоровшегося наркотиками ты на удивление трезво рассуждаешь.

— Так отпускает же временами…

— Не делал бы ты этого, но ладно, слушать меня ты все равно не станешь. А вообще знаешь что я тебе скажу? Меньше возмущайся. Реальность редко бывает реалистичной.

— Спасибо, ты мне очень помогла…

— Рада стараться. — иронии Темпести, похоже, не поняла. — Вот, держи.

"Вейл Дементиа" отстегнул и протянул мне висевший на поясе широкий меч.

— Тепловой меч производства Singapore Leosocial. Вешай на пояс и подключай к реактору, он от него работает. Заточки нету, кромка лезвия выполнена из боразона, она и нагревается. Ах да, вешай с правой стороны, он же на проводе.

— Ага, понял. — я повертел меч в руках и поднес к креплению на правом боку; дальше руки довел уже ИИ. — Подключить оружие по внешнему кабелю питания.

— Принято. — На спине выдвинулся бронированный кабель питания, тотчас подхваченый пальцами руки "Кросс Трайфорса" и поднесенный к рукояти. Столь мелкую работу ИИ проделал быстро и точно — каких-нибудь десять секунд, и меч уже был подключен.

Вытянул его я уже сам — осторожно и вручную. По счастью, кабель был достаточной длины, чтобы не стеснять движений.

— Тепловой меч: активация. Начать подачу питания на лезвие.

— Выполнено. Распределение мощности возвращено к стандартному уровню. Первая подача питания на лезвие через три… два… один.

Черный обод лезвия широкого меча-бастарда начал медленно окрашиваться в оранжевый, приобретая все большую яркость с каждой секундой. Я глотнул было воды, но в результате получил только противный сербающий звук — воды уже было только на самом дне.

Я выплюнул трубочку изо рта.

— Эй, Виндикатор. Я готов. — сообщил я по внешней связи. Меч я держал перед собой, а щитом прикрыл туловище. — Ты не струсил, часом?

— Вовсе нет. — "Персевиранс"-класс и сам стал в боевую стойку. Пиломеч он держал обеими руками перед собой. — Готовьтесь.

Зубья цепи пришли в движение — сначала медленно, но постепенно увеличивая скорость, пока отдельные зубья не стали совершенно неразличимыми.

— Всегда готов. — выплюнул я.

— En garde![22]

"Мертвая Голова" стронулся с места, отводя пиломеч в сторону; на левом плече тут же отскочил и вытянулся противовес, хотя и так было видно — эш-ка идет на полностью ручном управлении. Чего и следовало, подумал я, ожидать — пиломеч оружие тяжелое, и без должной подготовки сбивает гироскопы машины к чертям, да и с ней тоже. Да и вообще рекомендуется в ближнем бою сражаться "на ручнике", чтобы зря не загружать ИИ.

Я вовремя выставил щит, почувствовав, как восприятие опять замедлилось. Стимуляторы вновь вступали в свои права, замедляя реакцию и даруя затухающие уже всплески восторга.

Грохот, скрежет, фонтан искр. Зубья пиломеча ударились об поверхность щита, оставляя в нем борозды и отталкивая его прочь. Я передвинул встречающую сопротивление левую рукоять управления вперед, пытаясь если не оттолкнуть врага, то хотя бы сдержать его натиск, но бессильно.

Я отступил на шаг, едва не потеряв при этом равновесие, а затем отдернул щит, отступил еще на шаг и ударил мечом сверху вниз. "Мертвая Голова" принял удар краем наплечника-эполета, удержался на ногах и пихнул меня яблоком рукояти пиломеча. Я блокировал этот удар успешно подставленным щитом и усилил натиск на плечо. В ободе эполета, на который крепились похожие на лепестки подвижные пластины, осталась оплавленная борозда.

Я отдернул меч, дав возможность Виндикатору отступить и провести еще один удар. Его движения казались мне невозможно медленными, и дело было не только в восприятии. Пиломечом нельзя было делать резкие движения и проводить сильные

рубящие удары, чтобы не нарушить равновесие машины, он был бесполезен для проведения колющих ударов, и для нанесения повреждений его надо было держать хотя бы некоторое время — как, собственно, и мой тепловой меч. Но он мог парировать удары не хуже моего щита, а от мономолекулярных зубьев в щите остались глубокие борозды.

Этот удар я тоже блокировал щитом, но на этот раз я сразу отступил назад, нанося режущий удар мечом, пришедшийся в тыльную сторону пиломеча. Виндикатор тут же отдернул оружие, открывшись для удара в плечо, под наплечник. Но этот мой удар был тотчас парирован пластинами наплечника, и мне пришлось снова отступить, уворачиваясь от нового удара пиломеча.

— Дальнейшее продвижение назад невозможно.

Я уперся в стену дома спиной, и едва успел выставить перед собой щит, блокируя им очередной удар.

— Внимание: структурная целостность модуля щита нарушена.

— И что ты прикажешь мне делать по этому поводу?! — выкрикнул я. В пылу боя я не заметил, как разжался и отлетел эластичный бинт, да и не до него было.

На мое удивление, "Мертвая Голова" отдернул пиломеч сам; но, прежде чем я мог нанести удар или подставить щит, он опустил его на сустав левой руки. ДР-очки окрасились пульсирующими красными окнами предупреждений, сенсоры по левому борту доносили только визг цепи и скрежет металла, и все что я успел — провести колющий удар, вонзив тепловой меч в верх наплечника и протолкнув его глубже, силясь достать раскаленным лезвием до плечевого сустава.

— Левое предплечье не отвечает. Локтевые суставы по левому борту уничтожены.

Пиломеч прошел дальше, скользнув по пластине юбки вниз; я зарычал и с удвоенной силой нажал на застрявший в плече врага тепловой меч.

Отрубленное левое предплечье "Кросс Трайфорса" упало оземь в тот же момент, в который вся левая рука "Мертвой Головы" повисла мертвым грузом. Я рывком высвободил меч,

замахнулся им и ударил по пиломечу сверху, уводя его, вместе с туловищем вражеского эш-ка, вниз — лишь для того, чтобы сразу же увести меч вверх и ударить по округлому горбу на спине, оставив в нем длинную борозду.

Победа была на моей стороне. В третий раз. Или же мне так показалось: "Мертвая Голова" двинул мечом вверх, изо всей силы ударяя им об паховый узел "Кросс Трайфорса". Я и оглянуться не успел, как эш-ка, волоча за собой выключенный уже пиломеч, высвободился из-под лезвия моего меча и отступил в сторону, пока я заново восстанавливал нарушенное на несколько секунд равновесие.

— Мои поздравления, господин Вольфр-Икаруга! — обратился ко мне Сигиллайт Инграм Виндикатор. — Ничья!

Он вернул пиломеч на его место на боку и подобрал револьвер с земли. Левая рука так и висела, будто бы сломанная. На самом деле, конечно, так и было.

— Я надеюсь, вы не будете продолжать бой?

— Нет. — рыкнул я. ИИ рапортовал о сильном нагреве конструкции — сказывался бесконтрольный выход тепла на месте бывшего радиатора 7. — Катитесь на все четыре стороны. Вы и ваша субмарина.

— Субмарина? А, конечно же. Мы уходим. Но наша работа здесь не закончена, и мы вернемся… хотя, может и не здесь?

— Работа? Какая работа?

— Боюсь, что я… действительно не могу сказать. Но мы еще встретимся, господин Вольфр-Икаруга. Возможно.

Говоря это, он подошел к краю набережной и спрыгнул вниз, оказавшись по середину туловища машины в воде.

— Прощайте! — вскинул руку на прощанье эш-ка и побрел прочь.

В глазах вдруг, ни с того, ни с сего, потемнело. Я отодвинулся от здания, в которое упирался спиной, и подошел к середине площади.

— Лелуш? Эй? Ты как?

— Ой не знаю… Что-то голова кружится, похоже. — пробормотал я и переключил частоту: — Эй, господа офицеры! Никого не задели?

— Никак нет! — отозвался командир пехотных доспехов

КЭГ. — Вы молодец, господин, э-э, капитан. Верно нам сказали, без нужды не вмешиваться, вы отлично с ними разобрались!

— Спасибо. Давайте, короче, отчитывайтесь своим. — я снова переключил частоту. — Нас отсюда… заберут или мы своим ходом?

— Заберут. Надо только сообщить. А что?

— Да нет, ничего. Ты, главное, сообщи…

В глазах потемнело окончательно, и я качнулся вперед и повис на ремнях безопастности. Из открывшейся раны на боку толчками вытекала кровь, но я уже этого не заметил, потеряв сознание от кровопотери.

— Сообщить? Что сообщить? — тщетно надрывалась рация. — Эй?! Ты меня слышишь?! Лелуш?! Лелуш?! ЛЕЛУШ!!!

Глава IV

Центральный комплекс Восточного Лифта, медицинское крыло

Симстимы бывают разные. Бывают шаблонные симстим-конструкты, которые по большей части статичны и неизменны. Бывают разной степени сложности симстим-программы, которые изменяются под воздействием решений переживающего симстим. Бывают эволюционирующие симстимы, которые динамично появляются, спонтанно изменяются и исчезают, чтобы потом вплести наиболее удачные моменты в новую версию, которая пройдет тот же жизненный цикл. На симстимах, появление которых опять же предугадал тот самый Гибсон еще в тысячу девятьсот восьмидесятых, держится большая часть индустрии развлечений и сферы компьютерного моделирования. Виртуальные военные полигоны и мыльные оперы с полным эффектом присутствия — самые банальные частные случаи симстимов.

А конкретно я сейчас находился вот в таком шаблонном симстиме, уже давно знакомом и надоевшем до чертиков. Здесь было: потолок подвесной, одна штука; стены кафельные с осветительным покрытием, четыре штуки; пол кафельный, одна штука; и ванна нанопластиковая, одна штука. С водой неестественно голубого цвета, которой, воды, тоже одна штука.

Было бы мне дело до симстимов, я бы попросил его поменять, но дела до симстимов мне не было. И попадал сюда, в этот чудный отстойник, имевший что-то общее с палатой для буйных психов, я только по большим праздникам. Например, когда калечился. Или же когда мне должны были снова менять какой-то орган, но пересадки закончились ровно тогда, когда мне исполнилось восемнадцать.

Исходя из этого, делаем вывод, что я снова покалечился. Интересно, когда? В голову ничего не лезло, а себя можно было рассматривать хоть до умопомрачения — в этом симстиме никаких повреждений не заметно. Для проформы надо было посмотреть на руки, что я и сделал.

Руки как руки. Симстим работал, я лишний раз себе это доказал. Больше делать было нечего. Лежи, отмокай и думай о

чем-то.

В общем, вы уже имели сомнительную честь со мною познакомиться. Лелуш Вольфр-Икаруга, двадцати лет от роду, по призванию не пойми кто, по профессии оператор штурмового комплекса. До рождения прошел интенсивную генную модификацию для улучшения реакции, органов чувств и пространственной координации и незначительного ускорения метаболизма. Впоследствии прошел курс трансплантации подавляющего большинства внутренних органов, в частности пищеварительной, кровеносной и лимфатической систем. Приобрел иммунитет к наркотическим веществам натурального происхождения и большей части вирусных заболеваний. Но вам это ничего не говорит, да и мне, признаться, тоже. Разве что, скажем, где-то в китайской глуши до сих пор болеют куриным гриппом, а вот я — нет, ниразу не болел, а эпидемии гриппа захлестывают половину мира с интервалом в два года между всплесками эпидемиологической активности. Насморк случается, ну да и хрен с ним.

Мой главный интерес — что-либо, что не включено в мой обширный список "Вещей, которых Лелуш терпеть не может". Список действительно обширный, так как в него я внес за глаза всю обозримую Вселенную. А начинается он с того, что вы уже и так знаете: я терпеть не могу свой образ жизни, свою работу, свою судьбу, своих друзей(хотя на друзей этот пункт действует строго по желанию моей левой ноги или еще чего-нибудь); терпеть не могу алкоголь, и безалкогольное пойло тоже терпеть не могу, терпеть не могу наркотики, терпеть не могу шумные вечеринки, терпеть не могу секс и одинаково терпеть не могу всеобщую зацикленность на сексе; терпеть не могу повальную аугументацию и равносильно не переношу всякие зеленофашистские отказы от нее; терпеть не могу политику, религию и вопросы морали; одним словом, назовите что-либо и гарантированно получите ответ, что я это что-либо на дух не перевариваю. Меня, таким образом, нельзя назвать даже полноценно сформировавшейся личностью: подобный разброд, шатание и мизантропия свойственны альтернативно одаренным личностям пубертатного возраста, к коим я себя отнести не могу. Прыщи я тоже терпеть не мог, и поэтому прибегнул к лазерной коррекции, но это было уже давно. Четыре года — казалось бы, короткий срок, но иногда он кажется прямо-таки вечностью.

Кафельные стенки вдруг прогнулись внутрь и вернулись

обратно, залив комнату темно-красным светом и сопроводив это событие гулким стуком, похожим на удар сердца. Последовало еще одно робкое "сокращение", а затем стены начали то гнуться, то разгибаться в определенном ритме, подчеркивая его гулким стуком сердца откуда-то снизу. Где-то там в моем теле сердце начинало биться в привычном ритме. В этом и была беда конкретно с этим симстимом — он обожал ни с того, ни с сего вводить в осязательный ряд намеки на то, что сейчас переживает мое тело. Сжимающиеся стены — это еще цветочки, потому что обычно программа презирала всяческие аллегории и демонстрировала мне, скажем, мое собственное сердце или еще что-то. Нет, не выдрав конкретный орган из моего тела, а конструируя муляж из подручных предметов. Подручных предметов, кроме стен, потолка и вделанной в пол ванной, здесь не было, и по первости меня здорово испугали, например, собственные почки из кафельных плиток. Муляж кровеносной системы, который симстим сконструировал в другой раз, мне понравился уже чуть больше. Вены и капилляры были прозрачные, а по ним текла пусть и не кровь, но подкрашенная вода. Симпатично.

Побившись так минуты две, комната вернулась к прежнему состоянию и расцветке. Меня вновь окружал мягкий белый свет, как в операционной. Симстим больше не желал меняться и был инертным, и мне не оставалось ничего, кроме как лежать на поверхности воды и пялиться в потолок. Пялиться, в конце концов, мне надоело, и я закрыл глаза.

— Откровенно говоря, господин Вольфр-Икаруга показал хорошие результаты. — чей-то незнакомый голос доносился до меня, словно через плотную пелену. — Два выведенных из строя эш-ка за час с небольшим, в ближнем бою, при отсутствии предыдущего опыта таких столкновений — это достойно похвалы.

— Вы ему льстите. — а этот голос принадлежал, похоже, Синдзи.

— Отнюдь. — сообщил незнакомый голос; разобрать интонацию было невозможно. — Но не говорите за него. Когда его разбудят?

— Простите, но он — служащий "Синамуры", и мы его готовили. Если это действительно большое достижение, то мы имеем все основания им гордиться.

— Да, готовили. Я уже беседовала с господином Кимэрой по этому поводу. Так когда его разбудят?

— К вечеру придет в норму. Но он наверняка будет слаб, и…

— Не беспокойтесь, господин Синамура. Мы не станем сразу докучать господину Вольфр-Икаруге…

В ушах зашумело, и я открыл глаза, вновь оказываясь в стерильной белизне симстима, из которого меня только что ненадолго выбросило.

Точно. Я ж опять работал, только уже не упомню, когда это произошло. В симстиме время течет не так, как в реальном мире. Я просто-напросто вижу сейчас заранее срежиссированный компьютером сон. Так вот, я работал, сидел в кабине эш-ка и дрался. Ну, сражался, хорошо. Эш-ка, по-моему, было три, одному я руку оторвал, другому вскрыл как хлопушку, третьему просто сломал, причем хорошо так.

Будь такое почаще, я был бы только рад. Может, было бы меньше причин ненавидеть свою работу. Раз уж я и создан-то был, чтобы пилотировать гигантских роботов, я бы мог получать удовольствие от процесса. И получал когда-то. Но рутина быстро приедается, а выхода из нее нету.

Или, может быть, все-таки есть, а я просто его не ищу?

***

Глаза, когда я попытался их открыть, наотрез отказались разлепляться, и мне пришлось протирать веки пальцами. Пока я, спросонья, вслепую тянулся рукой к лицу, я несколько раз ткнулся об пластиковую поверхность.

Протерши и разлепивши глаза, я некоторое время щурился от света и только затем понял, что единственные источники света тут — крошечные лампы подле изголовья и вдоль моей… не-а, не кровати. Надо мной смыкался стеклопластиковый купол филактерия, что несложно было понять по послушно раскрывшейся на стекле сбоку панели управления и по составу воздуха. Я не могу определить состав воздуха в точности, но этого не требовалось, чтобы понять: воздух в филактерии насыщен кислородом.

Я зевнул. Уши тотчас заложило. После этого я потянулся(по крайней мере попытался), стукнувшись руками об стеклопластик

над головой, и провел краткий личный досмотр себя любимого. Все было на месте и все было цело. Ах, на боку ж должен быть…

Но на боку ничего, кроме полосы идеально гладкой кожи, не было. То же самое обнаружилось и на плече. Логично — за то время, пока я тут валялся, залечить ранения и вывести шрамы было самым плевым делом.

Это в симстиме я плохо соображал, а сейчас я хорошо помнил, как вчера вырубился прямо в кабине эш-ка. Или это было не вчера? Счет времени я все-таки потерял.

Как потерял, так и нашел: часы на приборной панели показывали 11:27, 04.07.2117. А тогда какое число было? Вроде ж еще второе. Итого два дня. Что со мной делали? — тоже логично: переливали кровь, предварительно запустив в филактерий медицинских наноботов, залечивших уже закрывшиеся наверняка раны.

Итак, последний вопрос.

Где я, черт возьми?!

— Доброе утро! — прошелестел динамик в изголовье филактерия.

— А? Что? Где?

— Здесь! — сверху, за стеклопластиковым куполом, надо мною склонился улыбающийся Синдзи Синамура. — С добрым утром, Лелуш!

За ухом у Синдзи была крошечная гарнитура, по-видимому шедшая в комплекте с филактерием, а сам он был облачен в бордовое кимоно, поверх которого был надет черный жакет — хаори.

— Привет, Синдзи. Выглядишь ужасно.

— Ради бога, главное что мне нравится. Ты сам-то как?

— Нормально. Хоть сейчас на передовую. Что случилось в мое отсутствие?

— Что случилось-то? А это, дружище, в двух словах и не пересказать…

— А ты попробуй.

— Ну-у… — Синдзи присел куда-то рядом с филактерием, продолжая внимательно смотреть на меня. — Ну, например, нас

привлек к сотрудничеству "Анубис-Хед".

— Вот тебе раз… А за что-то? Я задавил чью-то любимую собачку? Разметал мирную демонстрацию экотеррористов?

— Не-а, все гораздо сложнее. Видишь ли, тот сегмент орбитального кольца, который упал в океан, был не обычным сегментом со всеми причитающимися деталями, а боевой лазерной установкой. Руководство "Анубис-Хеда" послало сюда своих людей разбираться, а когда они прибыли, — вчера только, между прочим, — Ваня Чхонли, ну, гендиректора КЭГ, и след простыл.

— И никто об этом ничего не знал?

— И никто об этом ничего не знал, да. Гендиректора и след простыл, его личного конвертоплана — тоже, причем простыл ровно тогда, когда ты рисковал своей жизнью, защищая Подножие от "Миллениума". Ну, "анубисы" недолго думая привлекли нас к сотрудничеству, так сказать. Меня вызвали, я взял с собою Аоки и его "Маджестик", и мы прилетели…

— И все? Тихо-мирно так?

— Ну, Рюдзи переговорил с их командиром до нашего прибытия, а потом "анубисы" изучили записи бортовых компьютеров и пришли к выводу, что напрямую нашей вины, какой бы она ни была, нету. Но допрос учинить нам всем тоже не забыли. Ну, кроме тебя, тебя они трогать не стали. Пока не стали, а теперь…

— Да понял я, понял… — недовольно пробурчал я. — Нет, ну нету в мире справедливости! Я просто выполняю свою работу, а ко мне еще и претензии какие-то выдвигают…

— Успокойся! Пока еще никто ничего не выдвигает. Их командир — на удивление приятная женщина; она собственно и хотела с тобой переговорить. И никаких претензий у них нету, боже упаси.

— Уверен? Ну, пощупаем — посмотрим. Меня скоро выпустят из этой банки?

— Конечно скоро. Я похлопочу, чтобы этот процесс чуть ускорили.

— Дело твое. А, Синдзи, вот еще что…

— Что?

— Напомни мне потом на досуге, чтобы я не забыл. Симстим этот надо поменять. Весь целиком.

— Хорошо, напомню. Я… пойду, хорошо?

— Конечно, Синдзи. Спасибо что навестил.

— Не вешай нос. Тебя ведь сейчас выпишут.

— Жду с нетерпением. — сообщил я и поднял руку в прощальном жесте. Синдзи сделал то же самое и ушел.

К чести персонала медицинского крыла Восточного Лифта(наземный комплекс), меня и правда выписали довольно быстро. Без особой заботы, впрочем, можно сказать вытолкнув в конце концов за дверь. Рубашку мне выдали другую, и она неприятно терлась об тело, ну да и фиг с ней, и не такие носили.

У самого выхода из медицинского крыла я столкнулся с Аоки Кимэрой.

— Ты как? — спросил он сразу после того, как мы обменялись рукопожатиями.

— Жив-здоров. В меня влили несколько литров искусственной крови, правда.

— В меня тоже, и не раз. Хуже тебе точно не будет.

— А я и не утверждал. Ты за мной шел?

— Нет, прогуливался без дела! — сыронизировал Аоки. Свой комбинезон он расстегнул и повязал на поясе, чтобы было не так жарко, и был в белой футболке с головой RX-78[23] на груди. — А серьезно, да. Тебе, к слову, Лейдзи привет передавал.

— Второй, что ли?

— Ага. А чего, кстати, "Второй"?

— Я ж тебе говорил вроде. — отмахнулся я, но затем все-таки сообщил: — Нас же двое, и оба на "Л" начинаемся. Ну так вот чтобы не путать.

— А-а… — протянул Аоки.

Широкие коридоры с обоями-светильниками, лампами-аквариумами и просто светящимися полами сменялись просторными залами, которые больше походили на крошечные скверики под крышей да с огражденными от зелени дорожками. На дорожках бежали стрелки с надписями на английском, китайском, японском и русском, показывавшие дорогу в какой-то из офисов огромного комплекса. Самый крупный зал — похоже, центральный — был лестницей с крупными площадками, каждая из которых и была центральным залом каждого этажа. Кроме лестниц здесь шли эскалаторы, а потолок подпирали прозрачные колонны турболифтов. Посередине самой лестницы-эскалатора, разделяя ее напополам, шел огражденный искусственный водопад, "берега" которого поросли травой и даже небольшими деревцами. Через получившуюся реку в залах-площадках были переброшены мостики.

И здесь были люди. Сотни людей, практически одинаковых в

своей подчеркнуто деловой внешности, суете, спешке и списке духовных и материальных потребностей. Они двигались, поднимаясь по лестницам и эскалаторам, они взмывали вверх в свистящих турболифтах, они сидели у шумящих водопадов и сбивались у пищевых репликаторов и под колпаками-вытяжками для курения, они говорили, жаловались, негодовали, шутили и смеялись. При всем желании я бы не смог выделить из этой толпы даже одного человека и запомнить его — настолько все они были одинаковы.

При всей моей нелюбви к собственной профессии, в такой среде я был нечеловечески счастлив, что для нее я — чужеродное тело. Вот сейчас Кимэра, рефлексивно бормоча всяческие "простите", решительными движениями рук раздвигает толпу, давая нам пройти, за доли секунды выбирает направление, лавируя между стайками сараримэнов, тормозит ровно на мгновение, чтобы пропустить идущего навстречу по одному из мостиков, а серая масса вокруг нас почти не замечает. Лишь наиболее любопытные таращатся на двух необычных людей, как на какую-то диковинку. Кто мы такие, они примерно догадываются, хотя и не верят поначалу — да, оператора выдают разом и внешность, и манера ходьбы, и повадки, но все-таки врожденные, если не привитые искусственно, осторожность и страх удерживают их от однозначных выводов.

Мы — не они. А человеку свойственно бояться отличного от него.

— Аоки, а чего их так много-то? — спросил я, когда мы наконец выбрались из заполоненного людьми зала. — Лифт же вон не работал…

— Ну, так теперь работает, да и служащим тут находиться всегда положено. Хотя да, наверное позавчера их было меньше.

— А не рано ли они его открыли?

— Вот их, — Кимэра резко ткнул пальцем куда-то в сторону зала, — и спроси. Не меня. Нас, раз уж тебя выписали, окончательно выперли из центрального комплекса. И "Манта" по-прежнему стоит на приколе в этом их северном районе, забыл как его…

— Нордстар Хайтс? — за время своей длинной прогулки что-что, а названия я заучил.

— Точняк, он самый. А здесь припарковано знаешь что?

— Что? И вообще куда ты меня ведешь?

— Смотри сам. — Аоки остановился у окна и приглашающе

махнул рукой в его сторону. Я послушно подошел и посмотрел.

Окно выходило на посадочную площадку для вертолетов и конвертопланов, располагавшуюся этажом ниже. Правда, летательных аппаратов на ней сейчас не было. Посередине площадки стоял, приставив протонное орудие к ноге на манер копья и опираясь другой рукой на ростовой щит, бордового цвета штурмовой комплекс. По габаритам он совсем не походил на канонирский эш-ка — корпус был слишком стройным. Наплечники расширялись к краям, поднимаясь вверх, а на спине выдавался назад и расходился двумя пилонами, похожими на крылья, прыжковый ранец. На пилонах же были смонтированы направляющие РСЗО, заряженные и готовые к бою. В поднятых наплечниках находились пусковые установки ПТУРов. С левой стороны пояса выглядывал широкий контейнер, напоминавший ножны: из него, при ближайшем рассмотрении, действительно выглядывала длинная рукоять меча. Шлем на голове был тоже высоко поднят, почти как у "Нордлюфтцуга", но разделен надвое; одна половина была выкрашена в темно-красный, а другая — в мраморно-белый. Опоясывал основание шлема золотой обруч со свернувшейся и поднявшей голову коброй ровно над "переносицей" лицевой пластины. Низ лицевой пластины переходил в сине-золотую загнутую бородку, а с боков голову обрамляла гигантская копия сине-золотого египетского платка.

— Ничего себе… — ошеломленно пробормотал я.

— Ты на плечо левое-то посмотри. А я на твое лицо потом посмотрю. — предложил Аоки.

Я посмотрел.

Привычная анубис-хедовская эмблема, — шакалья голова с египетским платком, выглядела чуть-чуть дополненее. Она теперь украшала собою панцирь блестящего темно-синего священного скарабея, из-под которого раскинулись загнутые многоцветные орлиные крылья, по подобию которых были сделаны пилоны на спине эш-ка. Приглядевшись, я смог разглядеть надпись под гербом, сделанную по-английски аккуратным готическим шрифтом.

— "JACKAL-Pharaoh"… — прочитал я вслух. А только затем до меня дошло: — Чего-чего?!

— Чего видишь. — кисло усмехнулся Аоки. — Или тебе Синдзи не сказал, что сюда прибыли не рядовые "анубисы"?

— Не-а. Вот черти б его драли! Предупреждать надо!.. — разошелся было я, но стушевался. — Это ж… блин! "Шакал-Фараоны"!

— Угу. Боюсь представить себе, как этот красавец снаружи выглядит в парадной экипировке.

Я уже коротко обмолвился об отдельных боевых частях в армиях мира, которые используют эш-ка — официально "частях механизированной кавалерии специального назначения". Конечно, в разных странах названия и официальные наименования различаются. Эш-ка в таких частях были найновейшие, а операторов для них отбирали найлучших, иногда даже с рождения — так, например, поступали японцы, китайцы и русские. Каждый такой "кавалерист-спецназовец", "рыцарь современного мира", стоил по самым скромным подсчетам десяти человек(не то чтобы это спасало его от пули в голову), а в своем эш-ка мог без особого труда нанести поражение трем рядовым операторам. Я в сражении с таким противником не продержался бы и двух минут. Все они были гордостью нации, ее лицом и олицетворением ее могущества и военной мощи.

Так вот, у "Анубис-Хеда", созданного ООН для противостояния и контроля за эш-ка во владении террористических, полувоенных и корпоративных организаций, тоже имелась такая боевая часть. И название какой-то умник ей дал не в меру странное — "JACKAL-Pharaoh", или попросту "Шакал-Фараон". Согласно официальным данным, по вооружению и подготовке своим коллегам из регулярных армий они не уступали: и если под знаменами "Анубис-Хеда" порой вышагивали новейшие "Суверены", "Эквабилити" и "Сталинграды", то подготовку проверить было никак невозможно.

Я о таком помыслить не боялся. Просто я был уверен, что с "Шакал-Фараоном" повстречаться мне уж точно не доведется. Но, как говорится, на антивирус надейся, а софт проверяй.

— Господин Кимэра, господин Вольфр-Икаруга?

Я обернулся на голос, — спокойный и мягкий, — первым, и тут же уставился в голографическую копию эмблемы, увиденной мною на плече бордового эш-ка. Крошечное удостоверение-голопроектор держал в руке высокий мужчина в графитно-черной униформе "Анубис-Хеда".

— Я искал вас. — коротко сообщил он, не меняя тона. — Пожалуйста, пройдемте со мной, господин Вольфр-Икаруга.

***

Полковник "Анубис-Хеда", Люция Лэндлайт, и в самом деле оказалась довольно приятной женщиной, а строгая черная униформа ее только украшала. Каштановые волосы у нее были собраны в хвостик, а глаза скрыты темными ДР-очками, которые она продолжала носить и в помещении, за что сразу же извинилась. Осанка выдавала в ней оператора эш-ка. Воротник ее форменного френча украшали крошечные золотые головы шакалов, а на рукаве была нашивка в виде герба "Шакал-Фараона".

Своего адьютанта, того самого высокого мужчину, который привел меня к ней, она представила как майора Флоренса Линдсея. Майор выглядел полной противоположностью своей начальнице: высокий, худой и неестественно бледный, со светлыми волосами и темно-синими глазами. Даже пальцы на руках были длинными и тонкими. Униформа лишний раз подчеркивала его худобу, и целиком майор Линдсей вызывал ассоциации с макарониной.

Полковник же первым делом предложила мне закурить.

— Спасибо, я не курю. — отказался я.
— Вы не будете против?..
— Нет-нет, что вы.

Лэндлайт вытащила сигарету и прикурила от тотчас протянутой Линдсеем зажигалки. Струйка дыма немедленно потянулась вверх, к вделанной в потолок вытяжке, но слабый табачный запах успел разнестись по помещению.

— Я бы хотела выразить свое восхищение. — начала она, оставив сигарету в пепельнице. — Позавчера, в бою, вы нанесли безоговорочное поражение двум штурмовым комплексам и заставили отступить третий. С четвертым заодно. Поздравляю вас.
— Спасибо.
— Не за что. Хотя честно сказать, стиля у вас нету. Для вас было важнее сражаться, а не победить, не так ли?
— Почему нет? Разве? Главное — победа, разве нет?

— Бортовой самописец утверждает иначе, а ваш анализ крови только подтверждает этот факт. Вы всегда прибегаете к боевым стимуляторам при вождении эш-ка?

— Конечно же, нет! — запротестовал я, а затем торопливо спросил: — А что?

— Ничего особенного. Но мы все-таки отвлеклись. Вы позволите задать вам пару вопросов?

— В зависимости от их содержания. — развел я руками. Люция Лэндлайт вновь затянулась сигаретой и вновь отложила ее.

— Кто вас ранил?

Я оторопел.

— Простите?

— В кабину "Кросс Трайфорса" вы полезли уже раненым, и уже потеряв кровь. Рана открылась заново через двадцать две минуты после того, как вы перевязали ее уже в кабине. Я видела вас сразу когда вас доставили в здешнее медицинское крыло. Порезаться настолько глубоко можно только если очень постараться. Ну или если вам кто-то помог.

— Ага, помог. Помогла, вернее. Это была оператор того эш-ка, класса "Вотан".

— Знаем. Бортовой номер МТ045, имя — "Нордлюфтцуг", владелица — Хильда Дорнье, сотрудница ЧВК[24] "Опергруппа "Миллениум"". Это она, значит, вас ранила? Интересно. При каких же обстоятельствах это произошло?

— Ну, вообще-то я ее заметил еще в самолете. Мы летели из Токайдо одним рейсом. Потом — когда мы сошли по трапу. Потом я заметил ее в автобусе, едущем из аэропорта — я тогда шел пешком. Потом уже вечером в Зодиак-Дистрикте я прямо спросил ее, почему она за мной следует.

— И?

— Она ответила что-то о том, что "Синамуре" не надо было вмешиваться в здешние дела, что она пыталась предупредить меня и Сэа… ну, госпожу Темпести, но мол было слишком поздно, и она попыталась меня убить. Я сумел отбиться, но она исчезла.

— Интересно. Представитель "Миллениума" утверждал, к слову, что их отряд должен был взять центральный комплекс Восточного Лифта штурмом. Зачем и по чьему заказу — он не сообщил.

— А это тут причем?

— При том, что да, слова Дорнье имеют какой-то смысл. Хотя

скорее всего это был блеф.

— Оператор "Мертвой Головы", — добавил я, — Сигиллайт Инграм Виндикатор, так его звали. Он тоже говорил что-то о том, что они не имеют претензий к "Синамуре". А о их целях не сообщил.

— И между тем "Миллениум", по понятным причинам, не предупреждал "Синамуру" о готовящемся нападении, и "Синамуре" о нем было неизвестно. — закончила Лэндлайт. — Поздравляю, последние подозрения о причастности "Синамура Парамилитарис" к этому делу развеяны.

— А они были?

— Были. Битва могла быть инсценировкой для отвлечения внимания, во время которой сотрудники вашей службы безопастности выбили бы службу безопастности КЭГ из их сети и перехватили над ней контроль. И Подножие было бы в ваших руках. Гипотетический сценарий. Перехват контроля был, но локализованный и исходил из другого источника. И тем не менее, генеральный директор "Кидо Эрэвейта Груп" все равно исчез в неизвестном направлении.

— И это все связано, верно?

— Верно. А если учесть, что на вверенном им сегменте орбитального кольца была установлена боевая лазерная установка — то это только укрепляет наши подозрения по отношению к КЭГ.

— А что "Миллениум"?

— А что "Миллениум"? Они выполняли свою работу. И вы тоже. Вас КЭГ вообще ни о чем не осведомило, как сообщил господин Рюдзи Синамура. Поводом для контракта послужило предположение, что против Подножия и главного офиса КЭГ может быть направлена атака с помощью штурмовых комплексов. Господин Синамура подчеркивал, что представитель КЭГ сообщал об этом уверенно, без доли сомнения.

— Все настолько сложно? И мне действительно стоит об этом знать?

— Прекратите задавать себе подобные вопросы. — оборвала меня полковник. — Если я вам об этом говорю — значит стоит. И это не сложности, а банальная взаимосвязь. Вообще, не понятно даже, кто тогда стоял за террористическим актом на кольце. Но к господину Вану у нас очень много вопросов, таким образом. И мы продолжаем копать. Прочесываем сеть.

— Ну да, у вас длинные руки, а полномочия еще длиннее… — недовольно буркнул я. — Так подождите, а я тут причем? Я помог вашему следствию, полковник Лэндлайт?

— Помогли. Пусть и незначительно. Все подозрения с

"Синамуры" сняты, вы только лишний раз это подтвердили. А все, что я вам рассказала, я расскажу сегодня Синамурам. Мы вправе просить сотрудничества. И если "Миллениум" еще не дал однозначного ответа, то Рюдзи Синамура сегодня заявил о сотрудничестве "Синамура Парамилитарис" с нашими ведомствами. Так что не беспокойтесь, вам разрешено владеть такой информацией.

Я печально качнул головой.

— Вы прямо рассыпаетесь в увещеваниях и оправданиях.

— А может, я просто не хочу держать вас в неведении? — неожиданно резко спросила Лэндлайт. — Вы об этом подумали?

— Подумал. Вы неестественно любезны. И я более чем уверен, что вы только что нарушили свой собственный устав. Я с ним не знаком, но что-то про неразглашение важной информации сторонним лицам там точно должно быть…

— А как вы не можете понять, что вы — не стороннее лицо? Или же вы не сражались с эш-ка "Миллениума"? Не защищали Подножие неизвестно по чьей прихоти и из неизвестно чьих соображений?

— А как вы не можете понять, что мне плевать на это?! — мой голос окончательно сорвался на крик. — А ведь мне действительно плевать! Мне все равно. Я делаю свою работу. Я ее сделал? Сделал! Ну так и оставьте меня в покое! Имел я ввиду все ваши расследования и взаимосвязанности, до которых мне нету дела! Да, вы очень любезны, полковник. Но даже вы моего мнения не спросили — хочу я все это знать, не хочу…

Укоризненное молчание повисло в комнате.

— Хотя знаете что? Я уже привык. Никому до моего мнения дела нету. Извините.

— Извинения приняты. — сухо ответила полковник Лэндлайт. — Вы свободны. Чуть позже я принесу вам извинения за то, что не спросила вашего мнения.

— Ой, да право же…

— Вы свободны! — рявкнула она на меня. Уравновешенность и благодушие с нее как ветром сдуло. — Вон!

Я попятился задом и чуть не вывалился в открывшуюся за моей спиной дверь. Мысленно я поздравил сам себя — только что мне удалось вывести из себя командира "Шакал-Фараонов". По пустяковому поводу, что характерно.

Может, я только что и испортил отношения с приятной и любезной полковником Лэндлайт. Плевать, вообще. Зато я пусть по пустяковому поводу, но выговорился.

Меня ведь никто никогда и ни о чем не спрашивал. Да, очасти я был благодарен Синамурам за все, что они для меня сделали, и не в последнюю очередь за то, что они создали меня. Да, я понимал, что никак иначе быть и не могло.

Но что, хоть раз спросить моего мнения было так сложно?

***

На обратном пути, когда я в первый раз за все проведенное на Подножии время сел на горемычный маглев, я рассказал Аоки о беседе с полковником и ее исходе. Его лицо никакого удивления не отразило, но вот под конец, когда я кратко изложил суть моей тирады, он нахмурился и укоризненно сказал:

— Ты повел себя недостойно. Не по-мужски.

— Ну так и что? — тут же переспросил я. — Кого это сейчас интересует? Всем плевать.

— Ошибаешься. Чему я тебя учил?

— Протухшему кодексу чести, идеалы которого не стоят и выеденного яйца, в сотый раз повторяю.

— Еще раз ошибаешься. — менторским тоном повторил Аоки. — С небольшими поправками, принципы бусидо никогда не переставали быть актуальными. То же самое можно сказать о любом кодексе воинской чести вообще.

— Конечно, не переставали. Оправдывать свои действия эфемерными понятиями чести и доблести — это очень удобно, не спорю.

— Понятия чести и доблести не эфемерны, а достаточно четко изложены. — не отступал он.

— Да, но и достаточно растяжимы, чтобы оправдать любой поступок вообще. Вне зависимости от морально-этической стороны, на которую мне тоже плевать.

— Вот именно поэтому идеалы, скажем, бусидо не имеют для тебя никакого значения. И даже если понятия чести и доблести растяжимы, то разве ты не можешь сформулировать их для себя так, чтобы они подходили под все критерии морали и этики?

— Я буду формулировать их для себя. А мои критерии морали и этики могут отличаться от чьих-небудь еще. И я в любом случае начну оправдывать свои поступки этими критериями.

— А так ты оправдываешь их тем, что-де тебе плевать на мораль и этику.

— Прикинь, но мне действительно на них плевать. И я не заявляю, что поступаю так или иначе из-за непринятия доминирующих в обществе морально-этических установок. Я поступаю так, как я поступаю.

— То есть, ты подчинен сиюминутным импульсам, которые диктуют твое поведение. Вывод — ты ничем не отличаешься от животного.

— Пошел ты. — огрызнулся я. — Животные вымирают. А люди — нет. И выродков среди людей куда больше, чем честных и высокоморальных.

— А ты причисляешь себя к аморальным выродкам?

— Конечно же нет! Я — не они! Я просто-напросто привел пример!

— Пример того, что ты не один такой? Несомненно. Только в этом и есть твоя проблема. Ты выбрал себе слишком плохой пример для подражания…

— Я выбрал себе трезвую точку зрения на мир и происходящее в нем!

— Потише, пожалуйста.

— Хорошо. Но мне кажется, даже ты должен понимать, что глупо смотреть на мир через розовые очки морали…

— А я и не смотрю. Мораль — это не розовые очки и не бритва Оккама. Да, мир состоит из несправедливых вещей. Жестокость, зло, бесправие и все такое. И дело тут не в том, чтобы пытаться кардинально изменить мир. Оставь это для мультиков и бульварного чтива. И даже не в том, чтобы хоть как-то его менять, потому как… назовем их "плохими" деяниями… так вот, их больше, чем деяний "хороших", поэтому любая такая перемена поодиночке обречена на провал. И даже когда общественное устройство кардинально изменялось, вспомни хотя бы двадцатый век, благие начинания таких перемен гиперболизируются и извращаются для, тут ты правильно сказал, оправдания каких-либо аморальных, "плохих" действий.

— Ты мне тут прописные истины не пересказывай. — недовольно буркнул я. — Я их и сам знаю. Кстати, нам сейчас выходить.

— Ага-ага… Так вот, — продолжил Аоки, когда мы сошли на перрон станции маглева в Нордстар Хайтс, — ты прописные

истины-то знаешь, но вывод сделал из них неправильный: "мир поменять нельзя, так и гори оно ядерным пламенем". Это неправильно.

— Ты это уже говорил.

— И повторю еще раз. Суть морали, Лелуш, заключается в том, чтобы конкретный человек согласовал свое поведение согласно каким-то установкам. "Не убий", "не укради", и так далее. Миру, и тому, что он пытается тебе навязать, надо постоянно бросать вызов и сопротивляться его влиянию и впечатлениям от него.

— Дешевое бунтарство это, короче. Знаем, проходили.

— Да блин, парень, ты вообще меня слушаешь? Пойми уже разницу между просто тупым протестом против всего вокруг и непринятием этого всего. Мир нельзя поменять. Но нельзя дать миру поменять тебя.

— Ну пускай. А причем тут бусидо?

— Да притом же, что эти самые моральные принципы там изложены заранее. Мне их для начала хватило. — завершил Кимэра и умолк.

Вообще говоря, Аоки, бывший японский офицер и самурай до мозга костей, был во многом прав. Свою неправоту, по крайней мере, я осознавал, хотя мне это и было неприятно. Но пытаться что-то менять было еще неприятнее. Мораль и этика, как я считал, не сделают мою жизнь исполненной смысла — или сделают, но само понятие смысла извратится.

С другой стороны, во всем есть плохие и хорошие стороны. И то, что моралью выгораживаются действия зачастую ей противоречащие, не должны заявлять о несостоятельности самого принципа морали.

Я, конечно, осознавал, как идиотски это выглядит, но тогда, пока мы шли по прожаренной солнцем улице в Нордстар Хайтс, я пообещал себе подумать надо всем этим.

В конце концов, что-то надо было менять.

А между тем я и оглянуться не успел, как перед нами открывались автоматические ворота в док по улице Сисайд Авеню, номер 2. Впервые за последние пять дней я сумел лицезреть нашу воздушную баржу, "Манту". Главным преимуществом дирижаблей было то, что они могли перевозить большие грузы на любые дистанции и в любом направлении. И

хотя дирижабли считались слишком ненадежными и уязвимыми, в середине двадцать первого века они переродились окончательно.

Теперь уже можно было придать дирижаблю достаточное ускорение. Можно было дать ему прочный и легкий корпус. Миниатюризация термоядерного реактора дала воздушному кораблю мощный и долговременный источник энергии. Гелий, державший дирижабль в воздухе, был укрыт в бронированных и защищенных магнитными полями баках внутри корпуса. Воздушный флот пережил свое второе рождение: становились в строй воздушные корабли, как гражданские, так и военные. Ракетоносцы, баржи, авианосцы, грузовые корабли, пассажирские лайнеры, носители для космических кораблей.

А "Манта" что? "Манта" была списанной китайской баржей класса "Хонгли", слегка модифицированной и с меньшим количеством вооружения, так как она считалась, вообще говоря, гражданским судном. К несчастью, кое-где на Ближнем Востоке и в Африке, да и еще в некоторых местах земного шара, процветало воздушное пиратство, и отбиваться воздушным судам, даже гражданским, как-то да надо было. А сверх этого — ничего, "Манта" была исключительно тыловой машиной, осуществлявшей транспортировку, развертывание и ремонт штурмовых комплексов. Для ускорения развертывания у баржи была паровая катапульта и баллистические ракетные шахты. И ракеты, специально под эш-ка сделанные, были, вот только немного их было.

Люки отсеков эш-ка в гондоле баржи были распахнуты, и оттуда доносилась сейчас вся какофония звуков, присущая ангару эш-ка. Внимание же привлекало другое: на швартовочном трапе, задрав голову кверху, стоял главтех Александер Антонеску.

— Сэа!! Слазь оттудова, хуже будет!! — орал он сидящей на верхней створке люка Сэа Темпести, на что та, болтая ногами, отвечала:

— Доберись сперва!

— Вот и доберусь!! Еще раз повторяю: слазь оттудова, живо!!

— А то что мне будет?

— Упадешь, башку расшибешь!!

— Пошел ты!

— Чего-чего?! Ты, девочка, хоть знаешь, кого посылаешь?!

— Вшивого технаря из вшивой Румынии, а что?

— Чего-о-о?! Да ты… да я тебе… — вскипел Антонеску, не находя слов для гневной отповеди. Попросту обложить Сэа матюгами ему не давала врожденная интеллигентность и правильное воспитание, и несчастный главтех попал в трудное положение: приличные эпитеты уже закончились, а неприличные употребить никак нельзя.

Аоки хихикнул и пожал плечами, широко разведши руки в стороны: мол, c'est la vie.

— Эй, Антонеску! Проблемы?

— А то! — отозвался тот. — Управы на нее нету! Технику безопастности соблюдать положено! А вдруг упадет? Вдруг расшибется? Ты ж пойми меня, Аоки, правильно: девочка — не эш-ка, ее по частям не соберешь, если вдруг что…

— Не беспокойся, я все понял. — заверил его Кимэра и отстранил его в сторону, сам встал на трап и крикнул:

— Сэа!! Угадай, кого я привел?!

— Чего? Ану дай глянуть!.. — Сэа пригляделась и чуть не свалилась с края люка. — Лелуш?! Ты, что ли?!

— Да, я. — наглым тоном заявил я. — А что?

Темпести с верхотуры как ветром сдуло; в мгновение ока она оказалась на трапе, а затем подскочила ко мне — и не успел я опомниться, как ее пальцы сомкнулись у меня на горле и она начала меня душить.

— Сволочь ты!! — заорала она мне в прямо в лицо, не ослабляя хватки и продолжая трясти меня туда-сюда. — Понял?! Сволочь!! Порезали тебя, да?! Думать уже забыл, да?!

В своей праведной ярости она передавила мне горло так сильно, что я и слова-то не мог вымолвить, и был вынужден оглашать воздух хрипением пока, наконец, Сэа не отпустила меня ровно настолько, чтобы обхватить поперек туловища и притиснуть к себе так сильно, что воздух вылетел у меня из легких второй раз подряд.

— Из-из-извини…

— Урод ты бесчувственный. — печально вздохнула Сэа. — Ладно, так и быть, прощаю. Куда ж ты от меня денешься-то…

Отпускать она меня не спешила. Пришлось очень попросить. А Антонеску, тем временем, под шумок отчалил в сторону своего

царства, ангаром именуемого, напоследок отпустив комментарий на тему "милым ругаться — только тешиться". Я предпочел эту фразочку пропустить мимо ушей.

В последующей задушевной беседе в носовой кают-компании Сэа, с удовольствием выслушав мой рассказ о сегодняшних событиях, всецело мой поступок одобрила.

— Так ее! — заявила она, сжав руку в победном жесте. — Знай наших!

— Тем не менее, это неприлично. — тут же возразил Аоки. Я уже было подумал, что сейчас лекция о морали начнется заново, но бывалого самурая тут же осадила Темпести.

— А ты войди в его положение. Парень только из филактерия, валялся в симстиме два дня, еще не отошел, а тут на него бац и выливают ведро ненужной ему информации, его при этом не спросив. Что ему было делать?

— Вообще говоря, сжать зубы и терпеть. — вставил я. — Но я этого не сделал. Нет мне прощенья.

— Спокойно, отставить панику. — заверила она. — У тебя на прощения годовой абонемент. А может и полугодовой. Помни мою доброту!

— Припомню, а как же. Только об оплате и подумать боюсь…

Кимэра только руками всплеснул, но решил промолчать. А я же под конец дня чуть ли не был удушен еще один раз, но сумел вовремя скрыться от переизбытка чувств Темпести подальше от дока.

В небе из-за туч выглядывала луна, волны синхронно ударяли об песок на берегу, вода серебрилась от лунного сияния, а я бродил в ночи по побережью, взбивая носками туфель песок, любовался на серебристое море и лишь изредка отхлебывал из заранее захваченной фляжки горьковатой, но согревающей "отвертки". А вернувшись под утро на "Манту", я кое-как добрел до своей каюты, грохнулся спать и проспал весь следующий день.

Остров Подножие я, вместе с Аоки, Сэа и обещанным извинением от полковника Лэндлайт, покинул следующим утром.

Глава V

о. Синамурадзима, учебно-тренировочный плац эш-ка

— Надерешь мне сегодня задницу по первое число? — задорно спросил я.

— Не вопрос! Сейчас ты у меня потанцуешь, братец! — в тон мне ответил Лейдзи.

Кулак ударился об кулак, и мы одновременно, не сговариваясь, побежали к своим машинам, стоявшим в противоположных концах прямоугольного плаца в коленепреклоненной позе. Я быстро добежал до "Кросс Трайфорса", просунул ногу в петлю посадочного троса и дернул за него. Трос поехал вверх, а я еще успел развернуться и увидеть, как точно так же поднимается в кабину своего "Юстикатора" Второй.

Меня обдало горячим воздухом из радиаторов. Я напоследок помахал трибунам и запрыгнул в кабину, приземлившись на тут же надувшиеся подушки ложемента. Поймав меня, они начали немедленно сдуваться.

— Задраить люк, перевести реактор в режим полного функционирования. — скомандовал я, пристегиваясь и надевая нейрошлем. — Мощность реактора?

— Выработка энергии на 30 %, тренировочные ограничители активированы. Люк закрыт.

Я щелкнул переключателем нейроинтерфейса. На пластине шлема, посередине лба, загорелась крошечная зеленая надпись на прямоугольном табло — "ONLINE".

— Внимание: нейроинтерфейс оператора подключен. Передать управление на оператора?

— Да. Держать каналы связи открытыми, это же тренировка. Да и мне хочется немного покричать.

— Принято. Последний запрос не понят. Повторите ввод.

— Заткнись.

— Принято.

— "Юстикатор" вызывает "Кросс Трайфорс". Эй,

мироненавистная кляча, ты еще не струсил?

— Удивлен, что ты не убежал обнимать родную пробирку, отчаяние ходячее. — бодро ответил я.

— Пофиг вообще. Отчаянием я упиваюсь, мне это даже нравится, а ты только ходишь и хнычешь сам себе в жилетку. Вон, на груди у Сэа поплачь, ей понравится.

— Пошел ты. Меня не интересует, знаешь же.

— Это, типа, женоненавистник на проводе?

— Я такого не говорил. А ты, — да, ты! — давай-ка подготавливай свою сраку. — в подтверждение моих слов я ударил кулаком "Кросс Трайфорса" об ладонь, уже встав во весь рост.

— Внимание, мальчики! Лелуш, Лейдзи! — раздался по параллельному каналу голос заместительницы Синдзи, Юки Утады. Заместительница, она же одновременно помощница, любовница, страсть всей жизни и правая рука самого младшего Синамуры стояла на трибуне, заботливо отгороженной от плаца двадцатиметровым прозрачным барьером из алмазоплетенного стекла, приложив палец к ушку: — Давайте, у нас мало времени! Оружие к бою и вперед!

— Есь, миледи! — молодцевато рявкнул я в микрофон. Рука "Кросс Трайфорса" сняла, почти сорвала, с пояса тренировочный муляж теплового меча-бастарда. — К бою готов!

— Служу "Синамуре", и катись оно все к черту! — "Юстикатор", массивный канонирский эш-ка класса "Хинду", снял с пояса тренировочный дао[25] и сделал пару пробных замахов, корректируя длину противовесов. — Мой меч — голова вражескому эш-ка с плеч! К бою готов!

— Готовы? Тогда давайте, начинайте! — Юки несерьезно запрыгала на трибуне и замахала в воздухе свободной рукой. Стоявший на почтительной дистанции от нее Кимэра сгреб лицо пятерней. — Ан гард, бокс, не знаю как оно там!

— Пойдет и так! — выкрикнул Лейдзи. Его эш-ка сделал шаг вперед, а затем еще один, набирая скорость. — Ну, держись!

Набирающий скорость "Хинду"-класс, достаточно скоростной для других канонирских эш-ка, занес дао над головой в длинном замахе.

— Мой клинок — Клинок Правосудия! Клинок, который поражает и рассекает зло!! — продолжал комично надсаживаться Второй. Это было нашим с ним небольшим ритуалом.

— Твоя зубочистка даже автомобиль не проткнула бы, а если бы и проткнула, — я встал в боевую стойку, отведя меч в сторону

для рубящего удара, — то она все равно не устояла бы перед моей техникой!

— Довольно! Клинок Правосудия — Первый Приговор!! — дико завопил Лейдзи по шипящей рации, резко опуская дао вниз.

— Пылающий Меч Мизантропии, в атаку!! Поверги противника пламенем концентрированой ненависти!! — в тон ему отрывисто выкрикнул я и повел свой меч обратно.

Два нанофибростальных муляжа столкнулись друг с другом. Я чуть было не полетел оземь, но еле-еле устоял, уперевшись одной рукой об землю. Рука, да и вся несущая конструкция "Кросс Трайфорса" скрипела под натиском восьмидесятитонного "Юстикатора".

— Эй, мужик, что это нахер за Пылающий Меч Мизантропии? — Лейдзи даже не думал ослаблять своего натиска.

— А чего тебе не нравиться-то? Буква и дух ритуала соблюдены, так что сиди и не чирикай! — ответил я.

В следующий момент я отдернул руку, которой опирался, сжал в кулак и заехал ею по похожему на капюшон шлему "Юстикатора".

— Затмевающий Взор Оглушающий Кулак!! — рявкнул я и нанес еще один удар, теперь уже мечом. — Стабилизировать положение!

— Принято. — ИИ сам, предоставив мне колбасить(по-другому и не назовешь) горемычный "Хинду"-класс муляжом меча, вернул "Кросс Трайфорс" в прежнее положение.

— Один-один! — я отступил на три шага и отвел меч назад. Если бы лицо "Юстикатора" что-то выражало, то оно выглядело бы озадаченно. — Ударь меня, если сможешь!

— Легко! — "Юстикатор" вновь размахнулся и пошел на меня; я попятился назад. — Итак, кхм-кхм, твои умения довольно неплохи… Но тем не менее!..

Дао опять понесся вниз, намереваясь опуститься на мою кабину.

— Клинок Правосудия — Второй Приговор!!

— Бакенбарды сбрей! — парировал я, отводя дао в сторону и нанося другой удар, метя в лицо сопернику. — Пылающий Меч Мизантропии, вперед!!!

Второй успел парировать удар, и схватка продолжилась. Снаружи, что характерно, наших воплей слышно не было, и все выглядело довольно обычно: спарринг двух эш-ка как он есть, разве что рубятся роботы и их операторы пожестче, чем принято. Натужно гудели реакторы, жужжали сервомоторы, грохотал металл, ударявшийся об металл, звенели пластины юбок и наплечников, во все стороны летели искры и поднималась пыль, хотя покрытию плаца было хоть бы хны.

Прислушаться только к радиопереговорам — и вся чинность-мирность исчезала сама по себе. Два взрослых мужика, уподобившись героям третьесортного аниме про гигантских роботов, самозабвенно дубасили вполне настоящих гигантских роботов друг друга, сопровождая каждый удар насквозь проштампованной и настолько же пронизанной идиотизмом фразой.

Да, Лейдзи очень любил аниме про роботов. Да, это была его идея. Да, мы сознательно занимались порчей корпоративного имущества, хотя и не совсем серьезной; на муляжах стояли фортирезиновые протекторы, так что вмятин на корпусах эш-ка не оставалось. Износ мышц, сервомоторов и вообще всей конструкции был проблемой, но тут уже ничего не поделаешь. Взыскать за выполнение, в общем-то, учебно-подготовительной программы? Да ради бога, мы с Лейдзи были бы и рады, но кроме пары совсем уж серьезных случаев никто с нас не взыскал, а Антонеску может и хмурился, но в конце концов махал рукой.

— Что хотите, то и делайте! — говорил он. — Начальство разрешило? Разрешило. Ну так и все тут. А остальное уже наши проблемы.

А тем временем, мой эш-ка оказался на спине. Второй, при всей показушности, да и при своей специализации как стрелка, мастерски владел холодным оружием — что верхом на эш-ка, что в пешем строю. И тяжеловесный канонирский "Хинду" с ним за штурвалом двигался с поразительной скоростью, хотя его движения все же не отличались изяществом. Зато они были эффективны, а за каждым ударом стоял реактор мощностью в 1024 киловатта, мощные мускулы из биополимеров[26] и прочные нанофибростальные кости. И вот — я не сумел удержать баланс после удара, пришедшегося в среднюю секцию торса, и "Кросс Трайфорс" обрушился на плац. Дао "Юстикатора" застыл в

полуметре от люка кабины.

— Докладываю: коварный враг повержен, миледи! — отчитался Второй по внешней связи. — Ваши приказания?

Юки на трибуне зааплодировала.

— Все, брейк! Лейдзи, ты молодец! Хочешь, я тебя расцелую?

— Не, спасибо, а то Синдзи будет очень злиться. — отмахнулся тот. Дао вернулся на пояс, а Лейдзи протянул мне руку "Юстикатора": — Давай, бро, хватайся. Отделал тебя, как Микеланджело Сикстинскую Капеллу, как ты и просил.

— Молодец, хвалю. — я взялся за протянутую руку и вернул эш-ка в вертикальное положение. — Спасибо.

— Что бы ты без меня делал-то? — спросил он.

— Меньше смотрел бы мультиков, наверное. — констатировал я. После громких и драматических воплей, исполненных истинной мужественности и кипящей крови, у меня ощутимо болело горло.

Лейдзи вздохнул, наполнив рацию шипением.

— Заводи свой "Кросс Трайфорс" в ангар и пошли. Ты проставляешься.

Крыть это было особенно нечем.

***

Наноассемблер тихо жужжал в своем гнезде в стене, послушно собирая на молекулярном уровне два стакана кофе. Крошечный дисплей рядом с вставленной в паз карточкой свидетельствовал, что мой "абонемент на созидание" через два-три использования будет исчерпан. Наноассемблеры и нанорепликаторы, равно как и пользование ими, были обложены сотнями тысяч запретов и ограничений, за трудягами-наноботами велось наблюдение, чтобы они вдруг не собрали чего сверх положенного, а все с благой целью — не допустить переизбытка чего-либо. От страха перед серой слизью людей отучили, но возможность создавать что-либо в любых количествах(было бы сырье!) для экономики была поистине страшной.

Отсюда и запреты, ограничения, абонементы… логично.

Дверца наноассемблера поднялась вверх, и наружу выдвинулись два стакана с кофе, как и было заказано. Один я взял себе, а другой вручил Второму и присел рядом с ним на скамейку.

— Спасибо.
— Не за что, ты заслужил.
— Не снисходительствуй тут! — немедленно возопил Лейдзи, поспешно проглотив кофе и только потом завопив: — А-а-а-а! Сучье кофе!
— Обжегся? — желчно спросил я. — Ну так будет тебе уроком. Мементо мори, сиди и не чирикай, все такое.

Нерадивый братец что-то недовольно пробурчал, осторожными, но частыми глотками налегая на кофе. Я, хоть и размереннее, последовал его примеру.

Лейдзи Вольфр-Икаруга, созданный с нуля представитель выдуманного рода. Да какой там род, одна фамилия, и та придумывалась в расчете на красоту и переусложненность. За что он был прозван Вторым — я уже рассказывал. Мы с ним удивительно похожи, по крайней мере внешне, только у него волосы черные, а у меня — пепельно-серые. Но что касается исходного ДНК(носителя которого мы не знали и вряд ли узнаем), да и изначального набора модификаций к нему, а потом и улучшенных и доработанных органов, то тут мы были братьями во всех смыслах.

А вот по характеру и мировоззрению — не очень.

Там, где я мог только раз за разом проклинать злодейку-судьбу, но при этом все еще надеялся на какие-то перемены, Лейдзи уже давно отчаялся что-либо изменить и положил на все с пробором. Своей отчаянностью он упивался, как сам и говорил, и она без зазрения совести стала для него универсальным оправданием и индульгенцией.

Худший человек — человек отчаянный, а Второму было нечего уже терять. Он только рад был подвергать себя неоправданному риску и ставить собственную жизнь на кон, но должность огневой поддержки ему этого нечасто давала. И тем не менее, выход он себе нашел.

Оператор тяжеловесного канонирского эш-ка, он целиком посвятил себя такой сфере боевого искусства, как бой на мечах. Эш-ка и подкупали своей человечностью, вновь позволившей людям за их штурвалами сходиться друг с другом в поединках лицом к лицу, и это обстоятельство оживило полумертвое искусство фехтования. Эш-ка все еще носили, и будут продолжать носить, оружие дальнего боя, и с ним по долгу службы виртуозно обращался и Лейдзи. Но встречи операторов эш-ка на поле боя сводились к сражениям один-на-один, которые нередко доходили до контактного боя. И там уже шли в ход мечи, топоры, кистеня, шестоперы, пики, глефы, бердыши… назовите любой вид холодного оружия, и можете быть уверены, что инженеры-конструкторы эш-ка спроектировали их точные копии — только огромные, по пять метров в длину каждый, из нанофибростали, с мономолекулярной заточкой, со встроенными тепловыми лезвиями, ЭМИ-генераторами, вибрирующими клинками, встроенными автопушками и чем только еще можно.

Второй набросился на контактный бой, как государства мира на Америку во время их второй гражданской войны[27]. Загрузить программы боя в бортовой компьютер эш-ка и раздобыть подходящее оружие — это еще полбеды; без знания хотя бы основ боя оператор не сможет эффективно вести ближний бой. Не сумеет удержать машину в равновесии, вовремя блокировать удар и так далее. Нас обоих обучал фехтованию Аоки, слывший в прошлом если не мастером-мечником, то по крайней мере бойцом не последнего пошиба. И именную катану, которую ему разрешили носить после ухода с военной службы, он носил не для красоты.

Все то мастерство, с которым Кимэра обращался с мечом, утратило большую часть своей непревзойденности после очередного спарринга с Лейдзи — только вот Лейдзи к тому времени изрядно поднялся в уровне и, взявшись за шпагу(шпаги, кстати, он очень любил), обрушил на наставника такой натиск, что застал его совершенно врасплох. Аоки был сбит с ног, и если бы шпага была с мономолекулярной заточкой, не сносить бы ему головы — да и без нее не сносить бы, с Лейдзи бы сталось(и то, что шпага и ее родственники для рубящих ударов не предназначены, его нисколечко не волновало). А так обескураженный самурай потребовал сатисфакции, и додзё при особняке Синамур снова наполнился звоном стали, а оба бойца заслуженно заработали не одну царапину. Одежды было также

порвано немало — а что вы хотели? Это же не спортивное фехтование и не кендо, тут все серьезно.

Излюбленным мечом Второго дао, с которым сегодня щеголял его "Юстикатор", тоже не был. Самую большую любовь снискали шпаги и катаны, хотя и цзяню нашлось место. Лично для меня разницы не было никакой, а вот брательник с ними чуть ли не носился. Хотя, наверное, теперь и мне придется наверстывать упущенное.

— Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

— Да не вопрос… — ответил было Лейдзи и осекся, подняв глаза на вновь прибывшего, — гражданин… начальник…

Рюдзи Синамура расплылся в благосклонной улыбке.

— Лейдзи, Лейдзи… Ну начальник, и что? Все равно не непосредственный…

— Так, э-э, чинопочитание же!

Старший из братьев Синамур опустился на скамейку рядом со Вторым.

— Брось! Всему есть время и место. — ободряющим тоном сообщил он. Лейдзи пожал плечами и отправил уже пустой стаканчик в зияющую пасть урны-утилизатора.

Рюдзи Синамура был старшим из двух сыновей семейства Синамура, безраздельно верховенствовавшего в совете директоров "Синамура Парамилитарис" с самого основания корпорации — то есть, около восьмидесяти лет, или чуть больше того. Нынешний генеральный директор, Такаси Синамура, в отличии от своего отца, ныне покойного Кейтаро Синамуры, много отпрысков не завел и не стремился, взамен породив двух сыновей. Старший, Рюдзи, был одаренным дипломатом и умел находить общий язык с другими людьми; а младший, Синдзи, оказался прирожденным управленцем. Что же толкнуло Синамуру-старшего на то, чтобы взять под опеку нас со Вторым — было неизвестно. Ни мне, ни Лейдзи, ни братьям. Возможно, их отца замучила совесть, не знаю.

Так или иначе, нам с Лейдзи довелось расти вместе с младшими Синамурами. В конце концов, Рюдзи был назначен начальником отдела по связям с общественностью, Синдзи —

поставлен над оперативным персоналом, а нас с Лейдзи выучили на операторов эш-ка, и мы без особых почестей были усажены за штурвалы роботов и отправлены работать. Воевать, короче говоря.

Все было так, как должно быть. А как иначе?

— Лелуш, если не трудно, сделай мне стаканчик кофе. — обратился тем временем ко мне продолжавший приятно улыбаться Рюдзи.

— Угу. Карточку сюда давай, моя почти закончилась.

— Один момент! — Рюдзи порылся в кармане сюртука и протянул мне свою карточку от наноассемблера. — Вот, держи.

— А это я уже понимаю! — одобрительно хмыкнул я, засовывая карточку Рюдзи в прорезь и тыкая костяшкой пальца в сенсорный экран. — Тебе какой?

— Эспрессо.

— Принято. — я ткнул в эспрессо и предоставил наноассемблеру заняться остальным. — Слушай, Рюдзи…

— Что?

— Чем вся эта история с КЭГ закончилась? Тебе ж виднее небось.

— Какая? А-а, с их гендиректором? Ну, никак. Его обьявили в розыск, но пока безуспешно, неделя уже прошла. Мы контракт разорвали, КЭГ выплатила нам возмещение, разошлись полюбовно, в общем.

— А что "Анубис-Хед"?

— А они ничего. Я сказал им, что мы готовы сотрудничать с ними, они это подтвердили, ну воспользовались кое-чем из нашего, логами, записями, всем таким… Но сам пойми, Лелуш: это "Анубис-Хед". Полномочий у них не то что много — их очень много. Отчитываются они перед совбезом ООН. Не дай мы им доступ к тому, что им надо — нам плохо бы пришлось.

— Ну дык, а я-то что? Я ничего… — пробурчал я. — Зато она передо мной даже извинилась, в письменной форме…

— Кто это? А-а, полковник Лэндлайт? Как же, слышал. — Рюдзи покрутил двумя пальцами пуговицу на рукаве. — За что это ты ее?

— Чтобы не нагружала всякой чушью, вот зачем.

— Так, а вот с этого места поподробнее! — потребовал Второй. — Какая чушь? О чем именно?

Я хмыкнул, подал Рюдзи его кофе и рассказал. Как только я закончил, повисла недолгая тишина.

— Интересно, интересно… — протянул Рюдзи. — А ты знаешь, в этом стоит покопаться!

— Меня только не впутывай, хорошо? — попросил я.

— Как скажешь. Лейдзи, а ты как?

— А никак. Лелуш, ну ты конечно даешь. С тобой за здорово живешь делятся информацией — а ты еще и возмущаешься…

— Так меня это именно и взбесило. Не, серьезно, а какого черта?

— Так надо, бро. — с авторитетным видом заявил Второй и обратился к Рюдзи: — Знаешь, а я наверное вот прямо сейчас пойду и покопаюсь. Нет, серьезно. Это ж…

— Бредни это. — оборвал его я.

— Кому бредни, а кому — важная информация! Эх-х! — Лейдзи сжал руку в кулак и победно потряс ею. — Ну, короче, посмотрим, что да как!.. Вот вы поймите, хотя Рюдзи это уже понял — это все не просто так. И что-то с этим Ванем Чхонли, или как его, нечисто. И со спутником в кольце тоже… Эх! Вот чего меня не было на твоем месте, а?

— Карма у тебя такая, бро. — ядовито сообщил я.

Лейдзи не нашелся что ответить, но если бы взглядом можно было убивать, от меня бы не осталось и мокрого места.

***

Неделя пролетела в обычной для обитателей Синамурадзимы суете: дни, не отмеченные никакими выдающимися событиями, слились в один сплошной, скомканный день.

А двенадцатого июля идиллия, она же скука, была прервана строжайшим приказом сверху — немедленно собираться, а собравшись — подняться на борт "Манты", и тоже немедленно. Все было бы хорошо, если бы не то, что нас опять подняли в рань собачью, когда после дуэта из "служебного тумана" и санитарного дождя рано поутру над островом стоял густой туман.

К тому же, подняли всех четверых операторов, включая меня. Значить это могло только одно — "Синамуре" только что предложили очень крупное дело, раз в ответ выдвигается вся великолепная четверка эш-ка разом.

У меня был откровенно неряшливый внешний вид: одежда была помятой, глаза заспанные, а немытые волосы висели серыми сосульками. Лейдзи выглядел точно так же, минус заспанные глаза. Очи братца сохраняли кристальную ясность и выражение упорства, с которым они буравили пространство — безошибочный признак применения мнемостимуляторов. Да еще и таких, что кофеин и рядом не валялся. Сэа осоловело хлопала длинными ресницами и ежеминутно брезгливо морщила аккуратный носик — шляпку свою она забыла. Аоки, в комбинезоне и при мече, выглядел, наверное, презентабельнее всех, если не одно отягощающее обстоятельство: его подбородок и щеки покрывала щетина, резко контрастировавшая с красным цветом волос.

В таком виде наш растрепанный квартет загнали на борт стоявшей под погрузкой "Манты", и уже на борту отправили в конференц-зал, который отнюдь не пустовал. Голографический куб, занимавший середину круглого зала прямо под рубкой, был включен, а посередине него стоял командир экипажа "Манты", Сиэль де Монгольфье.

На самом деле де Монгольфье было далеко за пятьдесят, хотя с виду ему нельзя было дать и тридцати пяти. Бывший командир французской воздушной баржи, он не жалел средств на омолаживающие процедуры, совмещая их с биоаугументацией. О причинах, толкнувших его на такой шаг, он рассказывал неохотно, но я эту историю сумел услышать: во время миротворческой операции войск ЕК, в которой участвовала и его баржа, ее взяли на абордаж гвинейские сепаратисты. Добравшись до рубки, они обнаружили там де Монгольфье с именной шпагой-фламбергом наголо. Шпагу, унесшую жизни многих недооценивших ее носителя сынов Гвианы, он носил и сейчас.

В девяти случаях из десяти огнестрельное оружие превосходит холодное, но тогда, очевидно, был не тот случай. В конце концов у одного из противников нашелся мачете, и майор авиации Сиэль де Монгольфье, потомок первых воздухоплавателей(как он сам говорил), чуть не лишился руки. Члены экипажа, занявшие после схватки в рубке боевые посты, заметили кое-что более серьезное: их командир истекал кровью от множества пулевых ранений, и если бы не штатный наномодуль первой помощи, его бы ничто не спасло.

Необходимость замены части органов он, впрочем, воспринял с энтузиазмом, избавившись таким образом от подточенной

алкоголем печени и проблем с почками. "А затем", говорил он, "все пошло как-то само собой".

— …Вот, они как раз здесь. — сообщил он трехмерным копиям Синдзи и Юки посередине голокуба. — Эй, давайте сюда!

Он махнул нам рукой, и мы подошли. Командир экипажа был облачен, как всегда, в форму гражданского образца: темно-синий с золотыми эполетами тренч, брюки и высокие сапоги на липучках. На голове, поверх каштанового цвета волос, угнездилась фуражка английского фасона, а в одном глазу был ДР-монокль.

Внутри куба места достаточно для всех. Обидно было только, что сидеть негде.

— Итак, вы пришли. — констатировал Синдзи. Юки совершенно не к месту помахала нам рукой и состроила самое милое выражение лица, на которое только была способна. — Сразу прошу прощения, что не могу проводить вас лично…

— Короче! — грубо оборвал его Второй. — Валяй уже, чего ты нас сюда согнал в рань собачью.

— Не из личной прихоти, не бойся. Сейчас "Манта" отправляется на Ближний Восток. А точнее — южные области Ирана. Контракт был заключен заблаговременно, но нельзя терять ни минуты, путь-то неблизкий. Так как власти КСДР в доступе в их воздушное пространство нам отказали, придется срезать через Индокитай и потом обогнуть Индию. Итого, завтра вы будете обеспечивать огневую поддержку солдатам Нео-Персидского Государства. Предваряя тяжелые вздохи: там замечены эш-ка в больших количествах, и только поэтому клиент попросил отправить как можно больше машин. Но и оплата королевская.

Я тяжело и печально вздохнул. Юки прыснула в ладошку.

— Что-нибудь еще? — спросил Аоки.

— А чего тут еще говорить? У вас впереди целый день. Проведите его с пользой. — бросил Синдзи. — А серьезно, мы не знаем, что конкретно вас там ожидает, какие цели преследует НПГ и так далее.

— Ну да, и что делать — мы знаем. Придти, всех перестрелять, уйти, и не спрашивать много вопросов. — буркнул я.

— Лелуш, ну уж извини, у нас работа такая. И вы имеете право не подчиняться приказам клиента, противоречащим

Йоганнесбургскому Соглашению[28].

— А можно оторвать ублюдку голову, похоронить заживо его семью и вырезать всех родственников до эн-плюс-первого колена? — вклинилась до того молчавшая Сэа.

— Вообще-то, нет, но не пойман — не вор. Лелуш, так ты хотел что-то сказать.

— Ага. Полностью согласен с Сэа на этот счет. У них там что — гражданская война?

— Вроде бы еще и этнический конфликт. Особенно с Курдистаном. — сообщил Лейдзи. — Это я вчера мельком углядел.

— Вот. Это мерзость. Ме-рзо-сть. И меня это бесит.

— Тебя многое бесит, знаешь?

— Спасибо, Темпести, знаю… Но в общем бросьте, не обращайте на меня внимания, все равно ничего не изменишь.

— Я же говорю, — с отсутствующим выражением лица произнес Синдзи, — имеешь основания полагать, что задание противозаконно? Не участвуй. Понял?

— Понял-понял.

— Ну вот и славно. Тогда, что ж, мы закончили. Брифинг был записан, бэкап тоже имеется, если вдруг — пересмотрите. А теперь — прощайте, и ни пуха. — напутствовал нас Синдзи. — Капитан де Монгольфье, погрузка уже должна быть закончена. Готовьтесь к взлету.

— Слушаюсь. — проронил Сиэль. Юки напоследок помахала нам, и куб погас. Капитан(на деле он дослужился до майора, но значения это уже не имело) обратился к нам:

— Рад видеть вашу шайку на борту, как всегда. Мы будем взлетать, так что соберитесь где-то и не чирикайте особо.

— Кают-компания подойдет? — деловито спросил Второй.

— Вполне. Все, свободны. — де Монгольфье махнул рукой и прошествовал прочь, на ходу делая движения пальцами одной руки, как если бы он пользовался воображаемым интерфейсом — что он сейчас и делал.

…"Манта" поднялась в воздух спустя примерно сорок минут. Более не удерживаемый тросами, дирижабль поднялся в воздух и проплыл над островом на малой тяге; но, покинув воздушное пространство над Синамурадзимой, воздушная баржа содрогнулась от старта термоядерных ракетных двигателей, стремительно понесших ее вперед. Топлива в токамаке "Манты" хватило бы на столетие непрерывного полета, а двигателям для работы нужен был только нагреваемый реактором воздух.

Реактивные двигатели гораздо проще в обслуживании, но с топливом для них всегда было столько проблем, что они не стоили того.

— Судно вышло на заданную скорость. Ускорение прекращено. — обьявил ИИ баржи по громкой связи.

Под нами простирался океан, поверхность которого стремительно неслась нам навстречу. Несколько раз промелькнули внизу крошечные, будто бы игрушечные, корабли, проплыли и исчезли искусственные острова, а когда из дымки впереди выглянули берега Индокитая, мне уже надоело стоять и смотреть в огромный иллюминатор кают-компании. Да и все уже куда-то разошлись: сначала Сэа, сославшись на желание выспаться, а потом ретировался Аоки. Так что "все" было слишком громким утверждением, так как помимо меня в кают-компании сидел Второй: лицо закрыто ВР-очками, более громоздкими[29], нежели ДР-очки, на кончиках пальцев — наперстки сенсоров, руки двигаются перед ним. Возможно, это странное зрелище, или даже пугающее, только уже давно никто ничему такому не удивляется.

Отошел я как нельзя вовремя: корпус дирижабля затрясся и загудел, и мимо нас пронеслись едва заметные беспилотные истребители. Рев их гиперзвуковых двигателей донесся несколькими секундами позже.

Беспилотники, как оказалось, принадлежали вьетнамским ВВС: я смог разглядеть опознавательные знаки на крыльях, когда один из них пристроился на должном расстоянии перед самой кают-компанией. Каждый не достигал и восьми метров в длину. На носу, где должна была бы быть кабина, у беспилотников было небольшое утолщение: там, надежно защищенный от внешних раздражителей, покоился системный блок ИИ. Двигатели были выведены в гондолы под небольшими прямыми крыльями. Больше всего истребители напоминали своих дальних предков начала двадцать первого века — еще тех, у которых не было полноценного ИИ и которые зачастую даже не несли оружия.

— Отче наш, иже еси на небесах, — надрывно произнес я, — спаси и сохрани нас от бою лютого с истребителями богопротивными!

— Чё? Бро, ты чё несешь-то? — удивленно спросил Лейдзи, подняв на лоб очки.

— А то ты не знаешь? — я ткнул пальцем за иллюминатор, в сторону державшегося на прежней скорости беспилотника.

— Чего-чего? — затем он пригляделся и до него дошло. — Твою ма-а-ать!.. Это они что, по нашу душу, что ли?

— Не-а, а то нас бы сейчас здесь не было. Либо сесть бы сказали, либо просто пустили в расход.

— А, сопровождают? Тьху… Но блин, все равно стрёмно как-то!

— Расслабься, короче. — бросил я. Второй кивнул, но очки сдвигать обратно не спешил.

Исходя из того, что увеличение размеров цели делает ее более уязвимой для атак с воздуха, нетрудно было понять, что операторы эш-ка, управляющие самыми дорогостоящими и тяжеловооруженными наземными боевыми машинами, боялись самолетов как огня и ненавидели их лютой ненавистью. В наше время истребители-бомбардировщики и штурмовики носились на гиперзвуковых скоростях, а их вооружение могло не то что вывести штурмовой комплекс из строя, а и вообще уничтожить его. ЗРК? А что ЗРК? На поганцев еще навестись надо было. Легче всего было делать это, когда самолет начинал пикировать для штурмовки, сбавляя скорость(на гиперзвуке впечататься в землю легче легкого), и на него можно было без труда навестись. Особым шиком считалось сбить самолет из гироджета. Тем не менее, по части подбитых и тем более уничтоженных вообще эш-ка авиация уверенно лидировала, заработав себе тем самым ненависть на веки вечные со стороны операторов эш-ка и связанных с ними, а служащим ВВС, за исключением транспортной авиации — немало сломанных ребер, отбитых почек и черепно-мозговых травм. Те отвечали соответственно. Даже к своим заклятым врагам — танкистам — операторы не питали и десятой доли той ненависти, что к авиаторам.

Так что нас вполне можно было понять.

— Второй?

— Чего?

— Расскажи что-нибудь.

— Про испытания орбитального боевого лазера высокой мощности в марте этого года пойдет?

— Ну, пойде- Стоп. Это который на кольце, что ли?

— Ну, да.

— Угу-угу, понял. Нафиг иди со своим лазером.

— Это отчего еще?

— А я должен верить в какую-то невнятную херотень? Бро, не грузи меня, а? По-хорошему прошу!

— Ну, э-э-э… у меня доказательства есть! Видео, фото… — забормотал Второй.

Я насмешливо воззрился на него.

— Ты чего, с дуба рухнул? Чтобы я верил фотографиям?

— Э-э, бро, а чё не так-то?

— Ну блин… — не в силах выдержать несовершенства мира, я схватился ладонью за лицо. — Прикинь, а фотографии можно подделать…

— Вот черт. — обескураженно буркнул Лейдзи и опустил очки, давая понять, что разговор закончен.

***

Область Белуджистан, Нео-Персидское Государство(бывш. юго-восточный Иран)

— Внимание: судно вошло в зону боевых действий. Выполнение условий контракта начато. Всем операторам занять свои места в штурмовых комплексах и приготовиться к воздушному развертыванию. — бесстрастным тоном сообщали громкоговорители внутренней связи. Я замешкался еще секунду, а затем перебросил куртку через плечо, на другое плечо набросил лямку сумки, и побежал в сторону ангара эш-ка. В сумку был упакован разряженый и для пущей верности упакованный в фортирезиновый футляр пистолет-пулемет Singapore Leosocial M2, отчего сумка здорово оттягивала плечо, а ведь в нее был упакован и наномодуль первой помощи, и аптечка, и сухой паек на неделю, и фляжка с водой, и боевой нож, и плащ-палатка со встроенными конденсаторами влаги, солнечными батареями и обогревателем. Все это, за исключением пистолета-пулемета, делало меня похожим на пешего туриста.

На деле, конечно, сумку полагалось пристегнуть к креслу или на худой конец обхватить и притиснуть к себе непосредственно перед катапультированием из поврежденного эш-ка. Скорее всего, до этого не дойдет, но лучше было перестраховаться.

Вбежав в лифт, я прислонился к стене, опустив сумку с ноющего плеча, и перевел дух; не успел я это сделать, как лифт уже остановился, а двери распахнулись, впуская меня в ангар.

— Опаздываешь! — вместо приветствия сообщил мне Аоки. Как всегда, он был в своем комбинезоне, и снова при мече. Непонятно только, зачем он ему понадобился бы в кабине эш-ка. В руках он держал свой нейрошлем.

— Ну опаздываю, и хер с ним. — при этих словах Сэа, возившаяся с застежками своих высоких, выше колена, сапог, одобрительно хмыкнула. — Что на повестке дня?

Аоки вытащил из одного из карманов голографический проектор и движением пальца включил его, распахивая перед нами трехмерную карту. Побережье, отвесные склоны, возвышения, и мерцающие точки.

— Механизированные части нео-персидских войск удерживают вот здесь, — он ткнул в одну из точек телескопической указкой, — раскопки какие-то, еще довоенные. Ну, "удерживают" — слишком широкий термин, понятно. У них есть полевая артиллерия, танки, пехотные доспехи и вертолеты. У врага — это войска Исламской Республики Иран — пехотные доспехи, конвертопланы и штурмовые комплексы. Вроде как ударные. В воздухе БПЛА, координация нападения осуществляется отсюда. — он ткнул в другую точку. — Наша задача — по воздуху добраться туда, а там осуществлять огневую поддержку, заставить отступить другие эш-ка и ликвидировать вражеский полевой командный центр. Роли распределим по ходу дела. Всем все ясно?

— Как донышко бокала. — ответил в своей привычной манере Лейдзи. Я согласно кивнул.

— Сэа, а ты?

— Да поняла я все, поняла! Отвянь, а? — огрызнулась она, продолжая поправлять сапоги. Помимо белых сапог, на ней были, снизу вверх: темные чулки, белая же мини-юбка, белая блузка и почему-то фиолетовая куртка.

— Тогда — по машинам! — воодушевленно воскликнул Кимэра. Он резко развернулся на каблуках; катана в ножнах хлестнула его по бедру. — Сэа, не заставляй себя ждать!

Мы со Вторым переглянулись, кивнули друг другу и наперегонки бросились к своим эш-ка.

— Черти бы вас драли! Что эти два пробирочника, что этот… самурай недоделанный! — напоследок огрызнулась Темпести, но тоже подхватила сумку и побежала к "Вейл Дементиа". Я, тем временем, забрался внутрь кабины, пристегнул свою сумку под сидением и скомандовал:

— Бортжурнал: начало процедуры запуска. Код оператора: SSU-765X, капитан Вольфр-Икаруга.

— Принято. Добро пожаловать на борт, капитан Вольфр-Икаруга.

— Закрыть люк, начать проверку подсистем.

— Принято. Люк закрыт.

Я натянул на голову шлем и перевернулся на кресле, опустив ноги под главную приборную панель и упершись ими в педали. Затем я пристегнулся к креслу и теперь лежал в нем, а на мониторе демонстрировалась панорама потолка ангара и отдельное окно с данными о проверке подсистем.

— Ангар, говорит "Кросс Трайфорс". Я на месте и готов к запуску, прием.

— Поняли. Поднимаем вас, будьте готовы.

Потолок на мониторе поехал вниз и сменился противоположной стеной.

— Проверка подсистем завершена. Обнаружен и подключен модуль воздушного развертывания Messerschmidt-Hawker LuM-54 Schwarzraben. Идет синхронизация управления модуля с бортовым компьютером.

— Начать прогрев реактора. — я провернул ключ в приборной панели и передвинул ползунок режима работы.

— Принято.

— Все готовы? — прорезался в шлемофоне голос Аоки.

— Ага. Не тяни резину, говори чего хотел. — ответил за всех Второй.

— Мы будем запускаться парами. Первые идут я и Лелуш, потом Лейдзи и Сэа. Место приземления я оставляю на ваше усмотрение, сразу предупреждаю. Вооружение у вас уже стоит?

— Стоит. — подтвердил я.

— Ага, стоит, есть. Слушай, а оно не отвалится в полете?

— А ты держи его в руках. Чему я тебя учил?

— Дык когда это было-то?.. А, ладно, пускай.

— Лелуш, ты готов?

— Что? Я? А, одну минуту… — пробормотал я, передвигая

ползунок режима работы реактора.

— Реактор в режиме полного функционирования. Выработка электричества стабильна на 50 % мощности. Система охлаждения активирована.

Я щелкнул тумблером нейроинтерфейса.

— Внимание: нейроинтерфейс оператора подключен. Передать управление на оператора?

— Балансировку на автомат, а так оставь как есть.

— Принято.

— Аоки? Я готов.

— Понял тебя. Сейчас, подожди.

Пока Аоки молчал, я проверил оружие. Нож, тепловой меч, винтовка Гаусса, противотанковые ракеты, пулеметы на руках — все на месте и готово к стрельбе по первому же указанию.

Отлично.

— "Кросс Трайфорс", говорит мостик. Мы сейчас отправим вас на катапульту, будьте готовы, прием.

— Всегда готов, мостик, отбой.

— Вас поняли, отбой. Внимание техперсоналу: очистить помещение! — это уже заговорили громкоговорители в ангаре. — Повторяю: очистить помещение! "Кросс Трайфорс" и "Маджестик" движутся на катапульту; повторяю: "Кросс Трайфорс" и "Маджестик" движутся на катапульту!

Платформа, на которой стоял мой эш-ка, поехала вперед по проложенным в полу ангара рельсам, выехала на середину и двинулась вбок. В противоположном направлении ушла платформа с "Маджестиком" Кимэры.

Моя же платформа, тем временем, переместилась к ожидавшему меня подъемнику. Крепления, удерживавшие "Кросс Трайфорс", раскрылись, освобождая меня. Я сошел с платформы и переступил на подъемник, встав на уже ждущий блок катапульты, замкнувшийся вокруг ступней эш-ка.

Подъемник поехал вверх, и темные внутренности "Манты" резко сменились ярким солнечным небосклоном над гладью Аравийского моря. Рельсы катапульты сощелкнулись вместе, приготовившись к пуску разряда. Катапульт было две, по одной

на основание каждого из "плавников" воздушной баржи. Если обернуться влево, можно было увидеть торчащую из треугольного затылка "Маджестика" антенну.

— Напряжение на катапульту стабильно. — голографический индикатор готовности к старту справа от катапульты горел красным. — "Кросс Трайфорс", приготовьтесь к старту.

— К старту готов! — немедленно откликнулся я, слегка наклоняя машину вперед, как перед прыжком с трамплина. В правой руке "Кросс Трайфорс" сжимал винтовку Гаусса с подсоединенным к рукояти энергокабелем. Если вдруг понадобится использовать меч, придется его переподключать — весомый недостаток. Вон, у того Виндикатора пусть и пиломеч был, но зато с беспроводным питанием…

— Вас поняли. Готовность один. — индикатор сменил цвет на желтый. — Разряд через 10… 9… 8… 7… 6… 5…

— Система управления модулем воздушного развертывания синхронизирована и передана на управление бортового компьютера.

— 3… 2… 1!

По рельсам катапульты прокатился разряд, бросивший блок вперед и заставивший его набирать скорость с каждым пройденным метром, чтобы резко затормозить в конце и бросить стоящий на нем эш-ка вперед.

— "Кросс Трайфорс", капитан Вольфр-Икаруга, осуществляю воздушное развертывание! — успел выкрикнуть я, прежде чем повернуть педали вперед и включить двигатель модуля, подхвативший и понесший меня вперед. ИИ послушно держал высоту, меняя наклон элеронов на огромных крыльях модуля.

— "Маджестик", подполковник Аоки Кимэра, осуществляю воздушное развертывание. — гораздо спокойнее сообщил Аоки, срываясь с катапульты вслед за мной.

Оставляя за собой дымные следы, двое наших эш-ка прочертили небо, на огромной скорости приближаясь к побережью. У меня к горлу подступила тошнота, а кабина была наполнена скрипом и скрежетом: несущая конструкция сейчас подвергалась сильным перегрузкам, которые в кабине были гораздо легче из-за противоперегрузочных сеток, иначе я бы заблевал, наверное, всю приборную панель.

Следом за нами спорхнули с катапульт "Юстикатор",

сжимавший рельсотрон на манер ружъя, и как всегда увешанный холодным оружием "Вейл Дементиа". "Маджестик" Аоки сжимал в руке гироджет-карабин, а другую руку держал на эфесе меча — гигантской копии катаны в предохраняющих лезвие от затупления ножнах.

— "Маджестик" всем машинам. — провозгласил Аоки, когда до побережья нам было уже рукой подать. — Мы начинаем выполнение миссии!

Глава VI

Область Белуджистан, квадрант F045

— "Кросс Трайфорс" — вас понял! — вскрикнул я в подтверждении, и, не слушая остальные подтверждения, бросил машину резко вниз. Подо мною уже бежала земля, а вдали был ясно виден силуэт разведывательного "Импунити"-класса. Выпуклая голова, широкие округлые плечи, выпирающий вперед "киль" на груди — отличительные черты американской школы дизайна эш-ка. До него было рукой подать, а он уже разворачивался ко мне. Исподлобья сверкнули желтые глаза-камеры. На броне уже можно было и пометки различить, а вмятины от снарядов — тем более.

Я резко рванул вверх и выключил двигатели модуля воздушного развертывания, выпрямляясь и включая тормозные двигатели в ногах.

— Балансировку на оператора, отстрелить модуль.

— Выполнено. Модуль отстыкован. — ответил ИИ. "Кросс Трайфорс" лишился своих широченных крыльев, которые устремились обратно на баржу, повинуясь заложенным в бортовой компьютер программам и оставив меня падать вниз, к земле, корректируя падение двигателями.

Запищало упреждение. Я дернулся вбок, уходя от очереди из гироджет-карабина "Импунити" и одним движением вытянул из-за спинки сидения прицел. Повел стволом винтовки Гаусса в сторону, а затем чуть на себя, и поймал голову разведывательного эш-ка в прицел.

И спокойно спустил курок, увидев затем, как голова "Импунити"-класса разлетается на две части, а снаряд пробивает машину насквозь, чудом не зацепив реактор. По всему корпусу врага прокатилась волна небольших взрывов, мертвый эш-ка пошатнулся, и медленно завалился набок — отказали гироскопы, да и снаряд подсобил.

Я приземлился на землю, спалив выхлопом тормозного двигателя на ноге чью-то бронемашину по дороге; к счастью, на нее я не наступил, иначе бы подскользнулся. Отодвинув прочь прицел, я вскинул винтовку и поразил задравшую ствол САУ, так

неразумно взобравшуюся на самый верх отвесной скалы в километре от меня. На ее месте расцвел огненный цветок взрыва.

Итого, я только что убил как минимум пятерых людей.

Это прекрасно.

Прекрасно!

Над плечом пролетел снаряд рельсотрона, догоняемый собственно звуком своего пролета — "Юстикатор" выстрелил, находясь еще в воздухе, и сейчас плавно опускался на землю. На стволе рельсотрона мерцал голографический индикатор готовности к стрельбе. Снаряд, тем временем, ударил с разрушительной силой ядерной бомбы, обрушив ту самую скалу, на которой до недавнего времени горел остов САУ. По левому борту поднялся столб пыли — это приземлилась Сэа. Сверкнул один из мономолекулярных клинков, высвобожденный из ножен. Второй из трех наступавших эш-ка, — непонятно как попавший сюда китайский "Бай-ху"-класс, — подступил к "Вейл Дементиа" поближе и махнул своим оружием, огромным боевым топором, перед собой, принимая вызов.

— Я уничтожу командный пункт. — сообщил Аоки по рации. Его "Маджестик", очевидно, приземлился где-то далеко справа. — Продолжайте выполнение операции, я сейчас присоединюсь.

— Вас понял. — отрапортовал я, устраиваясь над раскопом. Посередине площадки виднелся проем, похоже, вход в какой-то склеп или еще что-то, но он меня мало волновал — умные археологи укрепили бы туннели хотя бы стальными балками, а там оно уже выдержит. Да и не провалюсь же я, в конце концов!

Тем временем воодушевленные нашим прибытием нео-персидские пехотные доспехи перегруппировались и построились клином, навострившим стволы рельсотронов. Мне такое построение, да и вообще понятие "построение" применительно к современной войне, показалось странным, но на деле пилоты доспехов оказались совсем не промах. Первые же снаряды вражеских танков заставили их пойти врассыпную: поднимая колесами-роликами на ногах столбы пыли, они оказались подле танков и объехали их. Пока танки пытались развернуть башни или корпуса, доспехи так же синхронно дали залп. Некоторые танки, если верить траекториям полета снарядов на мониторе, пробило насквозь.

Доспехи поехали дальше, а я вновь выдвинул прицел, и как нельзя вовремя: рядом со мной в землю врезался, едва не зацепив меня, реактивный снаряд здоровенного безоткатного ружья. Я стронулся с места, одновременно пытаясь поймать стрелявшего — еще один "американец", на этот раз "Ресайлент"-класс. Канонирский эш-ка с массивными наплечниками держал укрепленное на ложе в одном из них безоткатное ружье. Оператор "Ресайлента" и сам был не промах — он начал меня обходить, примеряясь для выстрела; само собой, я ему этого не дал, тоже пытаясь обойти его.

— Подсобить? — ожили наушники голосом Лейдзи.

— Ага, хрена с два!.. Его еще поймай поди… — раздраженно ответил я, продолжая маневры.

Второй хмыкнул, продолжая артобстрел. Хотя можно было сказать и "терраформинг в локальных масштабах" — помимо вражеской бронетехники снаряды рельсотрона разили еще и детали рельефа, стирая границы между возвышенностями и низинами и превращая динамическую карту местности в кашу.

Поймав, казалось бы, плечо "Ресайлента" в прицел, я нажал на гашетку, но безрезультатно: в последний момент враг отступил в сторону, а снаряд винтовки ударился в землю, подняв столб земли и пыли. Я прорычал что-то нечленораздельное, продолжая маневрировать и пытаться поймать врага в прицел. Завизжало упреждение, и "Кросс Трайфорс" потряс удар, пришедшийся по бронированной юбке. Равновесие я, находясь в середине шага, удержать не смог бы, даже если бы постарался, и мой эш-ка рухнул набок. Одна из пластин юбки, справа сбоку, приняла на себя весь удар выпущенных откуда-то ракет и теперь пришла в полнейшую негодность: я сбросил ее и начал подниматься на ноги.

Еще один удар, теперь по спине, заставил меня приостановить подъем; судя по мощности и характеру удара, это было безоткатное ружье.

Так дальше продолжаться не могло, и я, привстав, запустил прыжковые двигатели. По счастью, пришедшийся по спине удар их не зацепил. Приглушенный корпусом эш-ка, позади раздался грохот, а затем — рев выходящего из сопел раскаленного воздуха. "Кросс Трайфорс" резко рванул вперед и вверх, а меня вжало в

сидение. Помогая руками, я развернул эш-ка спиной вперед, выключил прыжковые и включил тормозные двигатели: опускаясь, я сумел лицезреть обидчика — разведчика с высокими наплечниками-ракетными пусковыми установками; похоже, русский "Ржев"-класс. Он уже разворачивался ко мне. "Ресайлент" был прямо позади него; этого-то мне и требовалось. Квадратик системы наведения на мониторе, следуя за положением нейрошлема, нарочито медленно устроился поверх "Ресайлента". Система довольно пикнула, а квадратик загорелся красным — цель захвачена.

Одним движением пальца я откинул крышку предохранителя на левой рукояти и этим же пальцем нажал на кнопку выпуска ракет. Опять раздался грохот, на этот раз слева. Монитор протянул за вырвавшимися с пилонов на левом плече ракетами тонкие нити траекторий, закончившиеся как раз на "Ресайленте". Рой ракет, — по недосмотру, всех, находившихся на левом плече, — ударил машину в грудь и в плечо, искорежив и уничтожив при этом безоткатное ружье.

"Ресайлент"-класс поглотил взрыв сдетонировавших боеприпасов и он, прихрамывая и оставляя за собой черный дымный шлейф, начал отступать. Правой руки у него не было, как и всей брони по правому борту. Рама несущей конструкции, на которую крепилась броня, торчала наружу, напоминая оголенные ребра. Пластины юбки тоже сорвало, а вместе с ними и броню ног, и теперь наружу торчал сам сервомотор бедренного сустава, окруженный темно-розоватыми искусственными мышцами.

Увидев, как хромает прочь его напарник, "Ржев" тоже начал пятиться прочь, поднимая свою винтовку Гаусса, но поспешно отпрыгнул, помогая себе прыжковыми двигателями, в сторону — рядом с ним врезался в землю снаряд рельсотрона. Оставив все попытки прицелиться в меня, он попытался отступить, перескочив на одну из чудом уцелевших скал, но тщетно — второй выстрел Лейдзи пришелся как раз в нижнюю часть туловища. Разведчик покачнулся, а затем казавшийся крошечным бронированный люк на груди вылетел в воздух, а за ним в небо метнулась крошечная стрела кресла-катапульты; торс "Ржев"-класса, лишенный поддерживавшего его хребта, обрушился на оставшиеся стоять ноги и рухнул оземь. Глаз-камера безжизненно погас еще тогда, когда оператор покинул машину.

Скала так и осталась стоять — Лейдзи почему-то решил ее не трогать, переключившись на поспешно разворачивавшиеся танки.

На них-то все правила честного боя не действовали — мордой не вышли-с.

Погодите, какие правила?

Я совместил прицел со спиной ухрамывающего прочь "Ресайлента", вскинул винтовку, предоставив ИИ скорректировать ее положение, и спустил курок. Снаряд врезался однорукому эш-ка в спину, заставив его нелепо взмахнуть один раз рукой и рухнуть оземь — попадание сбило гироскопы и, судя по показаниям тепловизора, заглушило реактор.

— Эк ты его! — одобрительно выкрикнул Второй по рации. Он опустил ствол рельсотрона, удовлетворенный проделанной работой. Чуть позади что-то взорвалось. Я обернулся — как оказалось, это был всего-то один из мечей Сэа, застрявший между грудью и плечом ее противника. Рука "Бай-ху", доселе сжимавшая топор, была смешно задрана вверх, а сам топор вывалился из растопыренных пальцев.

— Аоки?

— Да, Сэа? — вопросил появившийся словно из неоткуда Кимэра; одного противовеса недоставало, как и куска наплечника, в правой руке была зажата катана, на узорчатом лезвии[30] которой играло солнце, да и в целом "Маджестик" был какой-то помятый да избитый — грудь была прямо-таки усеяна вмятинами, равно как и пластины юбки, голени, наплечники и даже лицевой щиток(глаза, что характерно, были закрыты черным защитным экраном).

"Вейл Дементиа" рывком высвободил меч, давая врагу понять, что его здесь никто уже не держит, и развернулся к "Маджестику".

— Я тебя НЕ-НА-ВИ-ЖУ!! — завопила Темпести так, что в наушниках затрещало и зашипело, и бросилась вперед, на Аоки, занеся клинок для удара. Тот, пожав плечами, отступил вбок и подставил ей подножку.

Сбить эш-ка с ног на бегу — проще простого, и споткнувшийся "Вейл Дементиа", подняв тучу пыли, нелепо брякнулся оземь.

— Ты!..

— Я, что я? Вставай, Темпести. Кто-то приближается. — сообщил Кимэра.

— Кто? Где? Да я ему… — что именно она ему, Сэа так и не сказала, так как этот "кто-то" показался уже и не только на радарах.

Темно-синяя броня, массивные шипастые плечи, выпуклая матово-черная грудь с идущей по ней белой надписью, высокий шлем на голове. Я дал приближение — да, я не ошибся.

— Что… Что он делает здесь?.. — недоуменно пробормотал я.
— Кто? Что не так-то, бро?
— Он. — "Кросс Трайфорс" вытянул руку в направлении перешедшего на шаг плечистого эш-ка. — "Нордлюфтцуг".

***

Тем временем, почти в километре от раскопа, в небольшой низменности устроились, закрытые маскировочными сетками, три других эш-ка. Отвесный склон высотою с пятиэтажный дом был превращен в огромный бруствер, в котором руками эш-ка был проделан желоб, на котором лежал приведенный в полную боевую готовность рельсотрон, напоминавший древнее осадное орудие — баллисту. За вполне современной пистолетной рукоятью "рельсбаллисты" устроился белый "Смоленск"-класс. Единственный глаз-камера машины не горел, а люк, скрытый за краем напоминавшего кирасу нагрудника, был открыт. В спину белой машины, на ободе наплечника которой красовалось ее имя, — "Айвори Тауэр", — уходил толстый сверхпроводящий кабель от работающего передвижного термоядерного реактора, стоявшего чуть поодаль. Около реактора в как можно более небрежных позах сидели опиравшийся на пиломеч "Мертвая Голова" и "Ворпал Блейд" — четвертый из эш-ка "Миллениума". Конечно, четыре эш-ка, включая "Нордлюфтцуг", не составляли всего парка "Миллениума", который содержал семь машин и чудовищно от этого страдал: почти вся прибыль самоназванной "опергруппы" уходила на техобслуживание, транспортировку и применение штурмовых комплексов.

"Ворпал Блейд" вместо краски был покрыт отражающим противолазерным покрытием, делавшим его броню похожей на зеркало, отблескивавшее на солнце. Из-за этого шлем машины, скрывавший под собою мощный комплекс радиолокационного обнаружения, был задрапирован брезентом вместо обычной

маскировочной сетки. Как и сетка, брезент отражал инфракрасное, микроволновое и рентгеновское излучение, а вдобавок мимикрировал под окружающую среду.

— Инграм! — донесся женский голос из открытой кабины "Ворпал Блейда". — Подтверждай уже соединение-то!

Церемониальная шариковая ручка "Монблан", самое место которой было бы на рабочем месте некоего абстрактного высокопоставленного начальственного лица, шлепнулась на землю около шезлонга, в котором развалился Сигиллайт Инграм Виндикатор. Над ним был раскинут цветастый пляжный зонт с солнечными батареями и мерцающей голографической консолью, к которой сам Виндикатор даже не прикасался. Секундой раньше оператор "Мертвой Головы" сидел развалясь в шезлонге, одной рукой подбрасывая вверх и ловя кончиками пальцев ту самую шариковую ручку, которая наверняка стоила не один десяток тысяч евро. Несмотря на свой наряд — длинное ковбойское пальто — дастер, надетый под него сплошной комбинезон, длинные, выше локтя, сенсорные перчатки и высокие сапоги, жарой он особенно не мучился, скорее наоборот. Одесную от Инграма стоял распахнутый переносной холодильник, в котором ожидали своего часа пивные банки, таким образом придавая их хозяину поразительное сходство с отдыхающим на пляже модником-абсурдистом. Разве что до пляжа тут было несколько километров.

— Я слушаю, дружище Грейс. — ответил он, с сожалением вздыхая и снимая с крючка на зонте ВР-очки. — Одну секундочку, погоди…

— Поспеши, иначе пропустишь все веселье. — Грейс Ванкувер, оператор "Ворпал Блейда", наконец высунулась из проема люка. Ее собственные ВР-очки были сдвинуты на лоб. — Я ради тебя тут старалась с наводкой дрона, так что смотри мне тут!..

— Хорошо, хорошо… — виновато пробормотал Виндикатор, надвигая очки и нажимая на высветившееся перед ним окно приема передачи. — Я только не уверен, веселье ли это на самом деле.

— Чем бы дитя не тешилось, дорогой. Время у нас еще есть. За беготню с высунутым языком в поисках этого парня, ну, Чхонли который, снобье из Ватикана нам не платило, вот пускай сами и… Все, вот оно!

Синяя пустота в очках сложилась в линию, ужавшуюся до размеров точки, а затем перед Виндикатором раскинулась панорама раскопок, как ее видели камеры разведывательного БПЛА, выписывавшего круги над ней. Четыре эш-ка "Синамуры" были тут как тут — ИИ дрона сразу пометил их в соответствии с их позывными и опознавательными метками: "Кросс Трайфорс", "Юстикатор", "Маджестик" и "Вейл Дементиа". Какая-то определенная последовательность в этих названиях все-таки была. Синяя громада "Нордлюфтцуга" Хильды высилась прямо напротив стоящего в угрожающей позе "Кросс Трайфорса", в руке которого был давнешний тепловой меч. Гауссовка, основное оружие машины, лежала чуть позади на земле.

— Вот! Начинается! — прошелестел в наушниках очков голос Грейс. — Сейчас, включу микрофон только…

"Кросс Трайфорс" сделал шаг вперед, и тут же зазвучал сильно искаженный голос, шедший очевидно из динамиков громкой связи машины:

— Великолепно. И откуда же ты здесь взялась, Хильда Дорнье?

— Еще великолепнее. — в тон оператору "Кросс Трайфорса" ответила Хильда. — И откуда же вы здесь взялись и что здесь забыли? Вы, Вольфр-Икаруга, и ваша компашка.

— У нас контракт с Нео-Персией. — вступил в разговор четвертый эш-ка, "Маджестик", шагнув вперед. — Мы понятия не имели, что вновь встретимся с "Миллениумом", так что…

— Обожди. — "Кросс Трайфорс" протянул в сторону руку, преграждая "Маджестику" путь. — В общем, вкратце: разворачивайся, мисс Дорнье, и крути педали отсюда. Мне настолько претит смотреть на твой эш-ка, да и вообще на тебя, что руки на штурвале чешутся.

— Безумно за вас рада, Вольфр-Икаруга.

— Обожди, кому сказал. Я не закончил. А знаешь почему? Потому что, дамы и господа, наша Хильда Дорнье преследовала меня, потом попыталась зарезать, а потом и вовсе уничтожить вместе с моим эш-ка. Где справедливость, а?

— Вы нанесли мне поражение и сами предложили сдаться…

— И потом сильно пожалел об этом.

— Обождите, я не закончила. — на этом месте в наушниках раздался смешок Грейс, да и Виндикатор не сдержал улыбки. — Где ваши доказательства, что я собиралась уничтожить ваш эш-ка?

— Бортовой самописец — вот мои доказательства. Может, в вашем "Миллениуме" его чистят после каждого выхода, но у нас — нет. Ты намеренно метила в кабину моего эш-ка. Если бы прошел хоть один удар эстоком — все, меня бы уже не было, так сказать, среди живых. А дальше удар мог пройти и через реактор. Или задеть боеприпасы. Или… да все, что угодно: способов уничтожить эш-ка великое множество.

— Если у вас началась истерика — это не мои проблемы, Вольфр-Икаруга. Ваш эш-ка я не собиралась уничтожать. "Штурмовой комплекс считается уничтоженным, если более 65 % его структуры не подлежат восстановлению", разве нет? А оружия у меня в достаточном обьеме не было для уничтожения вашей машины, разве что если бы я зацепила ракетные боеприпасы, которых тогда не было, или реактор, как вы и сказали, опустив впрочем то обстоятельство, что взрыв реактора последует только при определенных условиях, которые могли и не случиться. Да в общем, кого вы пытаетесь запутать? Мы все тут — "Нордлюфтцуг" обвел всех присутствующих рукой, — квалифицированные операторы эш-ка, знающие, как работают их машины и к чему приводят какие их повреждения.

— Отзываю претензию. Но факт остается фактом: ты пыталась меня убить.

— Мы с вами солдаты. Наемники, больше того. Для нас вполне естественно пытаться убить друг друга, если наша работа разведет нас по разные стороны баррикад.

— Как сейчас, верно?

— Нет, и я не собираюсь скрещивать с вами мечи ради удовлетворения вашего эго, Вольфр-Икаруга. Я ухожу, и я ухожу сейчас. — "Нордлюфтцуг" отступил назад, а затем приспокойно развернулся спиной и неторопливо пошел назад.

— Ану стой! Куда это ты собралась?! — "Кросс Трайфорс" пошел было вперед, но ему преградил путь "Маджестик":

— Отставить!

— Но..!

— Говно, твою налево! Я сказал: "отставить"! Мы не будем ввязываться в конфликт с "Миллениумом"! Ты это понял? Понял?!

БПЛА сделал еще один круг над замолчавшими синамуровцами, и Виндикатор снял очки.

— Ужас один. — произнес он.

— Ну что, понравился тебе твой Вольфр-Икаруга? — насмешливо спросила Грейс, спускаясь из кабины "Ворпал Блейда".

— Вот в том-то и дело, что нет. Чем ему так Хильда насолила, отчего он так это происшествие раздувает — не пойму…

— Но ты же приказывал ей предупредить его и помешать ему препятствовать нашим похождениям на Подножии, все-таки. И не исключено, что это была провокация.

— На провокацию как раз это все больше всего похоже… — задумчиво протянул Виндикатор, откидываясь в шезлонге и сложив руки за головой. Грейс подошла к нему, подняла с земли оброненный и забытый хозяином "Монблан" и протянула ему.

Инграм с готовностью цапнул пальцами подношение, и Грейс, благодушно улыбнувшись, склонилась и поцеловала его в щеку.

— Сниматься с лагеря, как-то, не хочется… — пробормотал тот. — А Хильда сейчас вернется. Так что во избежание, надо принять меры предосторожности. Грейс, подай, пожалуйста, гарнитуру.

Она вытащила из кармана бриджей и протянула ему крошечную бусинку гарнитуры, которую Виндикатор аккуратно вложил в ухо, вытянув предварительно нитку микрофона.

— Раз-раз-раз… Дональд, меня слышно?

— Превосходно слышно, гражданин начальник. — откликнулся сидевший сейчас в кабине "Айвори Тауэра" Дональд Мбабе.

— Отлично. Обеспечь, пожалуйста, постановку помех.

— Слушаюсь. — лаконично ответил Мбабе и прервал связь.

Люк "Айвори Тауэра" захлопнулся, а от машины дыхнуло раскаленным воздухом, когда с новой силой зажглась термоядерная реакция внутри ее силовой установки. С характерным "зомммм" загорелся глаз-камера, стрельнувший туда-сюда по сторонам, а эш-ка словно встряхнулся, приподняв рельсбаллисту.

А затем, сопроводив процесс нарастающим гудением и треском разрядов, рельсбаллиста выстрелила; "лук" распрямился, превратившись в дополнительные рельсы, по которым вольфрамовый снаряд-генератор помех закончил разгон до гиперзвуковой скорости и рванулся в небо. Звук снаряда безнадежно отстал от него самого. Голографическая консоль мигнула от перепада напряжения, но осталась включенной.

Над раскопом снаряд разорвался, заполнив экраны радаров помехами. Постановка помех распространилась также на лидар и тепловой спектр, приведя все системы обнаружения, установленные на эш-ка "Синамуры", во временную негодность. Просто в качестве меры предосторожности.

Рельсбаллиста же, как ни в чем не бывало, вернулась в предыдущее положение. Реакция в глубине электролитической ячейки "Айвори Тауэра", потенциально способная питать звезды, была прекращена; прекратился и поток горячего воздуха из радиаторов. Одинокий глаз-камера, сам по себе узнаваемый всюду культурный символ[31], погас, и жизнь словно бы утекла прочь из белого эш-ка.

***

Воздушное пространство Белуджистана, борт воздушной баржи SSF "Манта"

— …Бить тебя все равно без толку, да и рискую сам получить, — задумчиво протянул Аоки, — так что я этого делать не стану. Ограничусь устным внушением.

— Мог бы и ударить, все равно же. — бросил я в ответ. — Я и так знаю, что ты скажешь. Короче, я все знаю, я поступал необдуманно и пошел на поводу у своих сиюминутных желаний. Конкретно моим сиюминутным желанием было раскурочить долбаный в рот "Нордлюфтцуг" к известно какой матери. Выразился бы крепче, но при дамах не выражаются.

— Во-во. Кимэра, не трожь его. — вяло вступилась за меня Сэа. — Пусть делает, что хочет, его проблемы.

— Во-первых, Темпести, не говори за него. — огрызнулся тот. — А во-вторых, своим поведением Лелуш дискредитирует нас, то есть "Синамуру Парамилитарис". Я не считаю такое поведение допустимым. Кто бы ни была эта Хильда, она в точку попала: если у тебя случилась истерика, это сугубо твои проблемы, вот и держи их при себе.

— А что мне до той "Синамуры"? Да хер я на нее ложил. Кимэра, ты своих детей учить будешь, а не меня. Если у тебя они будут, конечно, самурай сраный.

— Еще раз: свои проблемы держи при себе. Чего не ясно?

— Да я уже и так держу, сколько себя помню. — выплюнул я. — А то, будто бы они были кому-то интересны. Хорошо

Второму, ему на все класть с пробором, а мне что?

— Жри эмоциоподавители. — ядовито бросил Аоки. — А что еще остается? Ныть о том, как херово жить — бесполезно, вот и жуй. Привыкание конечно вызовет, и ты потихоньку окончательно превратишься в тупого бесправного раба "Синамуры", которым ты и сейчас себя считаешь.

— Невелика честь быть рабом в золотом ошейнике. А что, скажешь, не так? Я не знаю, как вы, япошки, мыслите, раз уж вы всю жизнь готовы на дядю вкалывать и попку ему подставлять по первому требованию, но мои мозги так не работают. Мне на начальственном поводке сидеть zapadlo, как говорят русские.

— А ты и-

— Обожди, я не закончил! Я не могу просто-напросто разорвать контракт, и не надо заводить разговоры о западном менталитете. Который от вашего уже не отличается после интенсивного культурного обмена; проиграли вы ту войну, а как же… Без кишок я что, далеко куда-то уйду? И большого выбора тут нету: либо опять же на поводке жить, либо без кишок оставаться. Что прикажешь делать?

— Не истерить! — рявкнул Кимэра и тут же более спокойным тоном продолжил: — Ты меня удивляешь бесконечно. Вбил себе в голову не пойми что, и ни в какую теперь!.. Ты с Синдзи на эту тему говорил? Нет? То-то же; а ведь поговори ты с ним серьезно, выход бы нашелся. Тебе бы поменяли твои ненаглядные модифицированные кишочки-почечки, и ты был бы свободен, аки сопля в полете. Или же сцепи зубы и вкалывай, авось выкупишь свои внутренности, и делов-то.

— Только они мне тогда уже не нужны будут. Кимэра, я все понимаю: тебе положено по рангу хозяйскую честь выгораживать, но думать, что все будет настолько просто и дружелюбно, как минимум наивно.

— Если я не ошибаюсь, Синдзи — ваш с Лейдзи приемный брат. Так что я ничего не понял, причем тут наивность… Короче! С тобой препираться — себе дороже. Думай, как хочешь, а меня этим не грузи. — он было развернулся, чтобы уйти прочь, но остановился и добавил: — Ах да, чуть не забыл: ты отстранен от боевых операций до тех пор, пока мы не решим, что с тобой делать…

Лейдзи, до этого созерцавший нашу перебранку с задумчивым лицом, поднял руку вверх.

— Чего тебе? — рыкнул на него Аоки, оборачиваясь ко Второму. Последний пожал плечами и заговорил:

— Пацаны, брейк. Не надо никого ни от чего отстранять. Ругаетесь-ругаетесь, а о самом главном не подумали даже.

Он выдержал паузу и продолжил:

— Суть такова. То, что к нам пришла эта Хильда Фоккер или как ее там… Дорнье, нет? А, точно. Ну хорошо, дело не в этом. Это неспроста все. Так вот: в общем, имела место взаимная провокация и вообще недоразумение, и на этой почве мы можем пойти с "Миллениумом" на контакт. Дескать, простите великодушно, мы с найлучшими пожеланиями-то и все такое. А информация о том, что именно они делали на Подножии, на дороге не валяется; ну а при должных безумных умениях с нашей стороны мы ее добудем. А Лелуша и Хильду эту выведем за угол, пусть там свои отношения выясняют. Вот и всех делов-то!

— Твои гарантии, что нас не пошлют подальше? — недоверчиво, но уже гораздо спокойнее, поинтересовался Кимэра.

— Я же и говорю! Они сами контакта хотят, так сказать. Посла просто выбрали плохого, раз он промолчать неспособен; ну чего тут сказать, первый блин комом выходит. Так что, если даже мы и сцепимся, то ради бога, потом все равно помиримся. А не знаю как вам, но мне это и нужно, так как информация на дороге не валяется. Ну я это уже говорил.

— Второй, пошел нахер со своей теорией заговора.

— Какая теория, ты о чем? Бро, ты подумай: сам же получишь возможность сделать из своей новой подружки отбивную. Кимэра-доно тоже только выигрывает, так как в результате сможет утрясти ситуацию, и имидж "Синамуры" останется незапятнанным. А я ему помогу в процессе. Вот для Сэа не знаю, в чем выгода, правда…

— А Вольфр-Икаругу кто будет откачивать, если вдруг? Вы двое, что ли? — удивилась та. — Нетушки, а я тут на что?

— Троян тебя разберет, на что, честно говорю. Но я думаю, что план хороший, нет?

— Отличный. Теперь надо, чтобы с ним согласилась другая сторона. А ее еще надо найти.

— Ну, это я переложу на тебя, Аоки, ты у нас счастливый оператор радиоэлектронного эш-ка. И уломать на помощь в осуществлении плана Сиэля — твоя забота. В общем, цели ясны, задачи определены: за работу, tovarischi!

Уже в который раз я прибегаю к фразе "повисло молчание". В этот раз оно шаталось недолго, прежде чем окончательно рухнуть.

— А отчего это ты по-русски говорить пытаешься, а, Второй? — вкрадчиво поинтересовалась Сэа.

— Пытаюсь и пытаюсь. Может мне нравится. И вообще, хочу Москву посмотреть!

— Хрен ли ты там не видел? Город как город.

— Так там же эти их высотки в стиле ампира какого-то. Говорят, русские тратят на их постройку годы! Вся эта лепнина, скульптуры на фасадах, все дела, это вам не кондоминиумы бацать из подручных материалов!

— Картина карандашом: Лейдзи Вольфр-Икаруга, великий ценитель архитектуры с идеальным вкусом!

— Ну, у меня же должен хоть какой-то вкус быть! — ощерился Лейдзи, выставив перед собой ладони. — В общем так, дорогуши, а чего вы тут еще делаете? Аоки, ноги в руки и шуруй, организационные вопросы я не просто так в твоем ведении оставил. А не, я пойду с тобой, проконтролировать-то надо…

Кимэра пожал плечами. Они действительно ушли сразу же — заниматься организационными вопросами, оставив нас с Темпести одних. Без умысла, само собою.

Тем не менее, я свалил сам, и было здорово похоже, что мне было все-таки стыдно.

Забредя в какой-то дальний угол второй палубы "Манты", я уткнулся лбом в когда-то снежно-белую стену, давно пожелтевшую от старости и запустения, пропитавшего здесь каждый миллиметр стен, потолка и пола.

Дальше так продолжаться не может. Нытьем ничего не добьешься. И так далее. И будущее мне никто не подарит, кроме меня самого.

Но сначала — "Нордлюфтцуг". Идея Второго, хотя я до сих пор искренне полагал его помешанным на всей этой фигне с КЭГ, мне неожиданно пришлась по вкусу. В конце концов, Хильда Дорнье пыталась убить меня. А я слишком ценю свою жизнь. Наверное, и до этого я ценил ее для того момента, когда возьмусь за ум. Ничего, что такая мысль только что пришла мне в голову, зато она выглядела красиво.

Кхм. Подытожим.

"Нордлюфтцуг". Я уничтожу его.

Не "одержу победу", не "выведу из строя", а именно "уничтожу". До основания, чтобы восстановлению не подлежали все 100 %.

Так говорят напрочь одинаковые герои в детских мультфильмах, но ничего, тоже сойдет.

— Я уничтожу его. — прошептал я. — Во что бы то не стало!

***

Область Белуджистан, временная стоянка оперативников "Миллениума"

— Мы приходим к выводу, что вы не оправдываете доверия, Виндикатор. Вы и ваша доморощенная опергруппа. — прогремел голос из динамиков возвышавшегося над стоянкой бело-фиолетового эш-ка. Желтые глаза машины гневно пылали из-под скрывавшего голову шлема-капюшона. Из исполинских кадил, подвешенных на плечах, поднимались прямо-таки клубы дыма, наполнявшие все еще жаркий вечерний воздух вонью ладана. Тихо ревел синий язык пламени на конце длинного ствола огнемета, который эш-ка держал в руке; другая рука лежала на яблоке рукояти увесистой булавы. Вдобавок за головой эш-ка был смонтирован светящийся полукруг нимба, а из-за спины торчали сложенные вверх крылья модуля воздушного развертывания.

Фиолетовые пластины на наплечниках украшали два белых латинских креста, по одному на каждый наплечник, а на нагруднике была нанесена надпись: "ISRAFEL".

— Нижайше прошу прощения. — произнес Инграм, твердо зная, что сидящий внутри оператор его услышит благодаря мощным направленным микрофонам, которые и звук полета комара бы расслышали.

— Нам не нужны ваши извинения. — загремел в ответ "Израфель". — Эта мерзость, Чхонли, сейчас в Тегеране. Отправляйтесь туда и вытащите его на свет Божий. Неужели это настолько сложно?

— Не в нашей компетенции было его искать. Мы — солдаты, а не ищейки.

— Вы бы облегчили нам работу и избавили себя от угрызений совести. — безаппеляционно заявил оператор эш-ка. — Но уже ничего не поделаешь. У вас есть ваше задание, Виндикатор. Выполняйте его.

— В таком случае, у меня есть вопрос на его счет.

Динамики "Израфеля" издали похожий на грохот небольшого камнепада звук, который Виндикатор интерпретировал как хмыканье, сильно искаженное мощностью динамиков машины.

— Спрашивайте. Я отвечу.

— Чего такого важного в этом задании?

— Важного? — эш-ка не изменил своей позы, но по продолжительной паузе было ясно, что его оператор крепко призадумался. — Многое. "Кидо Эревейта Груп" хотела уничтожить то, что мы охраняем. Вы слышали про Святой Грааль, Виндикатор?

— Вам в какой интерпретации? Библейской или конспирологической? Про то, во что там верят какие сектанты, я понятия не имею.

— Разумеется, только в библейской. Но предположим, что слышали. Что ж: мы, Крестоносцы Святого Престола, охраняем… ну, то, что для удобства можно назвать Граалем. Мы и сами не понимаем, что это такое. И не понимаем, как оно перешло дорогу КЭГ, и почему Вань Чхонли хотел его уничтожить и сейчас пытается сделать это. Но мы обязаны его остановить. А вы в этом нам помогаете. Это большая честь, Виндикатор.

— Я не сомневаюсь. А теперь, сир, последний вопрос: а почему вы все это так легко мне сообщили?

"Израфель" рассмеялся искаженным динамиками смехом:

— Сами посудите, Виндикатор: а поверит ли вам кто-то, если вы это расскажете?

Ответ Инграма потонул в грохоте двигателей эш-ка, оторвавших его от земли и поднявших ввысь. Где-то на высоте уже крылья модуля разложились, и "Израфель" начал стремительно удаляться, пока не пропал не только из поля зрения, но и с радаров.

— Он меня так и не дослушал. — хмыкнул Виндикатор, оттряхивая рукав от поднявшейся при взлете машины пыли. — А ведь я думаю, что поверят. Найдутся, в общем, те, кто поверит.

— "Синамура"? — тихо спросила стоявшая чуть позади Хильда Дорнье.

— Она самая. Я больше чем уверен, что твоя… уже вчерашняя вылазка разожгла их любопытство. Нам остается только дать себя найти.

— А Ватикан с их заданием подождет, верно?

— Верно. Решим все уже сообща. Я надеюсь. — Инграм развернулся на каблуках и пошел в сторону закопавшейся в землю самораскладывающейся палатки — точнее, одной из трех, стоявших здесь. — Мы выступаем завтра поутру. Передислоцируемся в другую точку. Торчать на одном месте — это как-то слишком облегчает нашим собратьям по цеху наши поиски, верно?

Хильда едва заметно кивнула и стронулась с места, тихо направившись в сторону одной из палаток. Инграм пожал плечами, но дальше не пошел, так и застыв на одном месте. Из кармана он выудил "Монблан" и повертел ручку в пальцах.

— Грааль, говорите? Сами не понимаете, что это? Это интересно, весьма и весьма интересно!.. — тихо пробормотал он себе под нос. — "Миллениум", может быть, и временная мера, но вполне послужившая своей цели, похоже!..

Он в последний раз подбросил вверх и поймал ручку, положив ее обратно в карман дастера, и прошел к палатке. Часть полога на входе сама отодвинулась от одного касания, и он, наклонившись, спустился внутрь.

— Вот и все. — сообщил он. — Он улетел.

— Я слышала. — пожала плечами Грейс, не отрываясь от своего занятия: она сидела на полу, скрестив ноги, а пальцы ее рук бегали по воздуху, оперируя раскинувшимся перед ее закрытыми сейчас глазами виртуальным интерфейсом. По всем признакам, она сейчас была в Сети — не полностью, само собой, но глаза для удобства отображения закрыла. — Причем хорошо слышала. Извини, дорогой, но я забыла у тебя на воротнике жучок.

Виндикатор поспешно обтрусил воротник дастера. Грейс хихикнула и открыла глаза.

— Довольно занимательно, — продолжила она, — хотя и неправдоподобно. Вот синамуровцам эту информацию подкинуть

— да, милое дело. Тут я с тобой полностью согласна. Кстати, "Анубис-Хед" напал на след Чхонли.

— Конкуренты, однако. — Инграм расстегнул верхнюю пару пуговиц, слегка надавив на них, чтобы те послушно отскочили, и продолжил расстегиваться. — Теперь еще придется стараться, чтобы вдруг им на глаза не попасться, если мы двинем в Тегеран действительно…

— Сначала с "Синамурой" устаканим дело, а дальше подумаем. У них-то никаких проблем с "анубисами" нету.

— Ради бога. Как пожелаешь.

Грейс наклонилась назад, окончательно шлепнувшись на пол. Ее синие глаза смерили Инграма, вылазившего из верхней одежды, мечтательным взглядом.

— Тебе напоминать об очевидном, а, Инграм?

— Нет-с, спасибо. — тот извлек из кобуры на бедре здоровенный серебристый револьвер и аккуратно переложил его на примостившуюся в углу бархатную подставку. — Ведь оно, все-таки, очевидное, разве нет?

Глава VII

Свободный город Тегеран, оккупационная зона ООН

"Птолемей I", тормозя свое падение двигателями на распахнутых за спиною крыльях, приземлился на расчищенную тегеранскую улицу, по инерции сделал несколько шагов вперед и восстановил равновесие, помогая себе руками. Следом за ним точно так же спорхнули два других "Птолемея", машины II и III.

Эш-ка прошествовали вперед, к застывшей посередине улицы командной машине в белой расцветке миротворцев ООН, и с грохотом гигантских подошв об битум вытянулись по стойке "смирно". Люк "Птолемея I" откинулся вверх, и из него появилась полковник Люция Лэндлайт. Ее голову скрывал нейрошлем, стекло которого было опущено и затенено, а сама полковник же была облачена в удобную(и уж точно не угрожающую зацепиться за что-либо в кабине) униформу пилота женского фасона.

Встречавший "делегацию" "Анубис-Хеда" капитан миротворцев — а точнее, полка Вайомингских Ужасов[32] — был немедля смерен надменным взглядом полковника и поспешно встал "смирно", поднеся руку в перчатке силовой брони к виску. Капитан тоже был во всеоружии, как и его свита, выстроившаяся подле командной машины — поблескивающая искусственными мышцами силовая броня была скрыта под длинными черными плащами, а лица были скрыты шлемами-масками. Респираторы шлемов были отстегнуты и сдвинуты вбок. Каждый из Ужасов держал "на груди" карабин, а у двоих солдат были поднятые вверх и отставленные чуть в сторону огнеметы.

— Капитан Этцель, если я не ошибаюсь? — спросила Люция, обведя выстроившихся Ужасов еще одним взглядом из-под стекла шлема. Ее голос раздавался из динамиков эш-ка, приглушенными настолько, чтобы не оглушить ее саму.

— Так точно, полковник Лэндлайт. — ответил капитан; его голос усиливал встроенный в шлем динамик. — Капитан Гвидо Гордон Этцель, третий батальон полка Вайомингских Ужасов, Сухопутные войска миротворческих сил ООН. Я и мои солдаты в вашем распоряжении.

— Превосходно. Какие еще силы расквартированы в городе?

— Пятый батальон Сороковой моторизированной бригады армии Великобритании, восьмой батальон Тринадцатой моторизированной дивизии армии США, батальон инженерных войск Двадцатой танковой бригады рейхсвера, Пятый отдельный бронекавалерийский полк рейхсвера и вторая эскадрилья Сорок четвертого вертолетного авиаполка ВВС Белоруссии. — отчитался Этцель: текст он считывал прямо с экрана своего шлема. — Все эти подразделения, за исключением авиаполка, расквартированы в окупационной зоне ООН и в данный момент находятся на боевом дежурстве.

— Противоборствующие стороны, расположенные здесь, активности не проявляли?

— Не по отношению друг к другу, но ваше прибытие их здорово напугало. Они все в полной боевой готовности. Полковник! — капитан шагнул вперед на один шаг из строя и застыл "смирно", глядя шестью обьективами шлема вверх, на стоявшую на груди "Птолемея I" Люцию. — От имени Вайомингских Ужасов осмеливаюсь просить вас дать нам цель! Мы все, как один — взведенная пружина; направьте нас и спустите с цепи! Кто бы не пытался от нас скрыться, даже в этом разделенном городе, мы найдем его и бросим к вашим ногам! Нам нужен только приказ — ваш приказ, полковник!..

— Отставить! — грозно скомандовала Лэндлайт, заставив капитана Ужасов запнуться посередине его тирады, а затем продолжила уже спокойным тоном: — Вы получите ваш приказ, капитан Этцель.

— Позвольте вас отблагодарить!..

— Отставить! Благодарности подождут. И приказ подождет до прояснения ситуации. Вы свободны.

— Есть! — отсалютовал капитан и принялся уже по внутренней связи раздавать команды подчиненным. Люция слезла обратно в кабину, подальше от слепящего даже через затененное стекло солнца и потоков раскаленного воздуха, гуляющих вокруг груди эш-ка. Она осторожно спустилась на ложемент, затем спустила ноги вниз, на педали, и пристегнулась к сидению, а затем закрыла люк и щелкнула переключателем "нейроинтерф. вкл".

— Добро пожаловать обратно на борт, полковник Лэндлайт. — сухо поприветствовал ее ИИ.

— Не болтай давай, а запроси здешний ИИ о месте стоянки. — буркнула она. — И переключи частоту на частоту "Птолемея III". Управление на автомат.

— Будет исполнено. Канал открыт.

— Спасибо. Линдсей?

— Здесь.

— Как тебе третья машина?

— Плавно и мягко, просто чудо. Крылья немного затрудняют перемещение, правда. Ты же знаешь, Люция, эш-ка — это не мое.

— Ну, извини, но я не могла тебя не взять. Кандидат в пилоты-то отказался с нами сотрудничать, а других подходящих не найти, как ни странно.

— Ну, судьба сама подводит нас к…

— Подводит? Не смеши. "Синамура" сейчас неизвестно где и неизвестно в каком составе. Нам хватит того, что мы гоняемся за Чхонли!.. — Люция осеклась и тяжело вздохнула. — Как же тяжело искать одного-единственного человека, когда в твоем распоряжении два десятка с лишним гигантских роботов!

— К сожалению.

— Мне не нужно твое сочувствие.

— Опять же к сожалению, тебе нужно только мое и ничье больше. — констатировал, наверняка улыбаясь, Линдсей. — И ведь ты об этом знаешь.

— И нет нужды мне напоминать об этом. Продолжим наш разговор позже, хорошо? Мы не можем торчать посередине улицы вечно, в самом деле…

Слегка приподняв крылья, "Птолемеи" побрели по улице в сторону выстроенных в оккупационной зоне ангаров эш-ка. Над ангарами нависали с винтовками Гаусса наперевес эш-ка класса "Магдебург" — с головами, напоминавшими готические рыцарские шлемы, выкрашенными в белое корпусами и черными аршинными буквами "UN" на наплечниках.

Город совсем не обезлюдел, хотя так и казалось: жизнь на боковых улицах все еще шла. В замедленном темпе, но шла. Люди старались особенно не шуметь и не копошиться, тихо следуя по своим делам и зачастую сбиваясь в групки по двое-трое. Над их головами, тихо жужжа винтами, сновали беспилотники. Вокруг здания тегеранского базара, некогда крупнейшего в мире крытого рынка, дежурили солдаты ООН в пехотных доспехах — это, судя по звездно-полосатым прямоугольникам на плечах, были американцы.

— Какая ирония, полковник. — прокомментировал эту картину оператор "Птолемея II", капитан Герман Аристарховский. — Американцы, охраняющие иранцев. А ведь каких-то лет сорок назад они еще были непримиримыми врагами.

— А кто не был-то? Янки никто не любил особенно. — ответила Люция. — Только и времена уже не те.

— Вы правы. Времена меняются. Спросите сейчас кого-то про холодную войну — и что вам ответят? Ничего. Полвека человеческой истории полностью стерто из памяти.

— И что надо сделать по этому поводу, Герман? Развязать ее заново? Советский Союз возродить, может?

Герман рассмеялся искаженным рацией смехом.

— Боже упаси, полковник. СССР — не более чем давно прошедший кошмар. Век тому прошедший. Не надо ассоциировать нас с давно умершими нашими же режимами.

— Я и не стараюсь. Но за янки все-таки вступлюсь. Дальние, хм, родственники, как-никак.

— Как вам будет угодно.

Над головами эш-ка прошумел похожий на стрекозу вертолет Ми-60 — тоже ооновский, и тоже с полным вооружением на лапках-пилонах. Вертолет хищно водил по сторонам спаренным пулеметом спереди, под кабиной. Он был не один в тегеранском пространстве — несколько таких же, только раскрашенных в пустынный камуфляж и с другими опознавательными знаками, облетали вверенные им зоны, принадлежавшие одной из трех противоборствующих сторон.

В один прекрасный день век тому назад нефть, на которой держалось благосостояние всего Ближнего Востока, все-таки иссякла. К этому дню готовились, о его неминуемом пришествии знали; цены на нефть росли, а альтернативные источники энергии распространялись подобно раковой опухоли, если визуализировать их распространение. Но тем не менее, нефть закончилась. На Ближнем Востоке уже не было ничего, что имело бы значение для всего остального мира.

Пожарище войны загорелось вновь, и пламя то разгоралось сильнее, то затухало. Этнические, межконфессиональные, территориальные, идеологические конфликты — всем этим был современный Ближний Восток, и не было этому круговороту смерти и разрушения конца и края. Остальной мир это вполне устраивало; воюющие группировки были основными клиентами на мировом рынке вооружений. Сколько торговлю оружием не ограничивай, пути находились всегда. Спрос был, а следовательно было и предложение.

Присутствие здесь ООН было чисто номинальным, так как миротворцы, по сути, были заперты на укрепленных военных базах и в некоторых городах и носу оттуда не казали. "Анубис-Хед" почитал за лучшее тут и не появляться — риск получить в паховую ось десяток реактивных снарядов в любой точке Ближнего Востока стремился к одному, если уже не был ему равен. Все то, что могли бы выполнить эш-ка, выполняли вертолеты и конвертопланы, заменить которые было гораздо легче, чем дорогостоящий штурмовой комплекс.

Люция уже успела несколько раз мысленно проклясть необходимость тащиться сюда, но ничего не поделаешь: сбежавшего более двух недель назад генерального директора КЭГ(теперь уже бывшего генерального директора — на его место был назначен его заместитель, Ксавьер Нгуен Бо, всецело одобривший охоту за предшественником) надо было найти и призвать к ответу. А раз уж первые шаги по этой дорожке сделал персонал "Шакал-Фараона" под ее началом, то "призыв к ответу" ей и придется осуществлять. Утешалась полковник тем, что большая часть оперативно-розыскных мероприятий будет возложена на местный гарнизон и подконтрольные ему правоохранительные органы, а ей останется лишь руководить поисками. Желательно из какого-то затененного и прохладного помещения.

Затененность, к слову, была особенно важна — яркий свет причинял глазам Люции нестерпимую боль, вынуждая ее даже в помещении не снимать темные очки. Очки свет смягчали, да и ДР-интерфейс делал их довольно удобными, но полковник справедливо опасалась, что длительное их ношение подпортит красоту ее изящного носа.

***

Воздушное пространство области Керман, борт воздушной баржи SSF "Манта"

Пробитый насквозь конвертоплан камнем рухнул вниз, обьятый пламенем от сдетонировавшего боекомплекта. Прочно закрепившийся на одной из пусковых катапульт "Юстикатор" опустил рельсотрон и показал наблюдавшему за ним скоплению камер кулак с выставленным вверх большим пальцем.

— Все цели уничтожены! — задорно отрапортовал Лейдзи. —

"Юстикатор" ожидает дальнейших приказаний!

— Вас понял. — сухо кивнул де Монгольфье, обходя капитанский помост на мостике с видом хозяина. — Радар, статус!

— Враждебных целей не обнаружено.

— Наземные локаторы?

— Никак нет, все чисто, сэр!

— Понятно. "Юстикатор", прекратить наблюдение за воздушным пространством и вернуться в ангар. Персоналу ангара приготовиться к приему машины. Боевой информационный центр, центр управления огнем — продолжать наблюдение за воздушным пространством. Отставить второй уровень боевой тревоги, судно переходит на первый уровень боевой тревоги.

Голоса подтверждения наполнили мостик, а затем ожил громкоговоритель, извещая экипаж "Манты" о переходе на первый уровень боевой тревоги. Капитан развернулся к нам с Аоки — мы скромно застыли у входа на мостик, изо всех сил стараясь никому не мешать.

— Все что мы вашими стараниями получили, Кимэра — боевую тревогу. И повреждения по правому борту. Повезло, что обшивки. Но в нормальной ситуации это недопустимо, и я не должен, вообще говоря, идти у вас на поводу.

— Я вас об этом и не просил. — ответил Аоки. — Высадили бы нас, и разошлись бы полюбовно, а потом я бы вам сообщил.

— И нам надо было бы оставаться абсолютно беззащитными? А потом еще и идти вас забирать? Благодарю покорно! Нет уж, Кимэра, я все-таки вас доведу куда надо и прослежу за вашей сохранностью. Но вы мой должник, так и знайте.

— Как угодно.

— Хм-м! — Сиэль резко развернулся, прошел к поручню помоста и оперся об него. — Все эти ваши авантюры… И отчего я только потакаю вашим капризам?

— Вы сами сказали, я ваш должник.

— Иди уже, Кимэра, вон с моего мостика! — в глазах капитана блестнули какие-то задорные искорки. — И больше здесь не появляйся!

— Уже идем, спешим и надрываемся! — отшутился тот и подтолкнул меня в спину: мол, давай уже, не стой столбом. Я поспешно выбрался в коридор, а Аоки последовал за мной. Дверь за нами еще чуть-чуть постояла открытой и тихо схлопнулась.

— Хочешь конфетку?

Я покосился на выуженную из бездонных, воистину бездонных карманов Кимэры коричневую карамельку в прозрачной самоаннигилирующейся обертке.

— Понял, не дурак. — конфетка скрылась обратно в карман. — Отчего такое лицо?

— Думал много. — пробурчал я, заходя в турболифт и прислоняясь к стенке. Аоки вошел следом и ткнул пальцем в панель у двери лифта, тут же закрывшейся. Турболифт, дернув нас обоих вниз, сорвался с места.

— О чем думал?

— Ну как о чем? О Жизни, Вселенной и Всем Таком, как говорилось у Адамса.

— И как? Все еще сорок два? — турболифт еще раз дернулся, и двери с фирменным лифтовым "дзынь-дзынь" отворились. — Лелуш, а серьезно?

— А серьезно, я много думал над собой и сделал выводы, наверное. Не обращай внимания, короче.

— Рад за тебя. — задумчиво кивнул Аоки. — Ты готов?

— Всегда готов.

— Не сорвешься?

— Ни в коем случае не сорвусь. — заверил его я, предусмотрительно умолчав о том, что для верности приму перед выходом эмоциоподавитель. Совсем чуточку. Не выходит самостоятельно — привьем искусственно, как бы мне не претило такое решение.

Но через свое отвращение надо переступать. Противно? Неприятно? Брезгуешь? Терпи, подонок, терпи! Хуже тебе точно не будет.

Со Вторым мы чуть ли не столкнулись в коридоре: слева кто-то оглушительно чихнул, и я обернулся на звук, встретившись лицом с братом. Тот чихнул еще раз.

— Бедненький. У тебя в кабине трубу охлаждения прорвало, или что? — с поддельным участием спросил Аоки.

— А, ч-ч-черт тебя дери, Аоки! — Лейдзи снова оглушительно чихнул. — Пошутил, называется… Тут за бортом плюс сорок пять, в кабине тридцать один, а у вас тут сучьи кондиционеры.

Он выпятил вперед грудь, демонстрируя нам насквозь промокшую и вонючую от пота майку, которую он носил под расстегнутой и настолько же мокрой жилеткой.

— Вот, полюбуйтесь! Попробуй тут не… пчхи!.. простыть-то! Короче, не задерживайте, я душ принять хочу…

— Интересный симстим получается… а чем тебе душевая в раздевалке не угодила, бро? — резонно спросил я. Лейдзи закатил глаза:

— Ну блин. Она же общая!

— И что? Там все равно днем в дээр-очках никого не найдешь. А ты все равно боишься не пойми чего. О сохранности своей тощей жопы печешься, не иначе…

— Я тебе щас ка-ак… апчхи!.. — попытался пригрозить братец, но махнул рукой и утопал дальше по своим делам. Я пожал плечами. Вообще, хочет мыться у себя — его право, но потретировать генетического родственника — это завсегда.

Послушайте только меня, какими я понятиями оперирую! Я и сам зашелся в смехе, заставив шедшего рядом Кимэру удивленно воззириться на меня.

…Ничего выдающегося не произошло, только лишь прозвучало по громкой связи объявление о прекращении боевой тревоги. Большой иллюминатор кают-компании открылся, а я, сославшись на желание побыть одному, ретировался в свою каюту.

Зря. И я не знаю, за что я так провинился, что мне суждено постоянно сталкиваться с тремя до тошноты знакомыми людьми, но это опять случилось: моим глазам, когда я вошел в каюту, предстала возлежащая на моей кровати Сэа Темпести. Фиолетовая курточка из операторского костюма[33] висела на спинке стула, а высокие сапоги валялись подле кровати; их хозяйка лежала, закинув ноги в чулках одна на одну.

Здесь следовало бы устроить скандал, или хотя бы сразу, с пылу с жару, потребовать от Темпести немедленно выметаться отсюда. Признаться, мне это и хотелось сделать, но я удержал себя.

— Я даже не буду спрашивать, что ты здесь делаешь. — с отсутствующим видом пробормотал я.

— О? — Сэа вскинула бровь в притворном удивлении. — И что же ты будешь спрашивать?

— У тебя не найдется, случаем, цианистого калия? Или чего посложнее, чтобы уж точно не откачали…

— Чего-чего?! — она мгновенно изменила позу, усевшись на кровати и непонимающе уставившись на меня. — Вольфр-Икаруга, ты чего? Откуда рухнул в этот раз, с Восточной Башни?

— Тьху на тебя нейротоксином. — дверь за мной, тихо шурша, закрылась, и я прошел вглубь каюты и уселся на стул. — Знаешь, вот иногда такие моменты бывают, что аж жить не хочется. Идиотские и вторичные, как кино…

— Думать об этом забудь. — категорическим тоном отрезала она.

— Вот еще. Лучше уж от собственной руки, чем в постели от старости.

— Угу, а еще лучше — за штурвалом эш-ка. Думать об этом забудь, я еще раз тебе говорю. Во-первых, какая старость, тебе двадцать исполнилось едва ли два месяца тому назад…

— Ну-ну. А во-вторых?

— Во-вторых, что-что, а твое безжизненное тело я, м-м-м, хочу в самую последнюю очередь. Да-с. И то тогда я тебя своими руками пришью, чтобы ты был еще тепленький. Холодный, липкий и слегка подернутый разложенийцем трупик как-то не в моем вкусе, извини.

Меня передернуло от отвращения.

— Что труп, что не труп, а все равно противно. — высказался я.

— Да ну тебя. Лично мне такая идея нравится, очень даже. — Темпести облизнулась. — Только вот ты несговорчивый.

— А причем тут вообще я? Найди себе охочего до страсти паренька и делай с ним все, что душе угодно, а меня оставь в покое.

— Не-а. — она наставительно подняла палец вверх. — Это сделать никак не возможно.

— Отчего же?

— Дурашка ты. — Сэа плотоядно ухмыльнулась. — Мне же не сферический, абсолютно черный и в вакууме паренек нужен, а ты.

— Ну, допустим я польщен. А отчего же так?

— Так сложилось. — уклончиво ответила она. — Так что вот так. Не испытывал бы ты мое терпение, а?

— А то что?

— А то я тебя все-таки изнасилую. — невозмутимо сообщила она.

— Ты уже давно грозишься. — так же невозмутимо парировал я.

— И когда-нибудь эту угрозу выполню. Не бойся, мне себя не

жалко, а тебя — тем более.

— Так а чего же я тут до сих пор рассиживаюсь — целый, невредимый и непорочный — а не валяюсь под тобой на кровати, м-м-м?

— Ты злорадствуй, пока можешь, и не тяни, хм, резину. А то доиграешься, попомни мои слова.

— Хм-м. Ну-ну. Будь по твоему. — покивал я головой. Словам Сэа я не собирался, — пока, — придавать большого значения. Перестанет языком впустую молотить — тогда и будем разбираться. В любом случае, перспектива оказаться с Темпести, да и с кем-либо еще, в одной постели меня привлекала меньше всего. Скорее даже наоборот — отталкивала. Скажем так, секс я не любил совсем не "для галочки"; мне был глубоко противен сам процесс. Было в нем что-то недопустимо примитивное — и от этого еще более отвратительное.

Ну а низведение половой близости до какого-то уж совсем бытового уровня было и вовсе кошмарным. Я не идеализировал древние варварские обычаи восемнадцатого-девятнадцатого века, немыслимые в современном, давным-давно благополучно эмансипированном обществе, но и симпатизировать идее свободной любви я уж никак не мог, по описаным выше причинам.

— О чем задумался-то, мыслитель?

— О своем все. — я бросил взгляд на Сэа, спустившую ноги с кровати и подбирающую один из сапог. — Ты что, уходить уже собралась?

— Ну да. С тобой каши не сваришь, куда уж тут, хи-хи, в постель ложиться… А я и так гостеприимством злоупотребляю, все дела, да и вообще…

— Вообще? — переспросил я, заулыбавшись. — Вообще, да?

— Ну, э-э… Чего?

Я протянул руку и толкнул ее в плечо, заставив Темпести опрокинуться обратно на кровать. Выпущенный хозяйкой сапог глухо стукнулся об пол.

— Сиди, отдыхай, и набирайся сил. — с улыбкой на лице промолвил я. — Сама пришла, а теперь уходить собирается.

— Однако!

— А я сказал — сиди. Потому как все-таки скоро надо будет выходить. А к выходу надо основательно подготовиться…

"Таблеточку принять, например" — подумал я. Но уже про себя: эмоциоподавители — тоже исключительно мое дело, и другим о нем знать незачем. Даже Сэа, хотя ей бы было до лампочки, что я там принимаю и почему.

А может, и не было бы. Но тут уже я не стал бы говорить столь уверенно.

***

Северо-запад области Керман, Нео-Персидское Государство

Воздушная баржа синамуровцев заслонила собой палящее солнце, бросив на выстроившихся в шеренгу эш-ка "Миллениума" благодатную тень. Расположившиеся на ее днище крупнокалиберные пулеметы и рельсотроны развернулись в миллениумовскую сторону, но стрелять не стали, равно как и держать стоящих перед машинами людей на прицеле. Сразу было видно человеческое управление: ИИ стал бы сначала стрелять, а потом задавать вопросы. Стоящий позади "Мертвая Голова" немедленно по началу стрельбы бы закрыл хозяина огромной рукой — все эш-ка сейчас были активированы и в полностью автономном режиме, за исключением "Нордлюфтцуга" — для гарантии, не более.

К тому же, если бы началась пальба, турели бы быстро нашли цель, и Сигиллайта Инграма Виндикатора бы ничто не спасло. Но, все же, все шло по плану, и никаких "бы" уже не было: люки в днище, ближе к корме, открылись, и из них высадились эш-ка "Синамуры", с грохотом и тучами пыли касаясь земли.

"Кросс Трайфорс", со шлемом, смахивающим на старинную немецкую каску, немедленно снял с крепления на спине винтовку Гаусса и прошел вперед, держа ствол опущеным вниз. Сразу за ним вперед вышел "Маджестик", держащий одну руку на эфесе меча. Следом за "Маджестиком" вышли "Юстикатор" и "Вейл Дементиа".

Люки трех машин распахнулись, и их пилоты выбрались наружу и спустились на посадочных тросах вниз. Четвертая же машина, а именно — "Кросс Трайфорс", так и осталась стоять с пилотом внутри. Тоже для верности.

Пилот "Маджестика" и, похоже, предводитель отряда "Синамуры" прошел вперед и подошел к Виндикатору. Японец, почему-то с красного цвета волосами, в темно-синем летном комбинезоне с иероглифом "Синамуры" поверх сердца. Меч на поясе, с замысловато украшеной гардой и обитой клонированой кожей ската рукоятью, а также подчеркнуто военная выправка его говорили о многом — например, о том, что перед Инграмом стоит не много, не мало, а бывший японский офицер. Да еще и оператор эш-ка, пусть и не один из знаменитых японских "меха-самураев" — те служат государству от самого рождения и до самой смерти, и службу покинуть никоим образом не могут. Так что этот бывший офицер наверняка служил в строевом бронекавалерийском корпусе и славно отличился на службе последней империи мира, раз уж ему и после ухода со службы разрешили носить меч. Уже за глаза Инграм начал проникаться к синамуровцу невольным уважением. Как-никак, военный, пусть и бывший.

— Здраствуйте. Позвольте представиться: Аоки Кимэра, "Синамура Парамилитарис". Мой чин примерно равен армейскому званию подполковника. — сразу же представился японец. — Вы — Сигиллайт Инграм Виндикатор, если я не ошибаюсь?

— Да, это я.

— Рад знакомству с вами. — Кимэра поклонился Виндикатору, который все-таки не решился повторить поклон и ограничился коротким кивком головы. — Надеюсь, что оно будет плодотворным. Вместе со мной здесь мои коллеги — Сэа Темпести и Лейдзи и Лелуш Вольфр-Икаруга. Последний находится сейчас в своем штурмовом комплексе, вы понимаете.

— Безусловно. Мои же коллеги — Грейс Ванкувер, Дональд Мбабе и Хильда Дорнье, находящаяся сейчас за штурвалом своего эш-ка. Я также надеюсь, что наше сотрудничество будет плодотворным. Но позвольте задать вам вопрос, мистер Кимэра.

— Спрашивайте, прошу вас.

— Вы ведь бывший военный, верно?

— Верно. Я служил в Пятом бронекавалерийском полку, в Осаке. Принимал участие в… миротворческих операциях в Корее. Покинул службу по собственному желанию. — без утайки сообщил он; хотя утайки тут и не было самой по себе — просто, как подозревал Инграм, бывший офицер не сказал всей правды. — Меч, как вы видите, мне носить разрешили, но теперь я служу семейству Синамура и их детищу, "Синамуре Парамилитарис". Простите меня за откровенность, господин Виндикатор.

— Не беспокойтесь, мистер Кимэра. Нам нужно, боюсь, многое с вами обсудить.

— Да. — Кимэра кивнул. — Прежде всего, я хотел бы принести вам извинения…

Он вновь поклонился Виндикатору в пояс.

— …За недопустимое поведение нашего коллеги несколько дней тому назад, при столкновении с вашей коллегой, госпожой Дорнье. Я прошу вас принять наши искренние извинения.

— Извинения приняты. — тут же отреагировал Инграм. — Это всего лишь небольшое недоразумение, не более.

— Благодарю вас. А теперь, я прошу вас: говорите.

Виндикатор огляделся по сторонам, хотя в этом и не было нужды, вздохнул и начал:

— В начале июня с нашим начальством связались представители Ватикана с выгодным контрактом. Нашей задачей было: в первых числах июля, на предоставленной нам подводной лодке, высадиться на острове Подножие, взять на прицел орбитальный лифт и взять в заложники генерального директора КЭГ. Зачем именно, нам не обьяснили; признаться, мы сначала грешили на желание Ватикана прибрать к рукам орбитальный лифт, непонятно по какой причине. А в результате, благодаря усилиям ваших коллег, мы до лифта и не дошли. Чуть позже нам пояснили, что наличия эш-ка на Подножии не предусмотрели, хотя они вообще ничего не предусматривали. Но платили зато авансом, и по окончании сулили хорошую сумму. Но Вань Чхонли скрылся, и нам приказали двигать сюда и ждать распоряжений. Мол, контракт еще не закончен, все дела.

— А разорвать контракт? — задал вполне закономерный вопрос Кимэра. Инграм только руками развел:

— Начальство ничего и слышать об этом не хотело. Понимаете, у "Миллениума" со средствами, так сказать, напряженка. Почти вся прибыль от операций уходит на покрытие расходов, а долгосрочной выгоды никакой.

— Знакомая ситуация.

— А тут, как видите, и аванс немалый, — простите, если я не буду раскрывать сумму, — а по выполнении еще больше. Но ватикановцы не учли кое-чего. Нас четверых такое положение дел не совсем устраивает. Мы потребовали обьяснений. И тут уже начинается кое-что интересное.

Черноволосый Лейдзи Вольфр-Икаруга подошел поближе, явно заинтересованный.

— Уничтожение секции орбитального кольца было подстроено ватиканской жандармерией. — продолжил Виндикатор, удовлетворенно улыбнувшись при виде удивленного лица Лейдзи. — Это уже точно был не захват — разрушать дорогостоящее астроинженерное сооружение нету резона, особенно если стоит цель захватить его часть, подконтрольную КЭГ. Но представитель Ватикана — один из Крестоносцев Святого Престола — развеял наши сомнения. По его словам, в сегменте было потенциально опасное орбитальное оружие…

— Лазер, верно? — не выдержал Вольфр-Икаруга. Инграм кивнул:

— Вероятнее всего. Чуть позже Крестоносец сообщил, что это оружие могло быть использовано для уничтожения некоей реликвии, которую Крестоносцы охраняют. Он назвал ее Святым Граалем… ну, помните, чаша с кровью из христианской мифологии?

Кимэра и Вольфр-Икаруга утвердительно кивнули.

— Правда, он также обмолвился, что это никакая и не чаша. Даже больше того, воины Господни понятия не имеют, что это такое. Но один-единственный гендиректор КЭГ, да и то уже бывший, каким-то образом может этому не-пойми-чему навредить. Или же это просто месть. Даже в таком случае я несколько побаиваюсь за то, что будет с нами по выполнении условий контракта.

— А они заключаются в..?

— Нам надо добраться до Тегерана и каким-то образом вытащить, цитирую, Чхонли на свет Божий. Что для нас совершенно непомерная задача. К тому же, в Тегеран прибыл "Анубис-Хед", и город напоминает термоядерную бомбу. За пару секунд до взрыва.

— Вот незадача, а ведь мы туда и направляемся… Значит, нам будет по пути? — задумчиво протянул Аоки. — Господин Виндикатор, я вас внимательно выслушал. Но у меня есть единственный вопрос.

— Задавайте. — кивнул тот.

— Есть ли у нас гарантии, что все, что вы сказали — правда?

— Нету. Если устная клятва чего-то еще стоит, я могу перед вами поклясться.

— Излишне. У меня есть идея несколько получше. Ваша

деятельность в Тегеране не будет мешать выполнению нашего контракта?

— Скорее всего, нет. Разве что Чхонли запросит убежища у НПГ.

— Которые его сразу же анубисам сдадут. В общем, мы постараемся вам помочь. В частности, подбросим вас до Тегерана. Какой-то день, не факт что в трюме — и вы уже в древней иранской столице.

— Но… — Виндикатор сразу не нашелся, что ответить. Всех остальных присутствующих, похоже, тоже поразила немота от такого предложения.

— Но мы ведь сотрудничаем, господин Виндикатор. А в данном случае выгода обоюдна — и для нас, и для вас.

— В таком случае, вас не затруднит подождать?

— Конечно нет. Обдумайте наше предложение. Спешить нам все равно особенно некуда. — благодушно позволил Кимэра, разводя руками. Инграм кивнул и отошел назад.

"Кросс Трайфорс" все так и стоял с ружьем наготове. Его оператор за все переговоры так и не проронил вслух ни слова.

Инграм развернулся к Грейс и Дональду:

— Ваше мнение?

— Решайте сами, гражданин начальник. — лаконично ответил Мбабе. Грейс промолчала, а "Нордлюфтцуг" ограничился коротким кивком. Виндикатор пожал плечами и развернулся к ожидавшему Кимэре.

Тот удивленно приподнял бровь.

— Вы уже пришли к консенсусу?

— Да какой тут консенсус. Здравый смысл, и не более того, я надеюсь.

— Тогда придется подождать и вам. А как вы думали? — улыбнулся японец. — Эта идея у меня возникла, можно сказать, на ходу…

***

Свободный город Тегеран, оккупационная зона ООН

Спустя двадцать четыре часа после прибытия "Шакал-Фараонов" в город об их присутствии, наверное, знал уже весь земной шар, чего уж говорить об одном-единственном человеке, по чью душу черно-золотые мундиры и пришли. В качестве превентивной меры против побега, впрочем, весь и без того вялый трафик в центр города был перекрыт, вокруг окупационной зоны были подняты барьеры, метро и без того уже давно было перекрыто, так что оставалось только опустить решетки в канализации. Кроме этого, на всех наземных путях было выставлено заграждение: из города никого не выпускали и никого не впускали. Примерно то же самое творилось и в трех зонах окупации: иранцы, персы и курды также выставили заграждения и подняли в воздух вертолеты. Над городским пейзажем, где дома были пониже, доминировали эш-ка самых разных классов и с самым разным вооружением. В качестве меры предосторожности — вдруг одна из сторон воспользуется суматохой и нападет на другую, чем черт не шутит.

Вайомингские Ужасы, получившие приказ отыскать Ваня Чхонли, вышли на охоту вместе с заходом солнца. Наводящие ужас пехотинцы выстроились перед опустевшим зданием тегеранского базара в полной боевой экипировке. Пылали красные глаза на шлемах, поблескивали искусственные мышцы силовой брони, негромко гудело пламя включенных огнеметов и тихо жужжали аккумуляторы готовых к стрельбе рельсотронов.

— Ужасы, смир-но! — перед строем размашисто вышагал капитан Этцель; каждый его шаг гулко разносился по всей площади.

С грохотом нескольких сотен тяжелых сапог каждый из Ужасов вытянулся по стойке смирно, устремив взгляд шести глаз-камер шлема на командира.

— Итак, Ужасы! — выкрикнул капитан; его усиленный динамиками респиратора голос пошел эхом над рядами солдат. — Нам был отдан приказ, короткий и ясный: найти и пленить Ваня Чхонли, бывшего генерального директора "Кидо Эрейвейта Груп"! Он скрывается здесь, в окупационной зоне ООН! Дрожит от страха и ходит под себя от осознания одного неоспоримого факта — ему не уйти далеко! И, я могу поклясться, что вы знаете, почему!

— ТАК ТОЧНО!!! — в один голос рявкнули Ужасы.

— И почему же?!

— МЫ ИДЕМ ПО ЕГО СЛЕДУ!!! ЕМУ НЕ УЙТИ ДАЛЕКО!!!

— Точно! ТОЧНО!!! — завопил Этцель, не в силах удержаться от накатывающих на него, как и на каждого из солдат батальона, чувств экстаза и возбуждения в предчувствии охоты. — Ему вообще никуда не скрыться! Район оцеплен, но даже и без этого мы готовы гнать его до самого края света, пока он не падет к нашим ногам и не станет молить о пощаде!

— НИКАКОЙ ПОЩАДЫ!!!

— ДА!!! Ни от нас, ни от кого более! Мы — Вайомингские Ужасы; наша поступь — поступь смерти; после нас остаются лишь кровь и пламя; одно лишь наше имя наводит ужас на любого; мы — идеальные хищники, созданные не природой, а изобретательностью человека! — Этцель выдержал паузу, а затем вкрадчиво заговорил вновь: — Итак, Ужасы, вы готовы броситься в погоню? Отмести прочь жалость, сожаления и страх, заменив их волнением и трепетом охоты и предвкушением добычи? Настигнуть ее во что бы то не стало и уничтожить, разрушить и сжечь все, что встанет у вас на пути?

— ТАК ТОЧНО!!! МЫ ГОТОВЫ!!!

— ТОГДА ВПЕРЕД!!! — вновь завопил Этцель во всю глотку, заставляя динамики шипеть от громкости. — Вперед, вперед, ВПЕРЕД!!! Вы знаете, в чем ваша роль и какова ваша цель; так идите же и настигните ее! Взвод Ноктис, ко мне! Охота на Ваня Чхонли только начинается!

Строй рассыпался. Ужасы, разбиваясь на отдельные взводы, понеслись в разные стороны: они бежали по улицам, исчезали в переулках, запрыгивали на здания и перескакивали с крыши на крышу, устремляясь вперед в поисках добычи. Стронулись с места сверхлегкие вертолеты и бронеавтомобили, и площадь опустела. Сам капитан Гвидо Гордон Этцель одним прыжком запрыгнул на командный бронетранспортер, оставив в крыше небольшие вмятины, и устроился в люке, одной рукой включив громкоговоритель, а другой взявшись за ручку пулемета. Его командный взвод, взвод Ноктис, устроился позади, на крыше, на манер танкового десанта.

Люция одним касанием затенила окно, вновь погрузив комнату в щадящий ее глаза полумрак, прошла вглубь комнаты и села в кресло для посетителей. Комната эта была ее кабинетом во временном штабе "Шакал-Фараона" здесь, в центре Тегерана. Все было великолепно, кроме одного — окнами кабинет, это маленькое царство полутьмы, выходил как раз на площадь около базара.

— Ужас. — сокрушенно произнесла она. — Просто ужас. И как обьединенное командование еще терпит таких людей?

Ее можно было понять: полковник Лэндлайт ловила и смаковала каждый момент, когда ее никто не трогал, не звонил, не слал сообщения, не дергал с места по пустяковым вопросам и когда ее присутствие для эффективной работы подразделения не требовалось. А тут, ни с того, ни с сего, под окнами начинает вопить целый батальон неуравновешенных солдат, на мозги которых уже оказали серьезное влияние боевые стимуляторы. Принимать их перед боем, насколько полковнику было известно, было одной из наиболее невинных традиций Ужасов: другие традиции включали в себя сжигание людей целыми деревнями, а порою и городками, с последующим сооружением милых пирамид из черепов, которые наверняка оценили бы по достоинству "красные кхмеры" из прошлого. Ужасы практиковали немало других способов расправы как над пленными, так и над мирным населением, случайно оказавшимся в зоне проведения "акции устрашения", в которых тоже не было ничего необычного — милые коллажи с живой жертвой в обрамлении ее же внутренностей устраивали порой и банды в американских трущобах понеблагонадежнее. Чего только, хм, не подцепишь при переодическом просмотре телевизора.

— Они полезны. — поддержал ее мысль Линдсей. — Никто особенно не разменивается при ведении войны в более отсталых регионах, ты же знаешь.

— Знаю. Да только они могли бы не кричать так много под моими окнами. — пожаловалась Люция, потирая висок.

— Брось жаловаться. Они уже давно разбежались прочь.

— Хорошо, я не буду. В конце концов, я просто хочу отдохнуть.

— Конечно. А я буду охранять твой безмятежный отдых посередине хаоса. Как и всегда.

— Как и всегда… — пробормотала она, прикрыв глаза и откинув голову назад, на спинку кресла. — И ты — мой верный защитник. Верный, самоотверженный, безответно преданный, и оттого еще более любимый…

Линдсей улыбнулся уголками рта.

— Да. — прошептал он тихо и уверенно. — Так есть, так было, и так должно быть.

И наконец в кабинете воцарилась тишина.

Ей суждено было продлиться всего час, прежде чем у Люции в ухе раздалась незамысловатая мелодия звонка. Не открывая глаз, она щелкнула пальцами, и перед ее взглядом открылось окно видеосвязи.

— Я слушаю.

Герман Аристарховский в окне взял под козырек, выполнив воинское приветствие, а затем убрал руку и заговорил:

— По северозападному направлению к городу движется неопознанный эш-ка. На связь он не выходит и продолжает движение. Сбил высланные иранскими войсками вертолеты.

— Предполагаемый маршрут уже есть?

— Так точно. Предполагается, что он движется к центру города. Прикажете направить эш-ка?

— Пока что — нет. Продолжайте наблюдать за реакцией иранцев. И известите наших операторов на дежурстве.

— Вас понял, будет исполнено незамедлительно. И еще одно, полковник. С юго-востока к окраине города подошла воздушная баржа SSF "Манта", принадлежащая "Синамура Парамилитарис". Они сообщают, что прибыли сюда согласно своему контракту с вооруженными силами НПГ, но предпринимать каких-либо действий не будут до соответствующего приказа нанимателя.

— Хм-м-м. Их, я полагаю, впустят в оккупационную зону НПГ?

— Вполне возможно.

— Тогда не чините им препятствий. Известите меня о каких-либо переменах в ситуации с неопознанным эш-ка.

— Вас понял. Прошу прощения. — кивнул Герман и отключился.

Люция приоткрыла глаза и тяжело и печально вздохнула.

— Линдсей?

— Да?

— Свяжись, пожалуйста, с ангарами и прикажи подготовить "Птолемей I" к выходу. И чтобы под парадным входом здесь стоял бронеавтомобиль.

— Так срочно?

— Да, срочно. — выплюнула полковник Лэндлайт. — Потому

как осторожность осторожностью, а эта неопознанная тварь не дает мне отдохнуть.

— И ты..?

— Пойду и "навешаю лосей", как говорит Аристарховский. Он у меня еще пожалеет, что вообще залез за штурвал, говно эдакое…

— Хорошо. Сейчас. Имей терпение, прошу.

Полковник, нехорошо улыбаясь, вновь откинулась на спинку кресла.

Глава VIII

Свободный город Тегеран, оккупационная зона НПГ

— Демилитаризованная зона прямо по курсу. Контакт через 5 минут. — сообщил штурман. Капитан де Монгольфье коротко кивнул и скомандовал:

— Выполнить разворот левым бортом к ДМЗ и стоп машина. Центр РЭБ — генераторы помех в режим 1, сосредоточить по левому борту.

— Есть выполнить разворот. — сидящий впереди, под самым иллюминатором мостика, рулевой даже не изменил своего положения, так и оставшись сидеть с закрытыми глазами. Разве что руки, возложенные на подлокотники ложемента, чуть-чуть сместились — и повинуясь этому движению, воздушная баржа развернулась, одновременно притормаживая. — Стоп машина.

Дрожь, шедшая по всему корпусу корабля, унялась — двигатели баржи отключились и обвисли вниз. В воздухе ее держали только наполняющий ее полость гелий и роторы высоты.

— Есть генераторы помех в режим 1. - доложила оператор РЭБ. — Генераторы помех активированы и работают в режиме 1.

— Локационный центр!

— Сэр! Каких-либо устройств видеонаблюдения в районе не замечено, сэр! — послушно доложил оператор локационного центра, пошарив предварительно по округе лазерами.

Де Монгольфье переключил на консоли воображаемого интерфейса вокруг своей правой руки видеосвязь, и экран на потолке мостика тотчас ожил.

— Мы на позиции, Кимэра. Можете выходить.

Аоки, стоявший перед экраном видеосвязи в гондоле воздушной баржи, коротко кивнул. Он снова был во всеоружии; поверх комбинезона появилась разгрузка, на плече болтался пистолет-пулемет, а катана в ножнах, хоть она и будет практически бесполезной, провела последние сутки в точильном автомате.

— Мы готовы. Виндикатор?

— Готов. — обьявил тот, засовывая длинный серебристый револьвер обратно в кобуру под дастером.

— Теперь готовы.

— Тогда удачи. — сухо пожелал Сиэль и прервал связь. Аоки хмыкнул и поколдовал над собственным воображаемым интерфейсом, заранее подключенным к системам гондолы. Перед его глазами появилось изображение по левому борту гондолы, и он поводил камерой с дальномером по сторонам, прежде чем выбрать наиболее подходящее высокое здание, возвышавшееся над барьером на той стороне ДМЗ.

Указательный палец, казалось бы, ударил по воздуху, и в тот же момент выстрелил десантный трос, укрепленный над люком гондолы. Трос, ведомый реактивным гарпуном, пролетел над демилитаризованной зоной и воткнулся в фасад выбранного здания, немедленно натянувшись. Воздушная баржа покачивалась на другом его конце.

Еще одно движение — и открылся люк.

— Прыгать с парашютом было бы удобнее. — пробормотал Инграм позади, помахивая страховочным карабином. — Безопастнее как-то.

— Что так, что так, шансы разбиться одинаковы. Или что, господин Виндикатор, привыкли к безопастной кабине эш-ка?

— Не больше вашего. И вообще, бросьте раскланиваться. Зовите меня Инграм, а то от "господина Виндикатора" лично меня воротит.

— Как угодно, Инграм. — пожал плечами Аоки, прицепившись к тросу карабином и дернув за него. Карабин удержался. — Ну, как оно… ни пуха?

— К черту.

Аоки кивнул, подошел к проему люка, а затем схватился за предварительно откинутые ручки карабина и оттолкнулся от пола гондолы, тут же выбросив ноги вперед и поджав их.

Разгоняясь, он понесся по тросу вперед, к зданию. Скорость, высота и свистящий ветер в ушах захватывали дух, а осознание того, что он вполне может разбиться в лепешку, только взбадривало его. Перед самым фасадом здания он выставил вперед ноги, спружинив ими об стену, спустился на столь удобно расположенный сразу под ним балкон и отцепил карабин.

— Инграм, твой выход.

— Лови! — спустя несколько, может быть и дюжину, секунд второй карабин с Инграмом со свистом прошел над Кимэрой; Виндикатор точно так же спружинил об стену, огляделся по сторонам и только затем спустился вниз, на балкон.

— "Манта", мы внутри. Начиная с этого момента, мы прекращаем радиосвязь. — сообщил Аоки по коммлинку. Получив ответ, он согласно кивнул и показал Виндикатору условный знак, известный каждому представителю силовых структур и обозначавший: "В дальнейшем переходим на текстовую связь".

Куда проще, чем кажется: с распространением воображаемых интерфейсов(а это произошло каких-то тридцать лет назад) текстовые сообщения можно было просто "надумывать" и отправлять собеседнику небольшими пакетами данных, перехватить которые было достаточно трудно само по себе, а после доработки военными специалистами — и вовсе невозможно, кроме как с использованием узкоспециализированного(и тоже военного) софта.

К счастью, на опустевшей и упиравшейся в заграждение улице не было никого — ни людей, ни беспилотников, ни роботов-уборщиков. Осмотр зданий тепловизором, встроенным в зрительные нервы Инграма, показал, что люди были, но сидели по домам и носу не высовывали.

Удалившаяся от демилитаризованной зоны "Манта" успешно пропала из виду, когда из-за домов взметнулся первый длинный язык пламени.

"Вот черт."

"Прошу прощения, уважаемый коллега?"

"Коллега, как же… Гарнизон миротворцев в Тегеране включает в себя батальон Вайомингских Ужасов. Вот об этом я сказать и забыл." — сообщил Инграм и пожал плечами.

"Мда, Ужасы…" — огонь тем временем продолжил полыхать, и, похоже, стали слышны человеческие вопли. — "Ну-ну."

"Посмотреть стоит?"

"А зачем? Если они там кого-то жгут, мы им точно не поможем…" — отметил Аоки, но возражать не стал, махнув рукой.

Здание, уже почерневшее от копоти, продолжало гореть, когда они к нему подошли. Трое Ужасов возле него тут же

обернулись в их сторону; "уши" локаторов на шлемах дернулись вверх, как кроличьи. Черные искусственные мышцы доспехов напряглись, а стволы карабинов уставились в проем между домами, в который чуть было не вошли Кимэра и Виндикатор. Из пылающего здания преспокойно вышел Ужас-огнеметчик, завернувшийся в огнеупорный плащ, увидел своих держащих проход на прицеле товарищей и тут же перебежал к ним, выставил вперед огнемет и нажал на рычаг.

Огнемет изрыгнул шар ревущего пламени, заполнившего проем, украсившее стены домов, очевидно железобетонные, копотью и обдавшего Инграма и Аоки раскаленным воздухом, шедшим от него. Огнеметчик продержал пламя примерно две трети минуты, после чего отпустил рычаг, и пламя исчезло.

— Выходите оттуда! С поднятыми руками! — раздался скрежещущий голос одного из Ужасов, специально искаженный динамиками.

Ответа не последовало. Инграм запустил руку за полу дастера и вытащил свой револьвер — длинный, серебристый восьмизарядный револьвер "Кфир" под калибр.446[34].

"Прямое попадание сбивает человека в силовом доспехе с ног. Да и шлем может пробить." — не без хвастовства сообщил он. Аоки усмехнулся. Его М2 на таком расстоянии даже вмятины бы на нагруднике Ужаса не оставил.

— Или же вы хотите, чтобы мы сами пришли к вам?! — вновь заскрежетал Ужас. Шеренга солдат стронулась с места, осторожно подходя ближе к проходу. Впереди всех шел огнеметчик, держащий длинную трубу огнемета прямо перед собой.

"Они идиоты?"

"Просто самоуверенные. К тому же, два человека — не соперники четырем солдатам в силовой броне. А особенно Ужасам."

"Это они так думают." — и Виндикатор рванулся из-за угла. Полы дастера распахнулись, задранные вверх, а по костюму Инграма словно пробежала волна — его сегменты изменили наклон и прочность, став гораздо крепче кевлара.

Затем Инграм рывком поднял тяжелый пистолет, взявшись за рукоять двумя руками, навел его на скрытую огнеупорным капюшоном голову огнеметчика и выстрелил. Все это заняло не

более двух секунд. "Кфир" дернулся по сторонам, изрыгнув еще две пули, тоже пришедшиеся как раз в головы двоих Ужасов — ровно между глаз-камер шлема.

— Бросай оружие и выдирай блок питания брони. — обьявил он последнему Ужасу, наставившему на него свой карабин. Тот отрицательно помотал головой:

— Сдаваться?! СДАВАТЬСЯ?!

Голос солдата сорвался на истошный и леденящий душу визг. Мышцы доспеха блестнули красным светом, и Ужас прыгнул. Взвился в воздух, подобно пружине, и приземлился у Инграма за спиной; уши на шлеме дернулись, и он рванулся к Аоки, занося сжатую в кулак руку для удара, снесшего бы японцу половину черепа.

Аоки одним движением выхватил катану из ножен и ударил снизу вверх; отрезанная на середине предплечья рука Ужаса, все еще сжатая в кулак, упала на землю. Солдат словно не заметил отсутствия конечности, вместо этого перехватывая здоровой рукой карабин, замахиваясь им и опуская приклад на Кимэру. Тот блокировал удар мечом — лезвием меча.

Карабин распался на две части, разрезанный мономолекулярным лезвием, захватив с собой часть пальцев Ужаса, а затем Кимэра сделал еще одно движение мечом, разрезавшее поднятый воротник нагрудника вместе с шеей Ужаса пополам.

"Элегантное оружие цивилизованной эпохи" скользнуло обратно в ножны. Все то же самое можно было сделать мономолекулярной нитью, которая была излюбленным оружием спецназовцев, киллеров и городской шпаны поудачливее. Большая и тяжелая катана, пусть она и была куда крепче своих предков, для этого была не нужна.

— Красиво? — позволил себе спросить вслух Аоки. Инграм отрицательно помотал головой:

— Красиво, да вот только нереалистично. Как в кино или в аниме, или в симстиме с низким уровнем реализма.

— Ну… — Кимэра выдвинул клинок из ножен, а затем задвинул его обратно. — Реальность нереалистична. А мономолекулярное лезвие броню эш-ка режет.

— Оставим этот разговор на потом. Трупы хорошо бы

обыскать и считать информацию о происходящем. Ужасы — это, конечно, Ужасы, но просто так выходить в патруль, или что это, они бы не стали.

— Тоже ищут Чхонли?

— Возможно. Скорее всего. Но давай сначала убедимся в этом, нет?

***

Свободный город Тегеран, оккупационная зона ООН

"Птолемей I" несся по автостраде к центру города, оставляя в дорожном покрытии вмятины от каждого удара ног, весивших по пятьдесят с лишним тонн каждая. Противовесы были отставлены назад на максимальную длину, а в руках эш-ка сжимал протонное орудие. Опоры автострады ныли и трещали под колоссальным давлением и резонансом, создаваемым каждым касанием ног эш-ка, но пока не думали обваливаться. Сам "Птолемей I" двигался на скорости немногим большей 110 км/ч; ритмически сокращались искусственные мышцы, натужно жужжали сервомоторы, где-то позади кабины завывала электролитическая ячейка, без устали дававшая питающее гигантского бога войны электричество. Люцию, даром что она была пристегнута к креслу, то и дело норовило подбросить вверх. Полковник была предельно сосредоточена, губы были напряженно сжаты, бездонно-синие глаза слегка прищурены. На лобовом щитке нейрошлема пылала крошечная надпись "ONLINE" — оператор сейчас сама вела машину, и сама же поддерживала ее в равновесии, чтобы та не дай боже не опрокинулась набок или не оступилась.

На панорамном экране высветился отчет полевой координационной системы. Лэндлайт бегло просмотрела его и удалила с экрана движением пальца. Где-то там на перехват неизвестного эш-ка выдвигались иранские машины, а группа "Шакал-Фараона" под руководством Аристарховского расчехляла тяжелое вооружение и наводила ракеты. Вторая группа(командир — капитан Леви Исштмус, ниже лейтенанта в "Шакал-Фараон" все равно не берут) наверняка засела на высотных зданиях, которые могли бы выдержать вес разведывательных эш-ка, и сейчас докладывала о каждом движении незнакомца, иранцев, курдов и персов, следя за неизвестной машиной через прицелы снайперских винтовок Гаусса.

Высветился другой отчет. Все так же не сбавляя шага, Люция

просмотрела и его и чуть не оступилась: неизвестный эш-ка вывел из строя три машины иранцев с минимальными повреждениями и продолжает движение в сторону оккупационной зоны ООН. К отчету прилагалось изображение, снятое глазами машин группы Исштмуса, на котором неизвестный эш-ка был определен как "Херувим"-класс; его расцветка и опознавательные знаки, а других у него и быть не могло, говорили ясно, что в Тегеран пожаловал один из Крестоносцев Святого Престола.

"Только их сучьего племени тут не хватало", — подумала она.

"Птолемей I" сходу перепрыгнул на проходившее рядом с автострадой здание, оставив в крыше внушительную вмятину, а затем перескочил на другое и пошел так дальше, переступая с крыши на крышу. Пройдя такой путь, он спрыгнул на более широкий проспект и побежал дальше.

Крестоносцы появились практически вместе с большинством ЧВК, специализировавшихся на эш-ка. У Ватикана, помимо собственно города-анклава посередине Рима, была еще островная гряда в Средиземном море, на расстоянии птичьего полета от Островной Швейцарии. Это был самый конец восьмидесятых годов; "Анубис-Хед" будет сформирован лишь чуть позже. А Крестоносцы задумывались как миротворческое соединение — высокомобильное, тяжеловооруженное и наводящее страх. На это особенного внимания тогда не обратили: даже наоборот, ООН была только рада заполучить подобных союзников. Особенно когда в Корее начали гореть целые деревни, подожженные реактивными огнеметами святых воинов.

Что самое интересное, на этот счет в самом Ватикане случился небольшой схизм между сторонниками военных вмешательств и их противниками. Первые, если уж говорить грубо, заявляли о том, что в борьбе за мир все средства хороши. Их противники отвечали тем, что и времена уже не те, и более полутора века Ватикан не вмешивался в международные дела и осуждал всяческие военные конфликты. Святые отцы немало, должно быть, тягали друг друга за бороды по этому поводу, но Крестоносцы продолжали здравствовать, а их бело-фиолетовые машины регулярно появлялись в горячих точках и делали их еще более горячими. Меры они в этом, даже по ооновским меркам, не знали, и из-за этого(а также из-за нескольких приведенных в полнейшую негодность темно-красных эш-ка) между Крестоносцами и "Анубис-Хедом" пробежала черная кошка.

Очасти поэтому Люция и терпеть их не могла, и была только рада разобраться с забредшим на огонек "Херувим"-классом и его оператором. За все понемногу.

Она сбавила шаг, уже приблизившись к стоящим над КПП на границе разъединявшей иранскую и ооновскую зоны ДМЗ машинам группы Аристарховского. Фигура "Херувим"-класса медленно, взяв наперевес огромный огнемет, шла к иранской границе ДМЗ. Иранцы уже не предпринимали никаких попыток его остановить. Броня бело-фиолетового эш-ка была покрыта следами от разрывов снарядов и ракет.

— Полковник. — "Птолемей II" Германа взял под козырек. То же самое сделали две машины его ведомых — тяжелый "Курск"-класс и сравнимый по весу, но куда более тонкий визуально "Один"-класс.

— На связь этот увешанный огнеметами не выходил?

— Никак нет. Но несет от него за версту. Исштмус и его ребята держат поганца на прицеле, да и мы тоже готовы. Прикажете стрелять?

— Погодите-ка. — полковник переключила рацию на частоту капитана Исштмуса. — Капитан?

— Слушаю вас.

— По световому сигналу открыть огонь по вражескому эш-ка. Три выстрела. Как поняли?

— Вас понял. Мы ждем сигнала.

— Отбой. — Люция переключила рацию обратно. — Герман, траектории для многовекторного удара высчитаны?

— Что? А, простите… да, высчитаны.

— Тогда снимай с дронов предохранители и сообщи своим, чтобы не открывали огонь. — "Птолемей I" снял с крепления за спиной тактическую мортиру[35], щелчком откинув ствол, в котором уже находился готовый к выстрелу сигнальный снаряд. — Сам спустишь дронов по световому сигналу. Как понял?

— Понял. Один момент. — он возился минуту, после чего сообщил: — Жду сигнала.

Лэндлайт кивнула и отошла на три шага назад. Подняла руку, сжимавшую тактическую мортиру, вверх.

Бело-фиолетовый "Херувим"-класс уже перешагнул через заграждение, войдя в черту демилитаризованной зоны.

Она спустила курок. Тактическая мортира выплюнула

разорвавшийся над головами машин "Шакал-Фараонов" сигнальный снаряд — небольшое, но яркое оранжевое солнце, сиявшее несколько секунд.

Этого хватило.

Грянули выстрелы снайперских гауссов, застигшие Крестоносца врасплох; второй залп заставил его остановиться и покачнуться, а третий лишь чудом не свалил машину с ног. Но вместе с первым залпом со спины "Птолемея II" взвились в воздух небольшие боевые дроны — самодвижущиеся орудия с ионными ракетными двигателями, по размерам не больше ракеты "воздух-земля", управляемые слабыми, привязанными к бортовому компьютеру эш-ка ИИ. Дроны взвились вверх, над зданиями, а затем рванулись вниз, к ошеломленному Крестоносцу, и открыли по нему огонь, метя в наиболее уязвимые части его машины. Ответный огонь уничтожил лишь одного, но когда дроны вернулись, вновь устроившись вдоль хребта "Птолемея II" подобно шипам на хребте дракона, оказалось, что они не нанесли вражеской машине урона.

Сочленения и конечности эш-ка закрывали позвякивавшие при каждом движении и украшенные небольшими шариками цепи кумулятивной защиты. Шарики проецировали магнитное поле, сбивавшее гироскопы в снарядах гироджетов и ракетах и сводившее их с курса в сторону или прямо на цепи, что было гораздо реже. К тому же, поле могло становиться настолько плотным, что оно практически зажевывало более конвенциональные пороховые снаряды и могло некоторое время сдержать луч из протонного или свободно-электронного орудия-лучемета — на достаточное время, чтобы эш-ка мог отойти с дороги потока частиц.

А вот снаряды ускорителей массы оно не отбивало, но с их пути можно попробовать уйти, сами цепи бы могли затормозить такой снаряд, да и оператор принимал такие снаряды укрепленными на предплечьях и плечах щитками и юбкой, в которых уже красовались выбоины, отводя их в сторону.

"Херувим" был защищен просто превосходно.

— Сукин ты сын. — выругалась Лэндлайт, разворачивая ствол протонного орудия. "Птолемей I" уперся широко расставленными ногами об землю. Шпоры вгрызлись в асфальт. Поверх готового к

стрельбе орудия на экране в кабине появился индикатор готовности, пылавший зеленым; по первому же приказу ожидавшие своего часа протоны дейтерия начнут свое движение по желобу линейного ускорителя частиц.

— Мы можем стрелять, полковник?

— Давайте-давайте! — она крутанула ручку рации. — Исштмус, с хера ли вы молчите? Команды прекращать стрельбу не было!

Снайперы заговорили вновь, а затем к ним присоединились слепяще-белые лучи лучеметов. Термостойкое покрытие начало отслаиваться от "Херувим"-класса, а один снаряд гаусса пробил насквозь одно из крыльев, в то время как другой прошел через предплечье, чудом не зацепив его внутренности. Но рука у машины онемела, это точно.

Люция рывком выдернула из-за кресла прицел, совместила перекрестье с грудью шагавшего все быстрее Крестоносца и сняла предохранитель движением пальца. Над индикатором готовности засияли красные буквы — "ARMED".

— Огонь. — выдохнула она, нажимая на гашетку.

Вокруг ствола лучемета возникли лучики яркого белого света, словно утекавшие в ствол, начавшие вращаться вокруг него и сходиться ближе и ближе, пока и вовсе не слились в один. А затем из ствола вырвался слепяще-белый луч, понесшийся к Крестоносцу и заставивший Люцию прикрыть глаза рукой.

Когда свет исчез, грудь "Херувима" украсила огромная, похожая на наградной бант, опалина — термостойкое покрытие отслоилось полностью, обнажая голую нанофибростальную грудь машины.

А Крестоносец невозмутимо вскинул огнемет, держа его обеими руками, — видимо, пробитое предплечье отошло и вновь заработало, — и выпустил из него огромный, всепоглощающий шар пламени, заливший несколько зданий возле самого барьера и лизнувший группу Аристарховского, как рейверы лижут шеренги одинаково фаллических айс-крэков[36] на своих вечеринках.

— Назад! — Лэндлайт ударила по кнопке громкой связи. — Да назад же! Чего встали, шлюшьи дети?!

Она нацелилась туда, где должна была быть грудь "Херувима", вновь сняла уже перезарядившееся орудие с предохранителя и выстрелила.

И промазала, ошибшись с целью метров на семь вправо. Чуть позади нее с глухими ударами об землю приземлились разведывательные "Хьюмилити"-классы группы Исштмуса; да и Аристарховский наконец опомнился и вывел своих из-под фронта адского пламени.

А само адское пламя погасло. Погасло, оставив после себя огоньки на мостовой, где догорали лужицы расплавившегося металла, пылающие дома и два фонарных столба, пылающих и искрящих, и от этого еще больше похожих на врата Ада. Добро пожаловать в Ад, имя которому — свободный город Тегеран, оккупационная зона ООН.

Подняв огнемет вверх, Крестоносец шагнул вперед, проходя как раз между пылающими столбами. Бело-лиловая броня была покрыта копотью, а кое-где краска совсем слезла, обнажая нанофибросталь корпуса. Из-под шлема-капюшона пылали желтые глаза. Сияли белые кресты на закопченных плечах, сиял стальной нимб над головой машины, завывало, почти неслышимое, пламя на кончике огнемета. В левую руку эш-ка скользнула тут же ощетинившаяся магнитным полем булава.

Полковник Лэндлайт угрожающе навела на противника ствол протонного орудия.

***

Воздушная баржа SSF "Манта", воздушное пространство оккупационной зоны НПГ

— …Ну и мы походу всухую слили команду из четырех Вайомингских Ужасов, так что нам теперь точно не жить, ха-ха. — с кислой миной на лице сообщил Аоки. Его изображение на висящем посередине голокуба видеоэкране дергалось вверх-вниз, будто бы он был в движении — а так, собственно, и было.

— Вау. — сообщила Грейс Ванкувер, оператор миллениумовского "Ворпал Блейда". Миллениумовцев мы тоже допустили на брифинг, и в голокубе было, мягко говоря, чуть

теснее обычного. — Шеф, да вы в ударе, как я погляжу.

Аоки на бегу пожал плечами.

— Так, мальчики и девочки. Ситуацию я вам телеграфным стилем изложил? Изложил. Дальше сами решайте что делать. Мы будем искать Чхонли. Думаю, мы не так уж и далеко от цели, хотя черт его знает. Все, группа Химера — отбой.

"Химерой" Аоки называл сам себя. Собственно, его фамилия звучала похоже, так что он долго не думал. Это, конечно, был не его позывной, а сетевой хэндл, под которым его мигом узнали бы родные, некоторые знакомые, бывшие одноклассники, бывшие же любовницы, сослуживцы и, конечно, коллеги. То есть — мы.

По одному только хэндлу можно было многое узнать о человеке, но сейчас был не тот случай. Никто из потенциально прослушивающих сейчас наши переговоры его не узнает, а если узнает — что это ему даст? Аоки и так ни от кого не прятался и этим гордился.

Экран сжался в линию и исчез, сменившись обьемными буквами надписи: "C.I.E.L. - SOUND ONLY". Как нетрудно было догадаться, за "саундонлей" скрывался наш капитан де Монгольфье.

— Интересная информация, выходит. Мадам и мсье миллениумовцы, это ваш неизвестный эш-ка, нет?

— Наш? — недоуменно протянула Хильда, но тут же нашлась. — А. Точно. Мы не знаем.

— Вопрос был риторический. Но что мы все делать-то будем? Можно здесь висеть, а можно в принципе выслать эш-ка анубисам на подмогу.

— Сами справятся. — бросил я. — А серьезно, нашего интереса здесь нет. Мы просто висим тут дохлой рыбой и потом подбираем наших. А вот там уже разберемся, что и куда.

— Лелуш, да не лезь ты вперед маглева. — отмахнулась от меня Сэа. — Хотя я вообще не знаю. Предлагаю посидеть, оценить ситуацию и дождаться, пока наши потребуют их вытащить. А потом — все что угодно. Так, я кончила, говорите дальше. — она толкнула в плечо чуть не полетевшего кубарем Второго. — Але, пробирочник, к тебе обращаются!

— А?! Чё?! Тьху ты ёпта, Темпести, в хер бы я тебе сплющился? — сонно забормотал Лейдзи. — Пидары, дайте

поспать, а? Хоть бы и стоя…

— Вольфр-Икаруга, ану выдри у этого оболтуса сонник. — велела Темпести. Я показал ей средний палец.

— Во-первых, у него нету сонника. Во-вторых, сама все выдирай. В-третьих, ану оба прекратили, мать вашу. На нас дражайшие гости смотрят. — при этих словах Хильда удивленно хлопнула длинными ресницами, но я тогда смотрел в другую сторону. — В общем так, дражайшие гости, у нас технические неполадки, в связи с чем я ухожу. Сил нет больше терпеть этот балаган.

Я оттолкнул Темпести в сторону и вышел прочь из голокуба. Два шага, и передо мною раздвигаются автоматические двери.

— Господин Вольфр-Икаруга, подождите! — неожиданно обращается ко мне Дорнье. Я выхожу, не обращая на нее внимания, и слышу, как Сэа со вздохом втолковывает коллеге:

— Спокойно, без обмороков. Он немного подуется и отойдет, с ним всегда так…

Дверь отсекла меня от них.

Далеко я, конечно, не уходил. Я пришел в кают-компанию и оперся об поручень, смотря в иллюминатор.

По правому борту — персы. Вон, прохаживается рогатый колосс с гироджетом наперевес — разведчичек, "Вишну"-класс, отсюда и рога.

По левому борту — вон, что-то горит. Там ооновцы. Там Вайомингские Ужасы ищут-рыщут в поисках одного-единственного человека, по чьей воле я оказался втянут в эту сомнительную авантюрку. Да, и зовут его Ванем Чхонли.

И там же — Аоки, мой учитель и друг. И Сигиллайт Инграм Виндикатор, человек с труднопроизносимым именем. Тоже ищут-рыщут.

И что самое характерное, интереса нашего тут вообще нету. А моего и подавно.

Мой интерес — "Нордлюфтцуг" в ангаре. Но я уничтожу его в честном бою. И его оператора тоже. Хильда Дорнье на меня подозрительно часто смотрит. Это мне совершенно не

понравилось. Ну, женщины мне вообще совершенно не нравятся. Мужчины — тоже. Животные — тоже. Гадость это все, гадость, и я не понимаю ее, и понимать тоже не хочу. Потому что гадость, естественно.

А Сэа все-таки пришла по мою душу. Сразу после брифинга. В своих туфельках, узких джинсах и маечке без рукавов. На плечах шаль, в волосах шпильки. Чудом назвать язык не поворачивается. Такого чуда я бы врагу не пожелал.

Но вот ведь тоже друг, и я этого не скрывал. Между прочим, не хуже всех остальных друг.

— Твоими усилиями мы решили занять, м-м, выжидающую позицию. — как бы между делом сообщила она. — Ты задолбал уже, понимаешь? Вечно дуешься и срываешь ответственные мероприятия своими истериками…

— И ничего не могу с собой поделать, да. И вообще, вы и сами хороши. Нет бы серьезно отнестись к делу, а тут — одна выделывается, другой матерится…

— …третий истерит по поводу и без. Делай с собой что-то, ты уже даже меня задолбал.

— Да сделаю, сделаю я! Наверное…

— Ну так сделай. Ты же вроде многое переосмыслял, нет?

— А толку, если меня все вокруг постоянно бесит?

— Жуй таблетки.

— А это идея, кстати. — и правда, эмоциоподавитель мне здорово помог: мир под его воздействием воспринимался как-то серо, неинтересно и притупленно. Даже "Нордлюфтцуг" и его оператор, раньше заставлявшие меня дрожать от злости, не вызвали никакой реакции кроме легкого удивления. Так что не такая уж это и гадость, если бы не одно — рано или поздно вырабатывалось привыкание, а перспектива провести остаток жизни с притупленным восприятием окружающего(или ложиться на операцию по перестройке нервной системы, за которую могли содрать вплоть до годового бюджета какой-нибудь банановой республики) меня совсем не привлекала. Сознательно отказываться от большинства глупых и непонятных удовольствий — это одно дело, но лишать себя возможности ими же наслаждаться — это как-то слишком радикально.

Сэа раздраженно плюхнулась на диван.

— Идея, говоришь?

— Угу.

— Говно это, а не идея. Впрочем, как знаешь, меня ты все равно слушать не будешь.

— Ну что ты…

— Констатирую факт я, вот что. Эх-х ты, Вольфр-Икаруга… Я тебе уже говорила, что ты неблагодарная сволочь?

— Конечно.

— Ну так я повторяю это еще раз. И лично у меня в голове не укладывается, как такую сволочь земля носит.

— И что дальше? Я, типа, должен свою вину искупать? Может, еще и на колени встать? — вспыхнул я ни с того, ни с сего. — Знаешь, милая, а вот хер тебе с соей. И если ты думаешь, что своим бесконечным зудением и нытьем можешь добиться от меня взаимности — и не отнекивайся, твоими стараниями я о твоих мотивах если не знаю, то догадываюсь — то тебе уж точно не видать от меня ни взаимности, ни терпения. Да, оно у меня тоже имеет свой предел.

— Все сказал?

— Кроме того, что когда-нибудь хорошенько тебе врежу, если не перестанешь трепать языком.

— Сделай это, и можешь смело прощаться с чем-нибудь. Если повезет, отделаешься яйцами. — в голосе Сэа, как всегда взвинченном, угроза и вызов даже не скользили, а угрожали в любой момент пойти ко дну, как торпедированный экотеррористами танкер.

— Конечно, все что угодно. Угрожать ты можешь сколько угодно, но факта это не меняет: однако наша Аи сильно балована, если думает, что все вокруг ей должны по гроб жизни. И что-де нытьем можно чего-то добиться. Еще и от человека, который уже давно довел до ее сведения, что не заинтересован ни в жалких потугах на романтику, ни просто в досужем трахе по ночам. Да и еще наша Аи, которая сильно балована, не приемлет в данном вопросе никакой альтернативы кроме вот этого человека. Которому противно, блин, противно. Отвратительно. Страшно, если хочешь. Но нет, вот тебе надо ради удовлетворения своих низменных, прошу заметить, потребностей пристать к нему и начать его доводить, прекрасно зная, что результат все равно будет один и тот же.

— Много же ты понимаешь.

— Представь себе, Темпести, я все прекрасно понимаю. И если тебе это неприятно, то може-

Сэа вскочила с дивана и без предупреждения врезала мне под дых. Я оборвал свою фразу на середине, сложившись пополам от

боли, но она одной рукой схватила меня за горло и рывком вздернула на ноги. Ее лицо исказила ярость — неподдельная ярость. Хватка была такой, что я не мог вдохнуть и рисковал задохнуться — воздуха у меня в легких не было.

— Ты! Ничего! Не! Понимаешь! — прорычала она. — НИЧЕГО!

Последовал еще один удар, тоже в солнечное сплетение, рука Темпести разжалась, и я рухнул на пол, как груда тряпья. Сэа с ненавистью посмотрела на меня, а затем развернулась и ушла прочь.

Я напряженно задышал. Каждый вздох отзывался болью в верху живота, а в глазах стояли слезы. Пережатое горло саднило.

— Твою… мать… — просипел я, приподнимаясь на руках и тут же оседая обратно.

Похоже, я ляпнул что-то не то.

Совсем не то.

***

Свободный город Тегеран, оккупационная зона ООН

— Говорит Террубис. Похоже, мы обнаружили его укрытие, сэр!
— Что значит "похоже", Террубис?!
— Мы еще не завершили осмотр здания, капитан, сэр!
— ИДИОТЫ!! Не завершили — не докладывайте! Координаты мне, живо!
— Сэр! Есть, сэр!

Кимэра прослушал координаты и движением пальца выключил встроенный в коммлинк диктофон, тут же поставив запись на анализ и вычленение данных координат. Виндикатор вопросительно поднял взгляд.
— Похоже они его нашли. Координаты у меня есть. — заверил его Аоки. — Недалеко отсюда, как я понял.

— Насколько недалеко?

— Минут пятнадцать ходьбы. Туда движется их командир, но где он и как быстро здесь будет, я не знаю.

— Если он далеко — примерно тогда же, когда и мы. Ублюдки по крышам скачут. И носятся побыстрее нас с тобой.

— Тогда лучше поспешить.

— Логично.

Они тронулись с места и быстрым шагом поспешили по улице. Уже за первым же поворотом направо раздался шум ротора, и оба оперативника прижались к стене ближайшего дома: над их головами прошумел одноместный вертолет с буквами "UN" на бортах. Большую часть небольшой машины занимала кабина, а под носом висел одинокий пулемет. Размерами вертолет был чуть больше автомобиля — едва ли четыре метра.

"Они еще и летают!.."

"Спокойствие, только спокойствие."

Инграм приложил руку к лицу в жесте отчаяния. Вертолет, продолжая шарить блоками сенсоров по округе, унесся куда-то прочь, и рокот винтов окончательно стих, позволив Аоки и Инграму продолжить путь.

Вперед, свернуть налево, потом опять налево, потом взять вправо, потом опять по дороге — прямой и хорошо простреливаемой… К счастью, среди Ужасов не было много снайперов — солдатам-психопатам недоставало усидчивости. Здесь они тоже недавно проходили — их путь отмечали горящие автомобили и урны, украшенные вмятинами от усиленных силовой броней ударов ног стены и столбы, в одном месте столб был даже выдран из земли и лежал на боку.

Опять направо. Тут уже можно было просто-напросто идти по следам — о скрытности Ужасы тоже особенно не заботились. Не их это было дело.

"Пришли." — сообщил Аоки. Напротив непрезентабельного здания, выполненого в духе баухаус-модерна, стоял белый бронетранспортер — БТР-190, очевидно переоборудованный под мобильный командный пункт. — "Проверь-ка броневичок."

"Айн момент." — отозвался Инграм, выглянув из-за угла и переключив зрение на тепловой спектр. Вглядывался он долго, после чего вернулся обратно и сообщил: — "В броневике хрен

кого разглядишь. В здании, по крайней мере около стен, никого".

"Дык прикрой меня." — Аоки решительно двинулся за угол, но был перехвачен Виндикатором, схватившим его за плечо.

"Куда собрался-то? С катаной на БТР?"

"Нашел идиота!" — Кимэра продемонстрировал напарнику переходник человек-машина, который демонстративно воткнул себе в порт за ухом. — "Я его взломаю, а в здание мы въедем на нем же."

"Мозги сожжешь."

"Хрен тебе. Я набит софтом военного уровня под завязку. От простых кейгенов до парочки ледорубов, ну и фаерволлы и фейлсейфы. Все выйдет."

"Софт чей? Ведь не японский?"

"Что ты! Очасти русский, очасти французский. Не бойся, говорю же, меня натаскивали на специалиста РЭБ, мне не впервой."

"Прямо как мою дорогую Грейс…"

"Так ты прикроешь меня или нет?"

Не дожидаясь ответа, Аоки выскочил из-за угла и побежал. Как и следовало ожидать, один из сенсорных блоков БТР развернулся в его сторону и начал разворачиваться пулемет в люке. Кимэра тут же метнулся в противоположную сторону, прыжком преодолел расстояние до машины, сноровисто, как и подобает приученному лазать по выступам корпуса эш-ка оператору, забрался на крышу и повторил вошедший в городские легенды подвиг. То есть, перерубил мечом корпус пулемета[37].

БТР — все-таки беспилотный — завертел башней, надеясь зацепить его стволом. Кимэра рухнул на крышу и подполз чуть поближе к башне, где находилась, закрытая заглушкой, служебная панель управления машиной. Ствол рельсотрона, укрепленного в башне, пронесся у него над головой, но сбить прижавшегося к крыше Кимэру не смог — слишком высоко был. Пока машина нагибала ствол чуть ниже, Аоки успех подползти вплотную к панели и повернул ручку заглушки; заглушка поддалась, и он отбросил ее в сторону, свободной рукой схватил болтавшийся возле уха провод переходника и воткнул его в порт с надписью "чел. — маш. интерф.".

Ствол рельсотрона, угрожавший сбросить Кимэру с крыши БТР, замер в десятке сантиметров от него — ИИ машины прекратил реагировать на внешние раздражители, кроме одного, пробивавшего сейчас ее фаерволлы.

Аоки сжал зубы — от запускавшихся его же мозгом программ у него начала болеть голова. Воображаемый интерфейс перед глазами бесстрастно расписывал течение процедуры взлома, количество пробитых фаерволлов, состояние льда и общий статус системы безопастности БТР.

Ледоруб пришел в действие, как только распался последний фаерволл, врубившись в лед БТР — последний и самый опасный рубеж защиты ее ИИ, не стеснявшийся и поджарить незадачливому кулхацкеру мозги[38]. В отличие от более медленных собратьев, этот ледоруб, вышедший из закрытого государственного киберколхоза где-то в дебрях Сибири и скромно прозванный "Проклинателем", сразу же вступил со льдом в борьбу не на жизнь, а на смерть. В конце концов, хакеру-спецназовцу требовалось, если вообще требовалось, сломать вражескую защиту за десяток секунд под вражеским обстрелом, а не за пять часов до начала операции.

Аоки пожалел только, что не находился сейчас в "Маджестике". Эш-ка РЭБ проделал бы всю операцию сам, не отвлекая лишний раз оператора и не заставляя последнего страдать от мигрени. Но долго мучаться ему не пришлось: ледоруб последним, решительным броском переструктурировал лёд БТРа окончательно. Кимэра скрипнул зубами и взялся за виртуальную клавиатуру и кейген — отработанные до автоматизма процедуры передачи административных прав не заняли у него и минуты.

Он с наслаждением вырвал из порта за ухом шнур переходника и тихо застонал, ощущая, как мигрень понемногу отступает из его головы.

— И от кого мне было тебя прикрывать? — спросил подошедший Инграм, пытаясь вращать "Кфир" на пальце. Этому немало припятствовали приличные габариты револьвера, который и держать-то надо было двумя руками. Впрочем, Виндикатору нравилось, да и пистолет стоил недешево.

Кимэра не ответил, продолжая валяться на крыше БТР и тихо постанывать от наслаждения — от проделанной работы и от уходящей мигрени, само собой.

— Оргазмируешь потихоньку?

— …Иди ты. В любом, ух-х, случае, карета подана, прошу сади… садиться.

Виндикатор пожал плечами и забрался на крышу БТР.

— А как мы поедем? — спросил он и тут же об этом пожалел; бронетранспортер рванул с места, взревев, как тираннозавр в брачный период, и на полном ходу протаранил сначала фасад здания, а потом еще две стены, после чего остановился. Башня развернулась в сторону и двумя выстрелами покончила с… двумя Ужасами, чей оптический камуфляж немедля деактивировался. Рядом с их продырявленными телами зиял спуск вниз, откуда был виден горящий там яркий свет.

— Приехали. — сообщил Аоки и спрыгнул с БТР. Инграм кивнул и спрыгнул вслед за ним, на ходу переключая зрение на тепловое.

— Внизу четыре… нет, пять человек. Нам, похоже, туда. — сообщил он.

…Первым же, что их встретило внутри, были трупы шестерых Ужасов, разбросанные по подсобному помещению. Ближе ко входу, выставив вперед карабины, стояли четверо еще живых солдат. Один из них — судя по дисплеям-погонам на плечах, капитан — шевелил в воздухе поблескивавшей мономолекулярной нитью; незаточенную ее часть он переплел между пальцев правой руки. Напротив Ужасов, небрежно держа в согнутой руке пистолет, стоял человек в деловом костюме. Как оказалось при ближайшем рассмотрении, он был китайцем, а внешне ему можно было дать лет пятьдесят шесть: к омолаживающим процедурам он не прибегал. Его голова была абсолютно лысой, а подбородок украшала аккуратная, заплетенная в косички треугольная бородка. Глаза с морщинистыми веками отличались необычайной ясностью и незамутненным цветом радужной оболочки, характерным для искусственных глаз; по ободку радужки, если сильно присмотреться, можно было заметить крошечные буквы "Carl Zeiss".

По всем признакам, внешность китайца совпадала с внешностью Ваня Чхонли.

Того самого, которого искали ООН и Ватикан.

— Что это? — Чхонли, а это, вероятнее всего, был он, обратил

внимание на вновь пришедших; его глаза двигались независимо друг от друга, как у хамелеона. — Этцель, вы пригласили своих друзей?

Уши-локаторы на шлеме капитана дернулись назад.

— Нет! И я понятия не имею, кто это такие! — рявкнул он.

— Как жаль. — отреагировал Инграм, поднимая "Кфир". — Нам пришлось убить нескольких ваших подчиненных, капитан… Этцель, нет? Впрочем, неважно… — он было шагнул вперед, но ствол пистолета Чхонли метнулся в его сторону. Красная точка прицела находилась прямо у Виндикатора на лбу.

— Спокойствие, только спокойствие, господа. И вы, капитан, тоже не нервничайте. Кто вы такие, господа?

— Сигиллайт Инграм Виндикатор, "Опергруппа "Миллениум"". Я пришел за вами.

— Как мило. Но я, увы, не собираюсь уходить ни с кем из вас. Я уйду сам. Ну, не позже, чем когда я поубиваю всех вас.

— А что мешало сделать это ранее? — спросил Аоки.

— Желание немного подержать этих джентльменов в напряжении. — кивок в сторону Ужасов. — Каждый раз, когда кто-то из них двигался с места, я убивал его. Они, понимаете ли, пришли, ожидая увидеть на моем месте некоего разжиревшего чинушу, который бросится им в ноги и станет, рыдая и размазывая сопли, молить о пощаде. Ха, молить о пощаде Вайомингских Ужасов? Благодарю покорно! Вот пускай и постоят. Подумают над своим поведением. Хотя они и не могут этого сделать, их головы слишком затуманены наркотиками и психокондиционированием. Да черт побери, господин Виндикатор и господин…

— Кимэра. Аоки Кимэра.

— …и господин Кимэра, послушали бы вы, что они тут за песни заводили! Что-де они притащат меня к своему командиру — некоей полковнику Лэндлайт — чуть ли не на цепи, и пойдут по ее приказу хоть на край света, все дела… Каждого Ужаса подвергают строгому психокондиционированию, разрушить которое им самим без чужого вмешательства невозможно, а ни один Ужас такого совершить над ним не позволит. Наркотики им специально предписаны, чтобы они не дай бог не нарушили кондиционирование, а на всякий случай в череп встроена бомба, которую мозг Ужаса автономно подорвет при малейшей попытке внешнего вмешательства… Не правда ли, чудесно? Превосходные цепные псы. По-собачьи преданные, но совершенно сумасшедшие.

— Господин Чхонли, может, мы оставим ужасологию на

потом? — спросил Виндикатор. — Мне, может, и приказали вас пленить, но я просто вас убью.

— А сумеете?

— Сумею. Капитан Этцель, вы позволите задать вам вопрос?

— Спрашивай! — коротко выкрикнул капитан Ужасов.

— Что это за неизвестный эш-ка там, в центре города?

— А отчего вы взяли, что я вам это скажу?

— Скажем так, мы поможем вашему командиру… когда разберемся с Чхонли. Даю слово, если оно чего-то еще стоит. Как вам?

— Там находится эш-ка Крестоносцев Святого Престола! — рыкнул Этцель. — Этот шелудивый пес там всего один, но доставляет полковнику массу хлопот, и наш долг быть сейчас с ней!.. Но увы, у нас приказ!

— Как это мило! — воскликнул Чхонли. — Я бы поаппладировал, да руки заняты. Какая верность, какая откровенность!

— Говори-говори, пока еще можешь!!

— Ха! В отличие от вас, господа, я еще смогу это сделать. А вот вы — нет.

— ОШИБАЕШЬСЯ!! — взвыл Этцель, срываясь с места и взмахивая нитью, перерезавшей несколько шедших по потолку труб. Чхонли же отреагировал вполне ожидаемо — он выстрелил.

Капитан Гвидо Гордон Этцель отшатнулся назад, пораженный пулей крупнокалиберного пистолета прямо между глаз-камер шлема. Нить в руке хлестнула в последний раз, оставив в потолке царапину и разрезав пополам пистолет Ваня Чхонли.

— Вы… обещали..! — прошелестел динамик шлема, когда нить опала на землю вслед за его телом. Возможно, система прочитала последнюю мысль пользователя и озвучила ее, неизвестно, но даже Ужас не мог бы выжить после прямого попадания в голову.

Но этого было достаточно, и вперед метнулся Инграм, хватая Чхонли одной рукой за полу сюртука, а другой пытаясь прицелиться в него. Бывший президент КЭГ дернулся прочь, споткнувшись и чуть не полетев на пол; из кармана сюртука выпал крошечный, почти незаметный мем-кард, а сам его хозяин вырвался из рук Виндикатора и припустил прочь, по коридору куда-то вглубь подсобных помещений. Живые Ужасы устремились за ним.

Когда грохот сапог затих вдали, Аоки нагнулся, взял мем-кард пальцами и засунул его в один из своих бездонных карманов.

— Он уйдет.

— Само собой уйдет. — спокойно ответил Виндикатор, опуская "Кфир" в кобуру и достав вместо него церемониальный "Монблан", который он начал вращать между пальцами. — Аоки, будь так добр, сообщи нашим о том, что мы возвращаемся. И пусть они вышлют эш-ка в сторону этого… Крестоносца, или кого там. Мы ведь обещали, в конце концов.

— Хорошо. — кивнул Аоки, и перед его глазами вновь появилась консоль воображаемого интерфейса.

***

"Один"-класс, лишившийся ноги, завалился набок, а "Херувим" Крестоносца с булавой наперевес перешагнул через павшую машину. Это, после двух машин из группы Исштмуса, был третий пораженный Крестоносцем эш-ка.

Вань Чхонли ускользнул. Люция об этом уже знала, равно как и о гибели капитана Этцеля(о чем она нисколько не пожалела, а совсем наоборот) от рук беглого гендиректора и о идущем сюда подкреплении, предоставленном "Синамурой". Насчет последнего она нисколько не возражала: если хотят — пусть приходят, в конце концов, "Синамура Парамилитарис" и "Анубис-Хед" сотрудничают между собой. Плюс была еще одна возможность посмотреть на "Кросс Трайфорс", если его отправят сюда.

Стыд-позор. Численно и морально превосходящие противника операторы "Шакал-Фараона", по уровню подготовки равные спецкорпусам Японии, Англии и России, несли потери и отступали вглубь города от одного-единственного эш-ка.

— Да это просто супер-робот какой-то! — возопил Аристарховский. Его машину наполовину скрыли выхлопы ракет, выпущенных по противнику. Корпус "Херувим"-класса уже покрылся выбоинами, а кое-где выглядывали внутренности гигантского робота, но он нисколько не потерял ни в мобильности, ни в силе удара. Один удар энергетической булавы ломал конечности эш-ка и сносил крупные куски брони.

Пробоин стало чуть больше, а несколько пластин юбки и обшивки на предплечьях врагу пришлось сбросить, что не помешало ему оказаться возле "Киров"-класса и нанести удар, который канонирский эш-ка блокировал руками.

— Полковник, капитан! Бейте его! — выкрикнул оператор "Кирова", отступая на шаг. В широких, закрытых навесными пластинами, предплечьях начали формироваться выбоины, а суставы заискрили.

— Август! Он тебе сейчас руки расхерачит! Руки убери! — выкрикнул Герман, бросаясь вперед. Протонное орудие "Птолемея II" с шипением отсоединилось и гулко ударилось об землю, а эш-ка выхватил из раскрывшихся подобно стальному цветку ножен на поясе хопеш — длинный серпообразный меч, бывший в ходу среди элитных подразделений Древнего Египта. Инженеры-конструкторы, проектировавшие "Птолемеи", не могли удержаться от создания подобного меча, для которого даже ножны нужны были раза в два шире.

Но как он резал — мало бы не показалось.

Руки "Киров"-класса с хрустом и скрежетом сломались, бессильно обвиснув, а второй удар булавой в бок проделал в средней секции машины заметную выбоину и сбил ее с ног.

— Август, бросай машину! — "Птолемей II" занес хопеш над головой и с силой опустил его на плечо врага. Тот отреагировал незамедлительно, отстыковав уже больше походивший на решето наплечник, оставшийся на лезвии хопеша и потянувший оружие вниз. Аристарховский, не будучи идиотом, не попытался вытащить меч, а бросил его вместе с наплечником и попятился назад. Взмах булавой пришелся в пустое место — задний ход "Птолемей II" дал резвый.

Голова "Херувима" развернулась к Лэндлайт.

— Даже если вы оторвете мне руку, полковник, я не покину поле боя.

— Отчего такое упрямство? Обет бесстрашия дали какой-то?

— Мне нужен Вань Чхонли.

— Его уже нету в городе.

— Откуда столь точная информация, полковник? Я вам не верю. А пока мне не выдадут Чхонли или мой штурмовой комплекс не будет уничтожен, я буду продолжать бой. И я сожгу

весь этот город, квартал за кварталом. Давно пора. Все-таки, это змеиное гнездо неверных.

— Они бы вам порассказали о "неверных"…

— О, не сомневаюсь.

Булава опустилась на поднявшийся было ствол лучемета, подняв фонтан искр. Люция выругалась и ударила по кнопке отсоединения оружия. Остатки лучемета с шипением отсоединились и упали оземь, а "Птолемей I" попятился назад.

— Герман, Исштмус, мы отступаем! — скомандовала полковник. — Что там с вашими отрядами?

— Эвакуируются с поля боя.

— То же самое.

— Так передайте им, чтобы прибавили ходу!

Крестоносец сдернул с плеча огнемет, изрыгнувший пламя, охватившее сразу несколько зданий.

— …А то этот поганец хочет тут все сжечь.

— Вас понял.

— Вас понял.

Полковник, скрывшись за углом, послала свой эш-ка бегом, остановившись на другом конце улицы, за высоким зданием. Вдали загорелся еще один дом, подожженный гигантским огнеметом "Херувима".

— Контроль, говорит "Птолемей I", прием!

— Слушаем вас, "Птолемей I". - отозвался офицер-диспетчер в командном пункте "Шакал-Фараона".

— Свяжитесь с авиабазой, — она вызвала ростер воздушных сил ООН, расквартированных поблизости от Тегерана, и продолжила: — с авиабазой 76ого смешанного авиаполка ВВС Франции. Мне нужен авиаудар по центру Тегерана, а точнее — по координатам, которые я сейчас отправлю. И он нужен мне в самое ближайшее время.

— Вас поняли. Мы посмотрим, что можно сделать. Отбой.

— Отбой.

На радаре появились еще две точки, направлявшиеся в сторону жгущего Крестоносца на приличной скорости. Точки неопознанные, но по первому же запросу они передали свои опознавательные сигналы — SSF "Кросс Трайфорс" и MT "Айвори

Тауэр".

Летящие эш-ка показались в поле зрения "Птолемея I" довольно быстро: серый "Кросс Трайфорс" сжимал в руках гауссовку, а белый "Айвори Тауэр" был вооружен двумя гироджет-карабинами. Достаточно скромно, но если учесть то, как был поврежден "Херувим"-класс — у них были все шансы.

Только вот "Миллениум", работающий вместе с "Синамурой"? Интересно. В чем-то, выходит, их интересы сошлись. А что было тогда, на Подножии — то пылью заросло.

Машины спланировали вниз, скрывшись за зданиями. Люция бросилась обратно как раз вместе с первым выстрелом.

Когда она добежала до пылающей улицы, у "Херувим"-класса недоставало одной руки — как раз той, с которой усилиями Германа был снят наплечник. Рука была перебита сразу под плечевым суставом и валялась на проезжей части. Пусковая установка реактивного огнемета тоже была уничтожена.

— Ану стоять. — рявкнул "Кросс Трайфорс", прильнув к прикладу винтовки Гаусса, направленной прямо в грудь Крестоносца. — Бросай оружие, головастик. — глаз машины метнулся в сторону эш-ка полковника. — Мое почтение, миледи!

— Взаимно. — сообщила Лэндлайт по громкой связи. — Вас что, только двое?

— Конечно же нет. Просто у нас катапульт только две… Ану стоять, я сказал!

Ствол огнемета разлетелся на части. "Херувим" недоуменно поглядел на огрызок своего оружия, затем на противника, и отбросил огнемет, перехватив обеими руками булаву.

— Союзники Виндикатора, я полагаю? — прогремел Крестоносец. — Что ж. С ним мы разберемся позже. А сейчас…

Двигатели на спине "Херувим"-класса взревели, подбрасывая его в воздух; эш-ка отвел булаву для сокрушительного удара по средней секции "Кросс Трайфорса", которая увенчалась бы успехом, если бы тот не отступил и не выстрелил. Выстрел прошел вскользь по голове Крестоносца, сбив сенсоры машины с толку, а серый "Дармштадт"-класс спокойно повесил винтовку на плечо и достал из ножен меч. Угольно-черное лезвие меча начало

приобретать оранжевый цвет раскаленного металла.

Меч и булава столкнулись. Полетели искры.

— Какие союзники, ты о чем? Считай, короче, что у меня здесь личный интерес…

"Кросс Трайфорс" отступил на шаг назад, отвел меч и нанес удар в бок грудной клетки "Херувим"-класса.

— …Я просто хочу зарезать тебя, как свинью!
— Позволь мне отказаться. — Крестоносец дернулся назад, и "Кросс Трайфорс" был вынужден высвободить меч. "Херувим" повернулся так, чтобы правое плечо с пусковой установкой на нем смотрело прямо на противника.

После этого контроль над ситуацией окончательно ускользнул от полковника Лэндлайт. На радаре было еще две точки, но они несколько запоздали к последующему событию.

"Херувим"-класс открыл по "Кросс Трайфорсу" огонь из реактивного огнемета.

Серую машину захлестнуло пламя.

***

Да, упереждение запищало, но было слишком поздно — когда я развернулся, первые же снаряды, наполненные липким напалмом, ударились об грудь "Кросс Трайфорса". Липкий напалм, выплеснувшись наружу, тут же, во-первых, пристал к броне эш-ка, облепив нагрудник слизью, а во-вторых, тут же воспламенился.

А в нагруднике, скрытая толстой, но отлично передающей тепло броней — кабина.

А в кабине — я.

Мне уже приходилось ковылять с разбитой в хлам системой охлаждения, но тогда, по счастью, за бортом было гораздо меньше сорока градусов выше нуля, и я просто открыл люк. К тому же, из реактивного огнемета меня никогда еще не

обстреливали.

Но ощущение было такое, будто бы я вдруг попал прямиком в ад. В такой ад, где от собственно адского пламени ты надежно отгорожен, но от его жара оно тебя не спасает.

А жар стоял невозможный. Трудно было даже дышать. Я весь взмок, но пот от стоявшего жара сразу же высыхал на коже. Одежда прилипла к телу, а собственная кожа казалась раскаленной. Губы пересохли, а глаза будто бы собирались лопнуть; стоило мне закрыть их, как жар становился еще более невыносимым. К тому же, я совершенно потерял ощущение времени.

Я жарился несколько минут, ослепленный и оглушенный, и эти несколько минут показались мне вечностью.

А потом я позорно потерял сознание от жары и погрузился в блаженное бесчувствие.

В ретроспективе, лучше бы я в него не погружался.

***

Аккуратно обойдя пылающий "Кросс Трайфорс", "Израфель"(а этим "Херувимом" был именно он) столкнулся с одной небольшой, но последней в его жизни проблемой.

На дорогу приземлился, складывая крылья модуля воздушного развертывания за спиной, "Вейл Дементиа". А за его штурвалом сидела, как и всегда, Сэа Темпести.

Конкретно проблемой же было то, что Крестоносец, управлявший "Израфелем", только что обстрелял "Кросс Трайфорс" из реактивного огнемета. На войне все средства хороши, в том числе и негуманные. Вообще говоря, Сэа тоже было наплевать на гуманность.

Просто в кабине "Кросс Трайфорса" был Лелуш. И что он сейчас ощущал, она вполне могла представить.

— Ну уж нет. — пробормотала она себе под нос.

Сумасшедшая перекошенная ухмылка не сходила с ее лица, будто бы кто-то ее приклеил. — Причинять ему боль может только… кто-кто?

"Вейл Дементиа" вытащил из ножен на боку короткий меч — гросс-мессер.

— Правильно, только я!

И эш-ка устремился вперед. Реактор подавал энергию чуть ли не на пределе своих возможностей, и один рубящий удар гросс-мессера перерубил рукоять булавы пополам. Второй удар, нанесенный под капюшон "Израфеля" снизу вверх, разбил глаза-камеры и пробил радарную установку. А для третьего удара Сэа перехватила "большой нож" обратным хватом и со всей силой, на которую были способны руки "Вейл Дементиа", вогнала его в люк кабины, пробив его насквозь, как консервную банку, и сокрушив оператора в кровавую пыль.

Так и бросив нож в начавшем терять равновесие "Израфеле", Темпести ринулась вперед, схватив "Кросс Трайфорс" обеими руками. Напалм уже понемногу выгорел, и ей осталось только затушить его выпрыскиваемым из ладони эш-ка дезинтегрирующим агентом, а затем открыла люк, почти выпрыгнула наружу и перебежала по руке машины, рискуя упасть, на крышу "Кросс Трайфорса". Раскаленный металл обшивки ощущался даже через сапоги, но ей было наплевать. Поднимая заглушку пульта управления люком, она обожгла себе руки, но ей было наплевать. Бронированный верхний люк поднялся, затем раскрылся нижний люк, и она уже гораздо осторожнее опустилась в кабину.

— Вольфр-Икаруга, ты сволочь.

Он не ответил.

— ТЫ СВОЛОЧЬ!!! — она залепила ему пощечину, заставив его голову в нейрошлеме упасть набок, как у физической марионетки. — Сволочь, сволочь, сволочь!

Лелуш не отвечал. Он был без сознания по вполне понятной причине — воздух внутри кабины был раскаленным. ИИ додумался выключить реактор, но на улице было немногим прохладнее.

Сэа сглотнула, пытаясь прогнать застывший в горле ком, и сняла с Лелуша нейрошлем — вернее, просто отцепила, и он скатился куда-то под сидение. За нейрошлемом последовала очередь ремней безопастности, а потом ей осталось только взвалить его себе на плечи и переместить наверх, чтобы потом выбраться самой.

Он был весь липкий, горячий и неожиданно легкий. Сравнительно легкий, но на вес ей тоже оказалось наплевать. Перебраться обратно на свой эш-ка, держа его на руках, было гораздо труднее, чем просто перебраться туда. Тоже плевать. Все еще держа Лелуша на руках, Сэа спрыгнула вниз, на поймавшие их подушки ложемента.

Он так и не пришел в сознание. Она ударила его по ребрам, скорее от разочарования, чем от злости. Ответом был только тихий хруст.

— Сволочь-сволочь-сволочь… — бормотала Сэа, как заведенная. Даже улыбка куда-то исчезла с ее лица. — Сволочь-сволочь-сволочь-сво…лочь…

В глазах у Темпести стояли слезы, и она всхлипнула — сдавленно и беспомощно, уткнувшись носом в горячую и липкую от пота шею Лелуша и прижав его к себе, как большую плюшевую игрушку.

Она не любила плюшевых игрушек. А зачем? Рядом всегда были люди. Теплые, мягкие и живые.

Сэа всхлипнула еще раз и, шмыгнув носом, лизнула Лелуша в щеку, проводя языком по влажной и местами шершавой коже, спускаясь ниже, к шее, которую она тоже облизала и впилась в нее зубами. Руки, продолжавшие прижимать его к ней, скользнули под мокрую рубашку, и ногти впились в спину, оставляя борозды покрасневшей кожи. Сэа, не отпуская его шею, легонько поерзала туда-сюда, все еще прижимаясь к бесчувственному Лелушу и чуть не прокусила ему шею до крови. Выпустив его шею, она притиснула Вольфр-Икаругу к себе еще крепче, теперь уже не царапая ногтями, а просто поглаживая. На обожженные ладони это действовало даже приятно.

— Подумать только. — прошептала она, и улыбка медленно

начала возвращаться на ее лицо. — Я все-таки без пяти минут насилую его труп.

Она опять потерлась об него — чуточку поинтенсивнее, чем в первый раз.

— А еще говоришь, что я свои обещания не исполняю… Ведь исполняю, правда?

Лелуш, по-прежнему без сознания, молчал.

— …Значит правда. — удовлетворенно шепнула она и улыбнулась сама себе.

Глава IX

Лейдзи зябко поёжился под наброшенным на плечи плащом. Ночи в здешних широтах были холодные донельзя, а совсем недавно бушевавшие в центре Тегерана пожарища уже затушили. Совершенно зря, все равно центр города придется отстраивать заново. Он вздохнул, поправил берет на голове и вернулся к своему занятию.

Перед ним горой оплавленной и покореженной нанофибростали возвышался эш-ка Крестоносцев Святого Престола — "Херувим"-класс, бортовой номер ННАС-7, имя — "Израфель". Уже открытый люк был пробит насквозь, а кабина была приведена в полнейшую негодность. Глаза были разбиты, РЛС уничтожена. Левая рука висела мертвым грузом, но в основном механизмы были не повреждены, кроме плечевого сустава и пусковой установки. Ладонь правой руки не выдержала нагрузок и сегменты разошлись в стороны, едва соединенные готовыми разорваться мышцами. Часть радиаторов не функционировала, а дополнительные батареи выгорели начисто. Сервомоторы… Второй заглядывал уже под юбку и колени машины, и состояние сервомоторов и мышц заставило его пожелать всем участникам сражения и их родственникам до семнадцатого колена включительно мучительной смерти от множественных разрывов прямой кишки.

При всем этом, машина еще подлежала восстановлению, хотя ее пришлось бы загнать в ремонтный док[39] на месяц-другой. Но даже в таком состоянии она составляла для доброй половины мира, включая Лейдзи, большой интерес. А если ИИ не поджарил себя при отказе управления — так и того хуже.

К несчастью для доброй половины мира, большой интерес к "Израфелю" проявлял и Лейдзи, как уже было сказано. И больше того, второй из братьев Вольфр-Икаруга перебывал(в отличие от первого) в превосходном расположении духа. А все из-за того мем-карда, который принадлежал скрывшемуся в неизвестном направлении Ваню Чхонли. Выпросить карточку у Аоки не составило труда, хотя японец и взял с Лейдзи обещание вернуть ее. Что ж, он ее вернет. Только сначала скопирует. У него свой интерес: если звезды на небе сложатся в фаллический символ, то

на мем-карде будет то, что подкрепит его гипотезы о злополучном орбитальном лазере. А так оно, скорее всего, и будет; он уже мельком проглядел содержимое. Что до "Синамуры" — родной корпорации был нужен компромат на высшее руководство КЭГ, которое могло порицать бывшего начальника сколько угодно, но содеянного ранее точно не утаишь. Если там есть, что утаивать, а у кого нет секретов? Недаром тайнохранение — весьма и весьма прибыльный бизнес.

Лейдзи хотелось врубить на встроенном в "Юстикатор" плеере[40] какой-нибудь винтажный диско-метал и пуститься в дикий, безудержный пляс и танцевать, танцевать, танцевать до упаду; нет, до полного истощения! Он заполучил — почти заполучил, но кого волнуют мелочи! — ключ к исполнению желаний. Без преувеличения — остов "Израфеля" им и был, и производители эш-ка по всему миру падут к его ногам за обещание поделиться хотя бы кусочком информации о машине. Если, конечно, ему удастся вытащить "Израфель" отсюда.

Позади, как нельзя вовремя, раздалось громогласное бибиканье закрытого трейлера для эш-ка. Трейлер был судном на воздушной подушке — только она могла выдерживать вес эш-ка и поддерживать при этом высокую скорость. Да, дорогу для нее пришлось расчищать, а сам трейлер — умыкнуть с причалившей за городом "Манты"(хотя и принадлежал он "Миллениуму", так что об угоне и речи не шло), но сейчас "Израфель" будет надежно упрятан внутри грузового отсека и в кратчайшие сроки доставлен в надежное место.

— Спасибо! — крикнул Лейдзи, развернувшись к приближавшемуся трейлеру лицом и отходя вбок, с дороги.

— Не за что! Всегда приятно иметь дело с хорошим человеком! — выкрикнул в ответ Сигиллайт Инграм Виндикатор, высунувшись из окна кабины.

— Ой, и не говорите, Ingram Sigillaitovich… — с виноватой улыбкой пробормотал Лейдзи и трусцой побежал к трейлеру. Передняя рампа трейлера уже раскладывалась, а вперед вытянулись рельсы погрузчика, чьи щупальца намертво присосутся к корпусу эш-ка и затянут его в кузов трейлера.

Виндикатор покачал головой и помог Лейдзи взобраться наверх, к кабине.

— Клянусь, мистер Вольфр-Икаруга, это самый худший

русский, который мне доводилось слышать.

— Pravda? O, ya proshu proscheniya, tovarisch Vindikator…

— Я серьезно.

— Ладно, ладно, больше не буду. Встречный вопрос — вы точно ни о чем не жалеете?

— Если вы вдруг обманете меня — могу и пожалеть.

— Что вы, что вы! Полностью взаимовыгодная ситуация. Не в моих привычках обманывать своих коллег.

— Привычка, достойная найвысшей похвалы. — Инграм что-то поколдовал над воображаемым интерфейсом, и уже присосавшиеся к "Израфелю" щупальца погрузчика натужно зажужжали и потянули тяжеловесную тушу в трейлер.

— Право, вы мне льстите. Я просто еще недостаточно испорчен этим таким-как-он-должен-быть миром, вот и все.

Виндикатор хлопнул его по плечу.

— Вот и останьтесь таким как и есть. Этот мир многого не потеряет, если не досчитается еще одного меркантильного ублюдка.

— Спасибо, коллега. Я как раз собирался это сделать.

Погрузчик натужно жужжал, а неуклонно приближавшийся к зёву рампы "Израфель" тащился по земле с грохотом и скрежетом. Где-то над их головами послышался звук работающей электролитической ячейки, гудение сервомоторов, звон бронированной юбки и глухие, сотрясающие землю шаги — это "Нордлюфтцуг", с трудом различимый на фоне предрассветного неба, занял позицию над трейлером.

— Мбабе ждет нас чуть дальше. — зазвучал из архаичного переговорного устройства на воротнике Виндикатора голос Хильды Дорнье. — Дорога из города девственно чиста.

— Понятно. Прекрасная работа, Хильда.

— Благодарю вас.

Без зазрения совести Второй мог сейчас сказать, что Хильде долго не жить на этом свете. О том, что она и его нерадивый братец желают сцепиться друг с другом, и отнюдь не в едином порыве желания и страсти, знал весь экипаж "Манты" до последнего нанобота в кантине. Лелуш ее на дух не переносил, хотя и терпел покаместь, а она провожала его мечтательным и очень нехорошим взглядом. Поэтому, если весь "Миллениум" входил в начавшие выстраиваться планы Лейдзи, то Хильде место

там было одно — в качестве жертвоприношения для утоления жажды крови его брата. Лейдзи это вполне устраивало — без жертв все равно не обойтись, да и Хильда окончит свою жизнь, как подобает воину и оператору эш-ка.

В победе Лелуша Лейдзи не сомневался ни секунды.

— Мистер Вольфр-Икаруга?

— М-м?

— Каковы наши дальнейшие действия?

— Дык, все то же самое. Только спрячем этого красавца. Раздобыть бы еще одного… их же много, Крестоносцев?

— Вообще, да. — протянул Виндикатор. — Но сколько их здесь, можно только догадываться.

— Дык понятно. Ну ладно, а там это дело техники… упс. Точно. — Лейдзи умолк, только вспомнив количество участвовавших в сражении с "Израфелем" машин. — Но это еще раз говорит, что мне нужен если не лучше, то хотя бы такой же эш-ка.

— Нужен? Зачем, мистер Вольфр-Икаруга?

— А зачем еще нужны штурмовые комплексы? — недоуменно приподнял бровь Лейдзи. — Война, война, война и еще раз война. Наступления, оборона, блицкриг, выжженная земля, пылающие города, распятые тела, желательно на броне… Я звучу как облако тэгов, верно?

— Похоже на него. — кивнул Инграм.

— Ха! Ну, в скромных масштабах мне это все и нужно. Я, кстати, к вам поэтому и обратился за помощью. Дело в том, что я хочу создать действующее вооруженное соединение, которое полагается исключительно на эш-ка. Ну может быть какие-то единицы поддержки, например авиация. Но все остальное — только штурмовые комплексы, они родимые. А "Миллениум" им и является, только в крайне малом варианте и с крайне малым бюджетом.

— А вы, коллега, замахнулись сразу на что-то размером со спецкорпус?

— Не буду скрывать, что потенциально — да, именно это мне и нужно.

— Безумие! — Инграму приходилось кричать, перекрывая скрежет поднимавшегося по рампе "Израфеля". — Пусть даже деньги, пусть кадры, пусть и какие-то эш-ка..! Но до уровня подготовки спецкорпусов! Невозможно!

— А это и не должен быть… малый промежуток времени! Я буду искать, ждать, планировать, добывать средства, решать

проблемы..! Рано или поздно, но своей цели я достигну!

— Похвальная устремленность!

— О, я не сомневаюсь!

Грохот и скрежет наконец улеглись, и рампа начала закрываться. Виндикатор жестом пригласил Лейдзи на пассажирское сидение в кабине. Упрашивать того дважды не потребовалось.

— Просто понимаете, мистер Виндикатор, у меня есть мечта. Я еще пока смутно представляю, каким образом она будет осуществлена, но времени у меня хватит. Так что же, вы со мной, коллега?

Виндикатор завел мотор и посмотрел на протянутую руку Лейдзи.

— Пожалуй, что да. — он пожал руку Лейдзи и снова взялся за руль. — Считайте, что я ваш человек.

***

Борт воздушной баржи SSF "Манта", причальная мачта за городской чертой Тегерана

Иногда, в очень волнующие или пугающие моменты, я изнутри и снаружи превращался в сплошной комок нервов, с каждой секундой редеющий аки чья-то шевелюра от лучевой болезни. Самое плохое, что это прекрасно отражается на моем поведении, вот как сейчас — я, с белым как костюм химзащиты лицом и с премерзкой тяжестью в груди, стыдливо завернулся в простыню и прилежно грызу зубами ее угол. К слову о зубах: в нескольких местах на шее у меня красовались до сих пор не сошедшие следы зубов. Причем чьих — догадаться было легко.

Это все Сэа. Сэа-Сэа-Сэа. Я неустанно повторял про себя ее имя, хотя и непонятно, почему. Трястись от бессильной злости было бы глупо, разве что на самого себя. Я сам ее поблагодарил за извлечение из обгоревшего в хлам "Кросс Трайфорса", сам принял ее предложение, пожевав для виду губами, сам добровольно разделся… и тогда уже, спохватившись, завернулся в сраную простыню.

А она была на седьмом небе от счастья и меня была готова на руках носить. Слава богу, я уже успел отказаться. Ну а выглядела она… как? Уж точно не как обычно; на ней не осталось даже шляпки, которую она стала надевать все меньше и меньше. Обнаженная Темпести выглядела мило, привлекательно и возбуждающе — как бы мне не хотелось признавать последний факт. Но я, увы, не до конца властен над своим организмом и позорно проигрываю борьбу со своими желаниями.

Думаю, пора было уже признавать поражение.

— Н-ну? — Сэа надоело крутиться передо мною, тем более что я, сосредоточенно обгрызая простыню, не мог оценить ее усилия по достоинству, и она упала на кровать рядом со мной. — Что-то на тебе совсем лица нету.

— Извини, я где-то его потерял. — улыбнулся я. Она только головой покачала и стащила с меня простыню, отбросив ее куда-то в угол.

— Ты — прям-таки аватара выражения "перед смертью не надышишься". Хотя знаешь, бледность тебе к лицу. Тебе бы его напудривать немного — и вышло бы самое оно. И губы самую чуточку подкрасить, а то на дохляка будешь похож.

— Боже упаси. Я от Лейдзи вовек не отверчусь в таком макияже.

— А чего в нем зазорного-то? Он сделает тебя красивее. Так, знаешь, утонченнее. Ты и так худенький, тебе к лицу.

— Ты тоже худенькая.

— Я старалась. — промурлыкала она. — И сдерживаюсь из последних сил. Оставим светскую беседу на потом, окей?

Я сглотнул. Получилось с трудом — мешал ком в горле.

— Ну, я готов.

— Не-а. Во-первых, платочек не забудь.

Я послушно сцапал двумя пальцами "платочек" и применил по назначению, скривившись, когда он опал и уплотнился. Прелесть фортирезиновых презервативов — подходят на все размеры и не рвутся вообще; из фортирезины делают протекторы для тренировочных мечей эш-ка, которые оружие не утяжеляют и пружинят от противника. А также еще много чего делают, и презервативы в этом списке далеко не последние. Хотя и не первые.

— Вот умница. А теперь ляг на спину, расслабься и думай о Партии, как говорилось у Оруэлла. Будет приятно. — и Темпести сильно толкнула меня в грудь, заставив упасть на спину.

— Ты наверное хотела сказать — неприятно… — конец предложения куда-то уплыл сам собой.

На самом деле, мне действительно было приятно. Немного. И омерзительно в то же время, но это были мои закидоны, и я о них очень быстро забыл. Ее движения сначала были неторопливыми, постепенно убыстряясь и сопровождаясь тяжелыми вздохами. Сердце под моей грудной клеткой разгонялось, как гиперзвуковой самолет, и стучало в едином с нами обеими ритме, зрение стало размытым, а все тело ниже пояса начало охватывать приятное онемение…

…И все.

Финиш.

Меня отпустило окончательно.

Теперь уже мы просто лежали рядом, лицом друг к другу. Сэа от нечего делать скребла ногтями по моей ключице, а моя рука лежала у нее за спиной — там, откуда у наших предков когда-то рос хвост. Насмотреться на нее я уже успел — хотя а чего тут такого особенного было?

— Знаешь, — начал я, — а ведь гореть заживо — это не из приятных.

— Угу… — протянула она, не убирая руки.

— Ну так спасибо, чего уж.

— Ты уже говорил мне "спасибо", но все равно — спасибо. Как ты, от отвращения не умер?

— Нет. Секс — это не так страшно, собственно…

— Нда?

— Однако, я не изменил своего мнения на этот счет. И не собираюсь его менять.

— Несмотря ни на что?..

— Угу, несмотря ни на что. Я не собираюсь менять сразу все свои принципы и убеждения.

— Вот умница.

— Может быть, и умница. — задумчиво пробормотал я. — А может, и нет. Я еще сам до конца не разобрался.

— Эх, ну и что тебе сказать? Дай-ка я тебя укушу… — и Темпести потянулась к моей шее.

Я вскрикнул.

— Ай!
— Что "ай"? Больно?
— Да, больно! Просто поцеловаться так сложно?
— Да ну тебя. Скучно и неинтересно. А покусать я тебя покусаю, нам с тобой все равно предстоит долгая ночь.
— А как насчет дать мне поспать?
— Дам, конечно же. Но чуть попозже, миленький, хорошо? Я так давно ждала этого момента, ты представить себе не можешь…

Ответом ей был мой печальный и тяжелый, как канонирский эш-ка, вздох.

***

Когда я проснулся поутру, Сэа уже не было. Где-то я с такой ситуацией уже сталкивался, разве нет? Он просыпается, а ее нету — драма, что и сказать!

Захотелось сплюнуть, но не буду же я плевать на собственный пол. Вместо этого я уставился в потолок, на котором красовалась надпись светодиодным мелком:

"Ушла навсегда, прости и прощай.
Завтрак в холодильнике.
Твоя,
Сэа".

Я довольно оскалился. Умница девочка, нечего сказать. В крошечном холодильнике, вделанном в стену каюты, с дверцей, украшенной полустершимися надписями на мандарине, уж точно не найти было завтрака. Там хранились лекарства — эмоциоподавители, мнемостимуляторы, боевые коктейли, вполне бытовые "бритвочки", на короткий срок обострявшие восприятие окружающего. На стуле лежали два использованных ингалятора от "бритвочек" — одну приняла Темпести, одну, по ее настоянию — я. Наверное, из-за них все тело будто бы ватное — отходняк после приема "бритвочек" как раз наоборот, сильно притупляет все органы чувств сразу. Ну, или большую их часть. Способность

видеть я не потерял.

Встав с кровати, я все-таки проверил холодильник. Как и ожидалось, ничего необычного. Тихо вздохнув, я пошарил взглядом в поисках одежды и вспомнил, что повесил ее в шкаф.

Ладно, успеется.

После душа отходняк как рукой сняло. Ну да от бытовых наркотиков он был и так недолговременный. По всему телу остались следы от зубов. Мерзко. А, пускай, все равно сойдут. Но одеть я предпочел водолазку — она полностью закрывала искусанное горло. Водолазка-брюки-курточка-перчатки, перчатки белые и с раструбами, мои любимые. С уже вделанными проемами под сенсоры — последний писк моды тридцатилетней давности. Кому сейчас нужны сенсорные перчатки в быту? Последними я одел и застегнул туфли. Один карман привычно оттягивал КПК.

Бледность, которая мне якобы была к лицу, никуда не исчезла. Ну да и черт с ней.

Прямо в коридоре я столкнулся с кем-то из офицеров мостика. Вроде как это был Цзерни, канонир "Манты".

— День добрый. — сухо поздоровался он, проходя мимо. Я кивнул ему вслед и пошел дальше. В "Манте" не было много коридоров, было просто мало экипажа. Столкнуться с кем-то было очень сложно — большая часть экипажа находится на вахте, подключенная к вверенным подсистемам, а другая, в основном техники эш-ка, находятся где-то на борту, готовые по первому приказу подключиться к вверенным подсистемам. Механизмам ангара и служебным роботам, в случае техников. Техники же предпочитали находиться, скажем, в кантине, или откуда еще недалеко было бежать до манипуляционной[41].

Так что по кораблю бродили только мы четверо, ну и изредка возвращавшиеся с/шедшие на смену офицеры мостика.

А кого-то из нас четверых найти — а зачем собственно искать?

Я вытащил КПК, открыл адресную книгу и стукнул по ушной раковине, набирая номер Второго. В ухе пошли гудки, а затем

тихий хлопок и голос Лейдзи:

— Внимательно.
— Это я. Где тебя черти носят?
— Верхняя палуба, обзорная гондола.
— Вас понял. Жди, сейчас приду.
— Захватишь таблеточку?
— Специально для тебя захвачу, я только отошел.
— Да хорошо, я только рад буду. Давай, жду.

Я повесил трубку и забежал обратно в каюту, вытащил обещанную таблеточку и вышел, закрыл за собой двери и двинулся к лифту.

Обзорная гондола примостилась прямо между плавниками баржи, наверху центрального корпуса, и за исключением лестницы вниз, на собственно верхнюю палубу, была пустой. Гондола была полностью застеклена, за исключением пола. Стекло было односторонним и наверняка бронированным. Спереди в нем была откидывавшаяся вверх дверь, которая вела на небольшую открытую площадку. Посередине площадки, прямо на полу, сидел Лейдзи и смотрел куда-то в пространство.

— Слыхал новости? — с ходу спросил он, как только я подошел к нему. — Кто-то утащил из города остов того эш-ка, который водил Крестоносец. Который тебя сжечь пытался.
— Ну утащил, и… Что значит "утащил"?! — до меня наконец дошло.
— То и значит. Эвакуаторы анубисов пришли под утро, а его нету. Рвут и мечут теперь.
— Во дела.
— Как же. Такую машину утащили, что любо-дорого. Тем более, с Ватикана сбить спесь им здорово хочется, они друг дружку сильно не любят. Хотя журналюги получат свою сенсацию, пусть и в другом ключе, а на интернет сейчас любо-дорого смотреть, сплошь суждения да кривотолки. Таблеточку дашь?

Я протянул ему "таблеточку" — продолговатую пастельного цвета пилюлю. Лейдзи благодарственно кивнул и проглотил ее, а после приложился к возникшей откуда-то фляжке.

— Ты где, кстати, вчера был? — спросил я. Брат пожал плечами:

— Дела появились. Кстати о делах. Завтра в полдень прилетает Синдзи, ты в курсе?

— Не-а. А с чего это? Перестановки какие-то, что ли?

— Да может и тебя забрать хочет, но хер тебя кто пусти. Это первое. "Кросс Трайфорс" в говне и требует капремонта, а Синдзи, как начальник, должен его осмотреть и решить что с ним делать. Это второе.

— Что, все так плохо?

— Угу. Броня поплавилась, охладительная система не работает, мышцы разлезлись, скелет тоже в трещинах, кондеры повышибало. Тут точно капремонт, без вопросов.

— Нда-а-а. — протянул я. Мне, похоже, предстояло сидеть мертвым грузом, без эш-ка. Никаких боевых выходов, ничего. Оно и видно, что Синдзи хочет меня отозвать. А сам едет только чтобы запротоколировать отправку "Кросс Трайфорса" в Германию, на верфи "Порше-Крупп Машиненбау" — только там его могут полностью отремонтировать.

Плохо.

— Но. Я уже с ним оговорил детали, вот только что, и сейчас жду ответа от командира "Анубис-Хеда". Завтра ночью ты со мной поведешь конвертоплан. Тот, который у нас стоит, V-45, ничего особенного. Это третье.

— А с какого перепугу?

— Ну как с какого. Ты главное не начинай мне пыль в глаза пускать, я тебя уже, считай, подписал, мне нужен второй пилот. В общем, я тут порылся по интересным таким файлам и нашел доказательство испытаний того орбитального лазера.

— Которым ты бредишь? Ну-ну. И что это, опять видео?

— Иди ты. Я нашел координаты и документы о проведении испытаний, и транскрипт самого испытания, собственно. Вбил координаты в орбиталмап, задал отображение движений кольца и бинго. Сходится точь-в-точь. С орбиты там небольшой островок с кратером посередине, а кратер от орбитального лазера я ни с каким другим не спутаю.

— Что, вот так все просто? А подрихтовать картинку им не религия не позволила?

— Какая рихтовка, там прямая трансляция, да и орбиталмап держат эти, — Лейдзи многозначительно ткнул пальцем вверх, — с Орбиты. Там же много деятелей сети гнездится — хостеры, фриварщики, паршлфриварщики, пираты, библиотекари, доткоммунисты, анонимы, кое-кто из бывших королей рынка… А насрать в кашу землянам Орбита всегда рада будет, вот и не

рихтуют, подают как есть. Ну а потом я пролез в интранет КЭГ и быстро набрел на подтверждения. Страху же натерпелся. Да и паршивенько было, я вон только-только нормально пожравши за целые сутки.

— Не вычислили?

— Не-а. Спасибо опять же Орбите. Через них залез, у меня там знакомые есть, вот и подсобили. Задержки связи конечно ого-го были, но оно того стоило. И поди теперь что докажи, кланы Орбиты за своих горой стоят, КЭГ просто мараться не захочет.

— А если сразу на Земле искать начнут? Они ж не дураки.

— Раз лазейку прошляпили — значит не дураки они, а идиоты. Стыд-позор, мегакорпорация, управляющая целым орбитальным лифтом, а в отделе сетевой безопастности сидят какие-то кулхацкеры, чесслово, которым лишь бы по сети лазать. А вообще пускай найдут сперва, нас-то здесь не будет, а я предусмотрительно полез с постороннего терминала. Не буду ж я лишние проблемы "Синамуре" создавать своими правдорубскими экзерциссами?

— Угу. Ну допустим я тебе поверил. Выбора у меня особого нет?

— Не-а.

— А как я конвертоплан поведу? Это ж поди не сверхлегкий вертолет.

— Основная задумка примерно похожа, но вообще ты вести не будешь, вести буду я. Тебе остается смотреть за приборами, зорко оглядывать пространство радаром и дирижировать вооружением. А оно там будет, пулеметы есть, ракеты я тоже нагружу. Вдруг какая-то херня случится, не знаю.

— То есть, это такая увеселительная прогулка в компании с высоким начальством?

— Я надеюсь. — на лице Второго расплылась широкая счастливая улыбка, а глаза мечтательно уткнулись в небо — подействовала таблеточка. Я брал ее наугад, и поэтому даже не посмотрел, что это за препарат-то был. Видно, хороший. Расслабляющий. — Слушай, а хорошо-то как!

— Хорошо? А, ну да, ты же упоролся… — протянул я и отошел назад. Мало ли чего ему сейчас в голову взбредет.

— Чего-чего? Мужик, ты глянь вокруг — солнце, небо голубое, птички поют! И цветы, все в цветах! — проникновенно и горячо заговорил Второй, обернувшись ко мне. Зрачки у него сузились до крошечных точек, а дышал он медленно и неторопливо. — Даже солнце, даже небо, даже… даже..!

В таблеточке оказался героин. Вот черт.

— И как оно, бро? — как ни в чем не бывало спросил я, подходя поближе. — Круто?

— Еще как! Великолепно, долбаный ты в рот, просто неподражаемо! Ну спасибо, бро, всю усталость как рукой сняло, молоток, знал что мне предложить.

— Не за что, бро. Всегда рад подсобить, бро. — пожал я плечами. А затем размахнулся и изо всех сил вмазал Лейдзи в висок. "Бро" покачнулся, как маятник древних часов, его глаза закатились и он, обессилев, рухнул на пол. Синяк с виска он выведет, а вот блевать, потеть и ходить по обшивке он у меня точно не будет.

Взяв брата под мышки, я потащил его прочь с площадки, на ходу покрывая все вокруг последними словами. И спрашивается, кто виноват? Правильно, я. Героин я терпеть не могу.

Но теперь уже ничего не поделаешь, и я, вполголоса матерясь, потащил Лейдзи вниз по лестнице. Прости, бро, но расширение сознания придется отложить на неопределенный срок.

***

На следующий день — поздно вечером, как и было уговорено — я шел наружу, на импровизированную посадочную площадку, и тут-то встретил Синдзи. Он прилетел еще днем, но днем мы с ним как-то не состыковались.

— Лелуш? — недоуменно спросил он.

— Синдзи! — воскликнул я и заключил начальника/приемного брата в обьятия. Крепких мужских обьятий не получилось: Синамура-младший повис у меня на шее, и я поспешил высвободиться.

— Как ты?

— Я-то в порядке, а сам-то ты как?

Синдзи от переизбытка чувств всплеснул руками.

— Чудесно, чудесно! На Синамурадзиме без вас всех скука смертная, я тебе скажу…

— А как там Юки?

— Прекрасно. Передавала тебе привет. — он одернул

воротник макинтоша и серьезно посмотрел на меня. — Ты точно в порядке? Не обжегся?

— Чего? Когда? А-а-а… Да брось, Синдзи, я уже и забыл об этом. Ожоги все равно за пять минут выводятся.

— Так-то оно так… — покачал головой Синдзи, печально улыбнувшись. — Да вот "Кросс Трайфорс" в ужасном состоянии. Завтра его заберет украинский транспортник и отправит в Германию на ремонт. С ним вместе поедет часть техников, включая Антонеску. А мы теряем почти миллиард иен.

— То есть, сотню миллионов долларов?

— Вроде того. Броню придется реконструировать.

— Да? Можно мне будет выбрать дизайн?

— Надеюсь.

На посадочной площадке впереди — если разровненный квадрат земли можно было назвать посадочной площадкой — чернела туша конвертоплана V-45 Buzzard. Троица приземистых обслуживающих роботов занималась подготовкой машины к старту — двое подсоединяли блоки НАР к пилонам(на закорках роботов были еще и управляемые ракеты воздух-воздух), а третий суетился возле откинутого люка силовой установки и небольшими лапками-манипуляторами устанавливал топливные элементы. Внешне роботы напоминали крабов-переростков — шесть ножек с колесиками, два трехпалых манипулятора спереди, два пучка камер на телескопических штангах, на панцире крепления для грузов.

Лейдзи высунулся из кабины и помахал нам рукой. Синяк ему свели медицинские наноботы, почистившие заодно организм от последствий неудачного приема героина, а заодно и от всего остального, съеденного им за день. "Ощущения — будто бы только что конкретно проблевался". - сказал он тогда. Ну, после того как попытался дать мне по морде за то, что я лишил его кайфа и вообще бросил в филактерий и ушел. Потом он крепко поужинал и подобрел, а выскочившая было сыпь — реакция на очистку крови наноботами и переливание небольшого количества искусственной — сошла на следующее утро. Я же, к слову, на следующее утро проснулся еще и в синяках.

Я громогласно чихнул.

— Синдзи, здоров. Бро, что с тобой?

— Аллергия!.. пчхи!..

— Ой бедненький. Ты смотри, если в самый, хи-хи,

ответственный момент у тебя случится приступ, будет неприятно.

— Неприятно кому?.. — удивленно поинтересовался Синдзи.

— Темпести, кому ж еще… А, ты ж и не знаешь… — пробормотал Второй, видя, как Синдзи удивился еще больше. — Она ж третьего дня с ним наконец-то переспала, а он вроде как и не рад… Нехорошо-с!

— Слушай, а не шел бы ты отсюда? — немедленно отреагировал я. — Само собой, я не рад! Меня совершенно не радует, не радовала и не будет радовать перспектива трахаться с кем-либо. Но коне-е-ечно же, тебе лишь бы повод найти потравить несчастного брата…

— Так если не радует, какого черта ты тогда терпишь?

— Я обещал. И мы все еще остаемся друзьями, если тебе это интересно.

— Хо-хо-хо. — издевательски проговорил Лейдзи. — Ладно, живи пока, поганец. С тебя проверка подсистем жизнеобеспечения, РЛО и управления огнем. Дверь там. — он ткнул пальцем себе за спину.

Я сплюнул и обошел нос конвертоплана, открыл дверь на место второго пилота и влез в мягкий ложемент, окруженный приборными панелями. Приборы дублировали показания воображаемого интерфейса, но у меня его не было. Хотя, в принципе, показания приборов отображаются в ДР-очках шлема… кстати, где он?

— Бро! Где шлем?!

— За сидением, только на кой черт он тебе?!

— Надо! — я пошарил за спинкой сидения и нащупал шлем. Внешне он был довольно схожим с операторским, только без выпуклости нейроинтерфейса на затылке и переключателя справа. Я натянул шлем, и через стекло ДР-очков мир вокруг расцвел новыми обьектами — меню, индикаторы, дисплеи, надписи, бежавшие на лобовом стекле. Посередине запылал прицел пулемета — я взялся за ручку и поводил им из стороны в сторону.

Так, ладно.

Запустить диагностику по жизнеобеспечению, РЛО и управлению огнем. Наушники прошипели "Принято" и перед глазами вспыхнуло окно с медленно поползшими шкалами. Движением руки я отвел его в сторону — за движениями рук следили лазеры. Датчиков, которые можно было вложить в

пальцы перчаток, у меня не было, а жаль.

Лейдзи и Синдзи отошли куда-то в сторону, и за гудением аппаратуры и через наушники я их не слышал. А пискнувший лидар услышал сразу же.

— Два быстродвижущихся обьекта, предположительно — пехотные доспехи, на десять часов, дистанция 80. Ориентировочное время до контакта три минуты пятьдесят две секунды. — сообщил ИИ.

— ЛЕЙДЗИ!!! — рявкнул я. Брат всполошился, прекратил разговор и рванулся к кабине. Засунул голову в проем:

— Какого хера случилось?!

— Пехотные доспехи, десять часов, дистанция 60! — доложил я. — Это еще кто?

— Это? Ану дай глянуть! — он вытащил свой шлем, нахлобучил на голову и отрывисто скомандовал: — Дать шестикратное увеличение!

Шлем тут же выполнил команду, Второй вгляделся во вновь прибывших и сообщил:

— Отставить панику. Это "анубисы".

Это действительно были они. Два пехотных доспеха, выкрашенных в темно-красный, с шакал-фараоновскими эмблемами на левой стороне выпуклого панциря. Панцирь переходил в выпуклый глухой шлем с кластером из нескольких камер. Длинные руки с крупными плечами, массивные бедра, на самих ногах — откидные колеса с пуленепробиваемыми и высокопроходимыми шинами. На плечах висели стволами вниз скорострельные автопушки — даже не гироджеты, но тоже вполне мощные.

Пехотные доспехи — русские, модель "Крепость-Б", одна из самых надежных в мире(вот что русские умели делать действительно хорошо — так это оружие) — остановились перед нами и присели на корточки. Панцири распахнулись — верхние половины, со шлемами, откинулись вверх, а средние разошлись в стороны.

Жизнеобеспечение — ОК. РЛО — полностью функционирует. Орудия готовы к стрельбе в любой момент, только вот дроны еще управляемые ракеты не подвесили.

— Доброй ночи. — поздоровалась полковник Лэндлайт, спускаясь на землю и подходя к Синдзи и Лейдзи. — Господин Вольфр-Икаруга, господин Синамура. И господин Вольфр-Икаруга, — добавила она, обращаясь уже ко мне, — вы, Лелуш.

— О, честь имею. — ответил я, высунувшись из кабины. Полковник поздоровалась за руку с Лейдзи, а затем с Синдзи. Ее помощник, похожий на макаронину майор Линдсей, тоже покинул свой пехотный доспех и стоял в двух шагах за спиной начальницы.

— Господин Лейдзи…

— Прошу вас, просто "Лейдзи", без всяких господ.

— Простите. Лейдзи, я прошу вас поспешить с отправлением. Мы не можем долго отсутствовать в Тегеране, вы понимаете.

— Конечно-конечно, полковник. Прошу на борт. Вы возьмете пехотные доспехи с собой?

— Если вы сможете их поднять.

— "Буззард" может поднять три таких. Никаких проблем, заведите их внутрь и мы отправимся незамедлительно.

— Благодарю вас. Мы приступим к погрузке. — кивнула Лэндлайт и пошла обратно к ожидавшим доспехам. Линдсей следовал за ней.

— Синдзи, залазь внутрь, не стой столбом. — попросил Второй и размашисто зашагал обратно к кабине "Буззарда". — Бро, выдвинь два крепления для пехотных доспехов в грузовом отсеке и расчитай тягу, хорошо?

— Никаких проблем. Считать вручную? — я щелкнул тумблерами 1 и 2 на панели "крепления подн./опуск.". Доспехи прошелестели шинами мимо нас, оставив за собой хвост пыли и раскаленного воздуха — они работали на топливных элементах, как и конвертоплан, а силовая установка располагалась в "рюкзаке" на спине.

— Ты прикалываешься? В бортовом компьютере все есть.

— Да-да, уже нашел. Ракеты "воздух-воздух", кстати, — я свернул окошко уведомления щелчком пальца, — установлены и готовы к запуску. Под каждым крылом у нас по два AIM-90 "Трейлблейзер".

— Имел я в сопло эти "Трейлблейзеры", ты тягу расчитай, нам сейчас взлетать.

— Уже. — компьютер поднапрягся и выдал расчеты, из которых я выбрал наиболее оптимальный. — Получай.

— Получил. — двери захлопнулись сами собой, а позади закрылся люк грузового отсека. Из-под крыльев скользнули прочь роботы. — Уважаемые пассажиры рейса SSF-067 "Тегеран — неопознанный остров в Индийском Океане" авиакомпании

"Синамура Парамилитарис", вас приветствует командир экипажа, Лейдзи Вольфр-Икаруга. Советую всем занять свои места, пристегнуться и не отвлекать экипаж от управления полетом. Приятного путешествия. Бро, включи им свет, что ли.

Я включил. Двигатели на концах крыльев повернулись вниз, затем обратно вверх, а затем откуда-то снизу и позади загудела силовая установка.

— Ну, с богом и его дошираками. Поехали. — Лейдзи щелкнул тумблерами запуска двигателей. Турбореактивные двигатели на концах крыльев ожили, отозвавшись наростающим надсадным гудением, понемногу перешедшим в рев. Из сопел вырвались конусы синего пламени, после чего горячий газ, создавая тягу, понесся наружу. "Буззард" рванулся вверх, подняв облака дыма и земли, и начал стремительно набирать высоту, после чего двигатели поменяли положение, и конвертоплан понесся вперед, прочь из воздушного пространства Ирана и к неизвестному островку, который наш самопровозглашенный командир экипажа видел только с орбитального телескопа.

А касательно этого меня обуревало спокойствие. Полнейшее спокойствие. Под нами проносилась неразличимая в темноте земля, над нами было темное, затянутое тучами небо, а мы неслись дальше на всех парах, словно и забыв обо всем на свете.

Глава X

Борт SSF-067(конвертоплан V-45 Buzzard), на границе воздушного пространства НПГ

— Ну-с, мы буквально сейчас покинем воздушное пространство персов. — будничным тоном сообщил Лейдзи. — До места назначения доберемся через час. А оттуда сразу обратно, и никто не заметит пропажи.

— Нас ведь вели персы. — резонно заметила Люция, стоявшая у нас за спиной, в проходе.

— Ну, я утрировал. Конечно же, нас вели радарами, но наше утлое судёнышко-то синамуровское, а наш контракт все еще действует, и мы обладаем должной свободой перемещений в его рамках. В этом и вся прелесть корпораций — не ты пляшешь под государственную дудку, а государства пляшут под твою.

— Очасти так. Или вы опять утрируете, Лейдзи?

— Само собой.

— Борт SSF-067, говорит Бендер-Аббас. Вы только что покинули воздушное пространство Нео-Персидской Республики, прием.

— Подтверждаю, Бендер-Аббас. Удачно подежурить, прием.

— Благодарствуем, SSF-067. Удачного полета, отбой.

— Спасибо, отбой. — Второй щелчком пальцев в воздухе прервал связь. — Вот и все.

— Мило, мило. — протянула полковник. — Я вас не сильно отвлекаю?

— Что вы, что вы! Всегда приятно поговорить с, м-м-м, умным человеком. — братец сейчас был сама любезность. Я поморщился. — К тому же, я обещал поделиться с вами информацией по нашему общему делу. И поделился, собственно, файлы уже у вас, а остальное…

Он порылся в кармане и выудил из него мем-кард. Небольшая, едва ли сантиметр на сантиметр, пластинка, на самые простенькие из которых умещается по терабайту данных. На этот помещалось двадцать.

— …А остальное получит "Синамура". Синдзи, если не возражаешь… Синдзи!!

— А, что? — подбежавший Синамура заглянул в кабину, слегка оттеснив в сторону Люцию. — Ты меня звал?

— Конечно. Забирай свой мем-кард. Его содержимое тебе,

Рюдзи и вашему почтенному бате понравится. Копию я не снимал. А вкратце же я могу поведать, пока есть время, о версии происходящего с потерпевшей стороны.

— То есть, версию Чхонли.

— Точно. Бро, ты слушаешь?

— Угу. — вяло кивнул я. Мне, по правде говоря, было немного все равно, но делать было нечего, а последить за аппаратурой я и так смогу — я вон от приборных панелей взгляд не отвожу.

— Ну, тогда сразу замечу, что на истинность не претендую, но понятие истинности применительно к цифровым документам вообще довольно относительно. В общем, Чхонли не нашел ничего лучше, чем сделать хоть какие-то записи на тему своих поисков, и хранить их на мем-карде, который у него всегда был при себе. Вполне достойное решение, но этот мем-кард в самый ответственный момент выпал и угодил в наши руки.

— Не бойтесь, я еще верю в совпадения. — махнула рукой Люция. — И чему тогда верить, если не документам, где и авторство указано?

— Дык. Если когда-нибудь человечество обретет способность к телепатии, оно и мысли научится качественно подделывать. Устраивайтесь поудобнее, там есть сидения, а я начну.

Шуршание позади засвидетельствовало, что слушатели устроились поудобнее, и Второй с довольным видом начал:

— В общем, по документу выходит, что-де существует себе некая вещь, а возможно и устройство, а возможно что и просто феномен такой, который был обнаружен Ватиканом в древности как раз где-то между Ираном и Арменией. Не мудрствуя лукаво, католики обозвали его Святым Граалем — ну, тем самым, из мифов. Кровь Христа, все дела. Что это такое — им самим неизвестно, но подошедшие к Граалю, чем бы он не являлся, достаточно близко, сходили с ума. Сохранили целостность разума только трое, и они-то и вернулись из экспедиции — сумасшедших соратников они просто перебили, наверное из жалости. И, собственно, эта троица исчезла — сменила имена, бросила все обеты, подалась куда-то в странствия, и тут цитирование исторических документов, попавших в руки Чхонли, заканчивается. Но. В своем докладе эта троица упомянула, уже постфактум и на полях, о том, что не утратившим разум Грааль дает, — Лейдзи выдержал паузу, — власть. Не сказано, какую, над чем, насколько это правдиво — просто власть. Разумеется, никаких доказательств нет, однако Чхонли ссылается на некий "Манифест Вознесения", который можно спокойно найти и

скачать в Сети и в котором говорится, что все сколь-либо значимые люди с момента открытия Грааля пережили контакт с ним. Наполеон, Бисмарк, Ленин, Сталин, Гитлер, Кеннеди, Ден Сяопин, Путин, Ямамото, Уолкер[42] — и я называю только политиков; хотя, честно сказать, составитель "Манифеста" намешал в кучу всех подряд, основываясь на ну очень незначительных фактах. Но сударю Ваню это все вскружило голову так, что он твердо решил найти Грааль. И он его нашел. Уже тогда реликвию, или не реликвию, охраняли наши общие знакомые — Крестоносцы, но это его не остановило. Теперь дело было за малым — нужно было обеспечить себе весомый аргумент на случай, если его раскроют у самой цели или же когда он наконец обретет желаемое. И этим аргументом стал установленный в том самом злополучном сегменте орбитального кольца боевой орбитальный лазер "Райтеон Старлэнс". Мы сейчас летим туда, где проводились его испытания. Заполучить Грааль Чхонли собирался так, чтобы сегмент с лазером оказался на орбите прямо над, так сказать, святилищем Грааля. Кольцо корректирует свой наклон — вращающиеся сегменты, соединенные с орбитальными лифтами, этому способствуют — находясь при этом на геостационарной орбите, так что проблем со временем бы не возникло. Чуть что — и он вплавляет Святой Грааль в песок, лазер-то на солнечной энергии, а солнечной энергии со всего кольца собрать можно — ого-го. Ну а что такое "Старлэнс", и как он действует, я обьяснять не буду, это и так все знают. В общем, этот план должен был сработать.

— Но он не сработал. — заметил Синдзи. — И мы наблюдали месяц назад то, что мы наблюдали. Поработала ватиканская жандармерия, а о следах позаботились ваши коллеги, полковник.

— Очасти. — пожала плечами та. — Несколько весомых компонентов упало в Индийский Океан, и мы их подняли, но еще чуть-чуть, и следов действительно бы не осталось. К сожалению, служащих Орбитальной группировки "Анубис-Хед" отличает черезмерное служебное рвение, и приказ устранить угрозу они восприняли слишком буквально.

— А как должны были? — несколько резко спросил я. — Опустить руки и ничего не делать?

— Лелуш, за кого вы нас держите? Есть угроза, есть улики, которые она содержит, угрозу надо предотвратить, улики заполучить. Обломок кольца можно было обрубить протонными орудиями, а траекторию оставшегося куска изменить так, что он разве что отправит на дно особо неудачливую наркосубмарину.

— Но ведь первоначальный приказ был предотвратить угрозу любым способом, разве нет?

— Был. Но способов много, а восприняли приказ слишком буквально. Не зря поговорка есть — "не спеши выполнять приказ, его могут и отменить". Вот тут то же самое, но нам повезло.

— Что-то слишком много везения в последнее время. Наверное, звезды вконец сошли с ума и благоволят первому встречному почем зря. — отметил я и довольно хмыкнул. И правда, небо должно было уже быть усеяно фаллическими символами. Даже мне, можно сказать, повезло. Можно сказать.

Я довольно улыбнулся.

— Кхм, вы закончили? Так, в общем. Вот тут-то планы и смешались; жандармерия подстроила отделение сегмента и задала траекторию для падения — им было все равно, в принципе, куда, но приземлись он, скажем, на Сингапур, и у Святого Престола мигом появилась бы куча недоброжелателей. Но тут появляются излишне ревностные операторы "Анубис-Хеда" и уменьшают общий обьем сегмента, заставляя его при этом плюхнуться в океан. Больше того, где-то в этот момент "Опергруппа "Миллениум"" получает контракт на, так сказать, мелкое хулиганство — высадиться на Подножии, взять на прицел орбитальный лифт и потребовать выдачи Чхонли. Гендиректор, справедливо опасаясь того, что его за шкирку притащат к воинам Господним, заключает контракт с "Синамурой Парамилитарис", то есть с нами. А когда "Миллениум" таки прибывает и мы, вернее мой бро, — жест рукой в сторону меня, — и госпожа Темпести, вступаем с ними в конфронтацию, Вань Чхонли без каких-либо обьяснений исчезает. Все, с этого момента он не может полагаться на КЭГ, но все еще полон решимости и средств. "Миллениум" устремляется за ним, а сам он, можно сказать, добровольно идет в пасть к Крестоносцам и "Анубис-Хеду". В Тегеране, где он делает временную остановку, он приканчивает нескольких Вайомингских Ужасов — а это достижение, между прочим — и вновь исчезает, но случайно теряет свой мем-кард, на котором содержится масса компроментирующей информации. А Крестоносца, высланного за ним, в праведном гневе кончает госпожа Темпести — хотя будет невежливо уменьшать заслуги, опять же, служащих "Шакал-Фараона".

— Да бросьте. Мы недооценили врага и получили по шапке. Наша ошибка.

— Вот сами и бросьте, простите за резкость. А теперь завершающий аккорд: Чхонли наверняка полным ходом стремится к Граалю, где его ждут Крестоносцы. Каковы будут наши действия, мы решим чуть позже, когда наглядно увидим —

"а был ли лазер"?

— У нас есть время в запасе?

— Конечно. По самым скромным подсчетам, у нас есть еще день. Чхонли залег на дно, да и Грааль ему ну уж никак не найти с одной только спутниковой навигацией. Воздухом он город не покидал, а передвижение по Ирану сопряжено с определенными трудностями. Но в любом случае, мы должны будем спешить. Синдзи, я хочу участвовать в операции по поимке Ваня Чхонли. На "Юстикаторе", желательно.

— На "Юстикаторе", говоришь?.. Дай подумать. Хотя вообще можно, нам это, я полагаю, особо не навредит, даже наоборот — укрепит наши позиции. Как-никак, сами влезли, сами и расхлебали.

— Но "Анубис-Хед" еще не может позволить себе никакой такой операции. — осторожно заметила Лэндлайт. — Мы все еще зализываем раны после Тегерана, если говорить начистоту. Ни о какой поимке и речи идти не может, а особенно, если она может включать в себя конфронтацию с Крестоносцами.

— Позвольте, полковник, но я ничего, — загадочно улыбнулся Второй, — ничего не говорил об "Анубис-Хеде". Операцию организовывает "Миллениум". Это их дело, и я вполне разделяю их начинания. И потому хочу отправиться.

— И вы только ради этого устроили эту… увеселительную прогулку?

— Боже упаси. Сами посудите, полковник, а поверили бы вы мне, если бы я рассказал вам какую-то совершенно неправдоподобную историю, вращающуюся вокруг какой-то антинаучной несуразности, единственными свидетельствами о существовании и функциях которой являются доклад трех полоумных клириков и скомпилированный сетевым конспирологом псевдоисторический документ? Лично я бы не поверил, и поступил бы правильно, если бы не одно но. В знак своей признательности, я хочу приподнести вам такой рычаг давления на КЭГ, что закачаетесь, позвольте так сказать. Сколько договоров они нарушили, расположив в орбитальном кольце боевой лазер? Вот-вот, а у вас появится еще и доказательство. Если вы поднимете графики пролета государственных спутников за последние чуть более полугода существования того острова, то это доказательство станет еще и неоспоримым. Конечно, своему сюзерену, то есть Синдзи Синамуре, я приподнес куда более развернутый, кхм, набор данных, но вы вполне можете меня понять. То был долг вассала перед сюзереном, а здесь — островок-полигон, который послужит доказательством моей честности. И, надеюсь, довольно весомым.

— Я поняла. Прошу прощения. — кивнула Лэндлайт. — Но позвольте поинтересоваться, а когда мы его увидим?

— Скоро. Буквально минут пятнадцать-двадцать лёту. Спокойствие, прошу вас. — попросил Лейдзи и продолжил, как ни в чем не бывало, наблюдать за приборами.

***

Неопознанный остров-полигон КЭГ, Индийский океан

Остров был маленьким, едва ли больше Старой Дэдзимы[43] — тоже примерно 120 на то ли 80, то ли 90 метров. Он был полностью песчаным, и его уже начало размывать море, едва касавшееся здоровенного, занимавшего большую часть острова, ударного кратера, стенки и дно которого были покрыты… да, стеклом; от остаточного тепла после удара лазера песок превратился в стекло.

— Полковник Лэндлайт. — торжественно произнес Второй, заставив конвертоплан зависнуть над островом, на краю кратера. Свет фонаря отражался от хрупкого стекла. — Позвольте мне преподнести вам этот остров. Он ваш, и он сможет пошатнуть под КЭГ пъедестал монополии на лифтоперевозки в восточном полушарии. Если вообще не выбить.

— Благодарю вас. — ответила полковник. — Вы слишком добры. Позвольте поинтересоваться, вы ведь сделали это из каких-то лучших побуждений?

— Упаси меня боже. Я всего-то отдаю долги. А после всех этих свистоплясок дни "Кидо Эревейта Груп" сочтены. Вы сами знаете, сколько есть претендентов на лифтоперевозки: "Росорбита", "Хинду Аэроспейс", "Вирджин Галактик", "Аль-Синистра"… думаю, долго перечислять не надо. А насколько мне известно, "Анубис-Хед" должен также предотвращать межкорпоративные конфликты: так вот он, назревает. И преступление с использованием эш-ка налицо.

— Тогда нам потребуется привлечь "Синамуру" как соучастников.

— Как свидетелей. — улыбнувшись уголками рта, поправил ее Синдзи. — И пострадавших заодно. Не забудьте, что мы сотрудничаем, и лично я был бы только рад вам помочь, благо рычагов давления у нас, если верить Лейдзи, целый набор. А у меня нет оснований ему не верить.

— Но ваше решение будет зависеть от решения совета директоров?

— От решения моего отца, а потом уже совета директоров. — вновь поправил Люцию Синдзи, все так же незаметно улыбаясь.

— Простите. Лейдзи, вы бы не могли посадить нас?

— Мог бы. — откликнулся брат. — Но зачем?

— Я бы хотела рассмотреть кратер поближе.

— Ваше желание для нас закон. Сейчас сядем, пристегнитесь, пжалста. Бро, по команде выдвинешь шасси.

— Понял. — кивнул я. Он щелкнул тумблерами на приборной панели над головой, переводя двигатели в режим вертикальной посадки.

Конвертоплан приблизился к поверхности острова, поближе к кратеру, и медленно опустился вниз; по сигналу Второго я выдвинул шасси, и "Буззард" резко качнулся, коснувшись колесами земли. Двигатели выключились. Я снял шлем, отстегнулся от кресла и толкнул дверь, вдохнув свежий ночной океанский воздух.

— Господин Синамура! — Люция уже стояла у самого края кратера, в чуть приглушенном свете фонарей конвертоплана. — Вы бы не могли подойти сюда?

Синдзи пожал плечами и медленно, проваливаясь в песок, прошел к полковнику. Та, как только он подошел, обворожительно улыбнулась ему и сняла очки.

Да, даже ночью, в тускло освещенном конвертоплане, Люция Лэндлайт не снимала темных очков.

— Знаете, — произнесла она, ни к кому вроде не обращаясь, — почему я ношу темные очки? Потому что свои родные глаза я когда-то потеряла. А когда мне имплантировали искусственные, случилось частичное отторжение. Яркий свет, в том числе и дневной, причиняет моим глазам сильную боль. Вот и все. Но сейчас я просто хотела устроить вам небольшой сюрприз. Лейдзи, Лелуш, подойдите сюда, пожалуйста.

Я послушался и подошел первым, посмотрел в лицо Люции и непроизвольно ахнул — на меня смотрел я сам. Более женственный я, конечно, и чуть постарше, но все черты — глаза, брови, нос, рот, скулы — были практически точь-в-точь.

Похожая гамма эмоций на секунду отразилась и на лице Второго, но он нашел в себе силы сдержаться и спросить:

— Полковник, похоже, я не совсем понимаю…

— Я сама ничего не понимаю! — отрезала она, оборвав его на полуслове. — И поэтому я хочу потребовать обьяснений. Господин Синамура, ваша семья создала и воспитала этих двух людей. Вы росли с ними вместе, как братья. И уж вы-то должны знать, почему, каким образом они настолько похожи на меня!

— Кстати да, Синдзи. — поддержал ее я. — Это все как-то слишком странно, не находишь?

— Не-а. — только и промолвил Синдзи.

— Что?

— Не-а, не странно. И тем более не слишком. — он обвел нас троих глазами. — Просто у вас ДНК одинаковые, и все тут. И не знаю, парни, кто вашей внешностью занимался, и случайно ли так получилось, но даже лица у вас вышли точно такие же, как у дражайшей полковника Лэндлайт. Полковник, скажите, ведь вы сразу заметили?

— Да. Я заметила. И решила провести небольшое расследование, но…

— …Но ничего не нашли, верно? Позвольте поинтересоваться, а как поживает ваш почтенный отец, сэр Феникс Лэндлайт?

— Отец? — вопрос застал Люцию врасплох; меня опять охватило чувство дежа-вю. — Отец погиб три года тому назад при исполнении. Миротворческая операция с наивысшим приоритетом в Кот Д'Ивуаре. С личным вмешательством британской короны.

— Что ж, примите мои соболезнования, прошу вас. А ведь будь сэр Лэндлайт, рыцарь Ордена Единорога[44], сейчас среди живых, он бы пролил достаточно света на это дело. Теперь единственные, кто знает об этом все, или почти все — я, мой брат Рюдзи и наш отец. Персоналу, работавшему над братьями Вольфр-Икаруга, был запрограммирован килл-свитч. Они умерли в разное время, но по одной причине — инсульт. И умерли как раз перед тем, как успели что-либо разболтать. А тут и сэр Лэндлайт унес свою часть тайны в могилу. Жаль, право слово, очень жаль…

— Прекратите рассыпаться в извинениях и сожалениях. Я уже, кажется, догадываюсь, причем тут мой отец, но я хочу услышать информацию из первых рук.

— Ну, ваш почтенный отец, царствие ему небесное, оказал нам незаменимую услугу. Моему отцу, Такаси Синамуре, пришла

идея создать высококлассных операторов самому. Пускай для этого пришлось бы долго ждать, да и затраты были катастрофические, но таких людей не наймешь нигде, за них слишком крепко держатся государства. Но с нуля человека не сделаешь, и поэтому Такаси обратился к сэру Фениксу за генетическим материалом.

— Собственным?

— Собственным. Сэр Феникс не стал отказывать другу, тем паче что и оплата была, как я понял, достойной. Вот и все. По идее, вы не должны были получиться настолько похожими, но раз так вышло — это просто неприятное совпадение.

Лэндлайт невольно отступила назад и оступилась на песке; очки, которые она держала пальцами, упали оземь. Оказавшийся тут как тут Линдсей подхватил ее за плечи.

— Извините. — потупился Синдзи. — Я не хотел никого шокировать.

— Но… но это же просто нечестно! — воскликнула Люция; вся ее уверенность и сила словно бы разваливались, как карточный домик. — Почему тогда отец мне ничего не сказал?

— Они решили, что так будет лучше.

— Лучше? — к ее чести, голос Люции так и не сорвался на откровенно истеричные нотки. — Лучше? Чтобы я не знала, что у меня есть братья? И чтобы они даже не знали, из чьих генов они были созданы?

— Только генетические братья, и ДНК Лэндлайтов было лишь базой…

— Кровь-то у нас одна! — отрезала она. — Я имела право знать! И они тоже! А так… а так…

Синдзи словно осунулся, уперев взгляд в землю.

— …нас троих всю жизнь обманывали, только и всего. — тихо закончила она и замолчала.

Наверняка ей тяжело было переварить этот факт. Мне, признаться честно, было не легче; вся ситуация казалась абсолютно нереальной. Второй тоже молчал.

— Обманывали, значит. Синдзи, все это… это ведь не ложь, верно? — спросил я; голос все-таки ухитрился предательски дрогнуть.

Синамура-младший печально кивнул головой.

— И можно проверить?

— Да.

— А, ну и пускай. Правда — значит правда. — все так же тихо и без особого энтузиазма высказался я. — Вы, э-э, тут так и будете всю ночь стоять и проникаться драматичностью момента, или мы уже полетим?

— Бро, ты чего? — всполошился ни с того, ни с сего, Лейдзи. — Чего не так-то?

— Спокойно, без пены. — я повернулся и встретился с ним взглядом, в котором ясно читалось недоверие, растерянность и еще что-то, уже не настолько понятное. — Лично я спокоен, и я хочу убраться отсюда. Я многого прошу?

По правде говоря, я сейчас тоже перебывал в некоем смятении, но уже что-то внутри меня остановило попытавшийся выплеснуться наружу поток эмоций.

Брат недоверчиво посмотрел на меня еще раз, а потом махнул рукой и пошел к "Буззарду". Я сделал приглашающий жест рукой и последовал за ним. Лэндлайт, все еще поддерживаемая верным Линдсеем за плечи, побрела следом, а вот Синдзи еще постоял, а затем быстрым шагом подошел ко Второму:

— Здесь что-то не то.

— Логично, что здесь что-то не то, я сам это вижу! — раздраженно бросил тот, забираясь в кабину, устраиваясь в ложементе и начиная приводить конвертоплан в готовность к взлету. — Не каждый день, мать вашу, генетических родственников встречаешь…

— Я не об этом. — неожиданно сурово произнес Синамура. — Там в кратере что-то не то. Кусок поверхности не разбитый, а гладкий, как зеркало.

— На подставу намекаешь?

— Нет. Стекло тут и было, в остальных местах оно разбитое, как положено, а здесь поработали нанитами. Просто здоровенный кусок стекла без щелей или еще чего-то, идеально прямоугольный…

Второй на мгновение задумался, а затем натянул и застегнул шлем.

— Полезай внутрь. Мы взлетаем. — Синдзи кивнул и исчез, а брат обратился ко мне: — Натягивай шлем, переключайся на

тепловизор и осмотрись хорошо. Тут, кажется, что-то есть.

Я кивнул и послушно надел шлем. Повернул колесико на правом виске, переключившись сначала в режим ночного видения, а затем — теплового. Подкрутил другое колесико, на левом виске, приближая картинку. Все это можно было сделать голосом, но я решил обойтись без него.

Прямо впереди, под поверхностью кратера, пылало яркое, желтое с оранжевым, пятно. Я тут же перебрал в голове все возможные обьекты, которые могли бы так отражаться в тепловизоре, и тут же понял, что в этом нет нужды.

Такой тепловой выход дает только электролитическая ячейка. Все-таки, холодный синтез может считаться таковым лишь по сравнению со старшими собратьями — токамаками. Иначе и нужды не было бы ставить в эш-ка такие мощные системы охлаждения, и поездки в появляющихся нынче повсюду нюклеобусах не напоминали бы поход в сауну.

— Там электролитическая ячейка. — сообщил я. — Низкотемпературного ядерного синтеза, как положено.

— Долбаный ты морским коньком, точно. — подтвердил Лейдзи; видно, он тоже посмотрел через тепловизор. — Там эш-ка?

— Не-а. — я переключился на рентгеновский спектр и увидел то, что увидел: под кратером в сложенном состоянии находилось нечто металлическое и конусообразное, примерно два на два метра. — Вот черт.

— Что?

Конус пришел в движение, а стеклянная поверхность, необычно ровная и гладкая, рассыпалась на разлетевшиеся во все стороны осколки. Я поспешно открутил зрение обратно и выматерился: из-под стекла, уже выставив вверх ствол гаусс-орудия, вылазил боевой робот.

***

Боевой робот был четырехметрового роста, с тонким торсом и широкими плечами. Непропорционально узкое тело покоилось на трех массивных ногах, заканчивавшихся колесами. Из плечей выскочила приплюснутая голова — овал с четырьмя глазами-

камерами; в груди помещался радар. Из "рюкзака" с аккумуляторами на спине вылетели провода от электролитической ячейки, и робот выкатился наружу из кратера, с легкостью перевалив через его стенку. Правая рука у него заканчивалась трехствольным пулеметом, а левая — трехпалой перчаткой с мономолекулярными когтями, которые может и потеряли свою остроту, но были достаточно массивными, чтобы пробить насквозь автомобиль или легкую бронемашину. И будто бы этого было недостаточно, на вращающемся спонсоне на левом плече была смонтирована небольшая гауссовка — не больше переносной пехотной.

Так или иначе, одно попадание из любого орудия робота — и "Буззард" в считанные миллисекунды сверзился бы с небес на землю.

— Так-так-так, похоже кто-то здорово хочет видеть нас на том свете… — забормотал Лейдзи, двумя движениями изменив наклон двигателей. — Интересно только, почему именно здесь… А, неважно! Так, вы там все пристегнулись?!

Роботу надоело ждать, и он развернулся в нашу сторону. Гауссовка на плече с громким щелчком встала на позицию для стрельбы.

Рукоять управления огнем сама скользнула мне в руку, и вокруг нее расцвели пояснения: вот эта кнопочка отвечает за стрельбу, вот это предохранители, здесь пуск НАР, здесь пуск управляемых, вот эта фиговина дублирует нашлемное наведение… Времени я терять не стал — двинул указательным пальцем вперед, снимая пулемет с предохранителя, развернул прицел в сторону робота и вдавил гашетку. Шестиствольный "хитати-спрингфилд" оглушительно зарокотал, а уже было собиравшийся выстрелить робот понесся в сторону, уходя от двадцатимиллиметровых пуль.

Заревели двигатели "Буззарда", сотрясая всю летающую машину; конвертоплан рванулся назад и вверх, набрал высоту и остановился, зависнув в одном месте. Я продолжал поливать боевого робота пулеметным огнем. Тот все-таки извернулся и открыл огонь из своего пулемета.

Второй дернул V-45 в сторону, и горизонт резко сместился набок: очередь пролетела под левым крылом. Двигатели

потянули конвертоплан чуть выше — 75 метров! А тем не менее, гаусс достанет нас и здесь.

— Второй!
— Ракеты давай!

Щелк — предохранители с НАРов сняты, робот в перекрестии прицела на лобовом стекле. До выстрела из гауссовки — считанные секунды, а скорость у снарядов небольших гауссов и неуправляемых ракет примерно одинаковая.

Палец зажимает кнопку пуска, из-под крыльев с рёвом срываются ракеты — я держал кнопку до тех пор, пока все двенадцать ракет не ушли.

— Ракеты ушли! — двигатели разворачиваются, "Буззард" рывком смещается ниже, высота 45. Там, где был робот, расцветает клумба огненных цветов; снаряд гаусса пролетает над нами, выпущенный в последний момент.

"TARGET DESTROYED" — сообщают буквы на лобовом стекле.

— Х-ха! Получай! — радостно выкрикнул Лейдзи. Я отпустил рукоять — пулемет под носом конвертоплана безжизненно обвис.

Казалось, что земля пыталась уйти у меня из-под ног. Вернее, пол кабины, но неважно.

Выражаясь проще, я устал. Тут же возникла идея застрелиться — дурацкая, но показалась она мне очень даже недурственной.

Как я уже говорил, звезды сошли с ума и только то и делали, что благоволили первому встречному. Дикие гипотезы Лейдзи подтвердились, а к его невозможной в принципе истории отнеслись вполне здраво, будто бы она тоже имела право на существование. Люция Лэндлайт, полковник "Анубис-Хед", да еще и из "Шакал-Фараона", ни с того, ни с сего оказалась нашей с Лейдзи генетической родственницей. Последний факт, хотя какой он факт, был вообще неудобоваримым, и я, похоже, отказывался принять его категорически. Но свое непринятие сдерживал.

Как-никак, мои проблемы — они только мои, и я их разрешу как-нибудь сам.

Пока я подводил итоги(мне так нравилось выражение "подводить итоги" — было в нем что-то такое холодное и отстраненно-машинное), брат уже успел развернуть конвертоплан и больше того, полным ходом направлялся обратно. На часах было как раз 02:58. Пока туда-сюда, будет уже четыре утра, на Востоке вылезет из-за горизонта Солнце, а планета продолжит неспешно вращаться вокруг своей оси. Один оборот — двадцать четыре часа.

А с проблемами, как я уже сказал, мы разберемся.

Спать охота. Транспортный отсек словно умер, до того тихо. Лейдзи сосредоточенно молчит, мертвой хваткой сжимает рукоять штурвала, глаза под забралом бегают туда-сюда, а за ними поспевают красные точки лазеров на зрачках.

Брат чего-то явно недоговаривал — чтобы понять это, моих мозгов хватало. Интересно только, чего? Оказалось же, что он не чушь порол, один я только не хотел его слушать. "Он вообще", кисло подумал я, "дело говорит. А я только истерить могу почем зря, что самое обидное".

Ну, в этот раз обошлось без этого. Наверное, это был признак развития тех зачатков самоконтроля, которые я в себе почему-то придушил. А ведь за подобные концерты в любой уважающей себя фирме, я уже даже про корпорации не заикаюсь, меня давно бы уволили без права восстановления. А увольнение и так, хвала взаимообогащению культур, делает человека парией и отсылает в самую глубину немаленького конкурса на рабочие места. Людей на Земле — десять миллиардов, на Орбите — всего миллион двести тысяч с лишним. Орбитальные, кстати, в своем конкурсе учитываются все, это на маленькой голубой жемчужине около миллиарда безработных, а все потому что живут в нецивилизованных жопарях. Ходят в сеть с персональных, боже милостливый, компьютеров, еще тех что с клавиатурой-мышкой-светодиодным дисплеем, загаживают воздух ДВС, а чудеса дополненной реальности видели только в старых фильмах.

Ладно.

Я осоловело зыркнул по приборам и закрыл глаза, заснув почти моментально. Почти моментально же я и проснулся — каких-то пять минут, и ИИ разбудил меня встроенным в шлем инъектором.

Я говорил уже, что не люблю стимуляторы? Вот за это и не люблю: желание спать отбило начисто. А значит, придется мне завтра помучаться головной болью.

Точнее, какое "завтра"? Сегодня. С утра.

Совсем чувство времени утратил, блин.

***

Неподалеку от воздушной баржи SSF "Манта", окрестности Тегерана

Солнце уже залило небо мягкой синевой, когда Лейдзи, простившись с обоими анубисами и спровадив засыпающего на ходу брата с Синдзи(поди облапает всего, бессовестный, но что тут поделаешь?), оставил позади V-45, взял с собой плащ-палатку и расстелил ее на краю утеса, с которого открывался вид на спящий покаместь Тегеран. Если исключить огоньки вдоль разделивших разные зоны города ДМЗ — спящий. Спящих городов в более цивилизованных местах не бывает вообще, а тут — всегда пожалуйста. И ничего, что военное положение — умиротворяет.

Лейдзи рухнул спиной на жестковатый плащ и начал в уме подводить итоги. Существование острова имеет место быть, испытания — тоже, возмещение ущерба за нападение робота — еще повод содрать с КЭГ лишних тысяч десять юаней. У Синамур появилась целая кладезь компромата, которую он, Лейдзи, давно уже скопировал, и она уже ему не нужна. Люция Лэндлайт, милая, приятная такая полковник Лэндлайт, оказалась близкой родственницей, сестрой, можно сказать — а вот это уже не так, как запланировано. Совсем не так. Но тут уже остается понадеяться на ее благоразумие и поговорить напоследок с братом на этот счет. Разглашать такую информацию не надо вообще. А что самое главное — на участие в походе за Граалем Синдзи дал добро, еще и "Юстикатора" взять разрешил.

В общем и целом, таким образом, организованную прогулку можно считать успешной. А начавший сформировываться план

выполнен едва ли на два процента. Дальше, как говорится, больше — дальше Лейдзи твердо уяснил, что ему для этого нужен Грааль. А там все утрясется.

Недальновидность? Ха! Смешно. Лучшие результаты всегда появляются при спонтанном планировании — по крайней мере, Второму хотелось быть уверенным в этом.

А главное — подозрение в пропаже "Израфеля" на него не пало. Даже близко. А сам мертвый эш-ка лежит сейчас в надежном укрытии, уже день как. Кто-то должен за ним присматривать, а именно — миллениумовцы, покинувшие "Манту" уже, да, день как.

Позвонить Инграму, спросить, что ли? А, нет, сейчас слишком рано. Выдергивать будущего помощника, причем очень полезного помощника, из постели в четыре утра — некультурно. А культура поведения еще чего-то должна стоить, эх-х… Второй и сам разлегся, сложив руки за головой, и смотрел в окрашивающееся в голубой небо.

— Красиво… — вполголоса протянул он.

Здорово не хватало капельки ЛСД. Мир сразу расцвел бы новыми красками, которых даже на рассвете в пустыне не встретишь, а тело ощутило бы такой прилив сил, что хочется либо горы сворачивать, либо пытаться перегнать ветер. Потом, конечно, пришел бы отходняк, но с этим Второй научился справляться.

А потом, уже под вечер — раствор циклотонзилина перорально, грамм сто, а затем натянуть очки и вперед, в сеть. Мнемостимуляторы не просто улучшают память, доводя ее до фотографической, а и разгоняют человеческий мозг, как черные оверклокеры разгоняют с превеликим трудом добытый блок нанопроцессоров. Сопровождается это чувством эйфории и желанием познавать, познавать, познавать — все, что угодно, а если же это что-то необходимое и интересное, то так даже лучше. Конечно, циклотонзилин не был легализированным мнемостимулятором, но Лейдзи научился, в отличие от нытика Лелуша, выгодно использовать свое положение как оператора. Синамуры закрывали глаза на причуды своего воспитанника, тем паче что и сами они вряд ли обходились без наркотических препаратов. Пусть и легализированных, пусть — рано или поздно

наступает момент, когда одним легалайзом уже не обойдешься. И все равно что это будет — гиперморфин, апатофен или циклотонзилин. Синтезированные радость, апатия и жажда познания. И абстинентный синдром — тоже, того, синтезированный.

Хрен бы там, органического происхождения наркотики на обоих Вольфр-Икаруг все равно не действовали.

В ухе, отрывая от мыслей о вечном, запиликал коммлинк. Ну, кто там еще в полпятого утра?..

— На проводе. — сухо сказал Лейдзи, надавив на ушную раковину.

— Я это, я. — поспешно откликнулся Синдзи. — Лелуша я довел до его каюты, если что.

— Спасибо. И себе ни в чем не отказывал?

— Да-да, конечно. Ты же знаешь, что твои речи не возымеют на меня эффекта.

— Ну да, знаю. Но брат же, все-таки! Пусть и глупый…

— Ну так я же не из похоти, а исключительно от высоких чувств. Переизбытка их, так сказать. И нету в этом ничего предосудительного.

— Нету? Ну хорошо, мессир, воля ваша. А чего звонить-то?

— Меня преследует навязчивое чувство того, что мы о чем-то не договорили.

У Лейдзи внутри что-то ёкнуло. Неужели Синамура уже прознал, что содержимое мем-карда уже прочитано, подредактировано и скопировано? Или что трейлер, принадлежащий "Миллениуму", видели въезжающим в, а потом выезжающим из Тегерана, в то время как косяк из трех других трейлеров потянулся дальше? Или что он, Лейдзи, был там, когда "Израфель" взял и ни с того, ни с сего исчез?

Нет, нет, исключено…

— Н-ну. И о чем же? — спросил он, придав голосу максимально возможную безразличность. — Я тебя внимательно слушаю…

— Когда вернешься со своей охоты, — а с нее ты должен вернуться со щитом, и это не обсуждается, — шлепнешь подпись на парочку бумажек, которые я подготовлю, хорошо?

— А что за бумажки?

— Сущие мелочи. Юридическое подтверждение перехода половины твоих биоаугументированных органов в твое личное и безраздельное пользование. Какой половины — мы оговорим уже на месте.

— Серьезно? — Второй с трудом сдержал проскользнувшие было радостные нотки в голосе. — Половина?

— Да, половина. Что с ними делать дальше — решай сам. Можешь хоть целиком выкупиться — мешать я не буду. Только вот все данные отойдут нам, ты же понимаешь.

— Понимаю. Но вот только… а что насчет Лелуша? Ему-то право собственности важнее, раз уж он так за него держится…

— А что он с ним делать будет? Лелуш, к превеликому сожалению, совершенно не способен взаимодействовать с обществом. Выпустить его — ну выпустим, и что? Через месяц сам обратно запросится. Потому как работу найти не сумеет, а если сумеет — без должной подготовки собеседование не пройдет; ну а можешь ли ты представить себе своего брата, прирожденного и доведенного до идеала оператора, в трущобах Тибы или Шанхая? Ну вот и я не могу. И отец не может. Так что раз его все равно придется возвращать обратно, то это лишь пустая трата времени. И лишний риск — где гарантии, что его там не пустят на органы, не сожгут ЦНС нейротоксинами или не пристрелят, в конце концов?

— То есть, он не сможет о себе позаботиться, и поэтому за него этим будет заниматься "Синамура"?

— Скорее всего. А ты — можешь. По крайней мере, я так думаю.

— А твое мнение многого значит?

— Да.

— Ну, тогда будь по-твоему. Я отбываю сегодня в полдень. Когда все закончится — я свяжусь с "Синамурой", будь покоен. И мы все подпишем, и рюмочку сакэ выпьем, может даже на брудершафт, это как получится…

— Тебя не искать перед отъездом?

— Нет, не ищи.

— Тогда побереги "Юстикатор". И себя. Себя — в первую очередь.

— Уж будь покоен. — заверил его Лейдзи. — Поберегу.

***

Темно-красные пехотные доспехи ехали сами, на автопилоте, двигаясь по строго определенному маршруту и щадя уставших и

измученных пилотов. Шлемы были предусмотрительно опущены — мало ли, рисковать головой не стоит вообще, в любых условиях. А бросалось в глаза совсем другое — доспехи ехали рядом и держались за руки, переплетя механические пальцы.

За время полета обратно шок у полковника Лэндлайт прошел — долго зацикливаться на шокирующих ситуациях для нее было непозволительно в принципе. Разбираться со своими внезапно обретенными братьями — тоже. По этому поводу решение уже было принято:

— Об этом никто не должен узнать. Вообще никто.

— О чем? — поинтересовался верный Линдсей. — О твоем сходстве с Вольфр-Икаругами?

— Именно о нем. Мы хлопот не оберемся, если что-то такое выйдет на свет. — Люция устало и печально вздохнула. — Все-таки, отец на этот счет был прав. Не тянула бы себя за язык, было бы лучше.

Ее все еще мучило чувство того, что ее обманули. Причем обманули самые близкие в мире люди; просто взяли и скрыли, что у нее, оказывается, есть двое младших братьев.

С другой стороны, пришло и понимание того, что обстоятельства могли заставить ее отца молчать, а сами Синамуры держали подробности создания братьев Вольфр-Икаруг в глубочайшей тайне. Методиками создания высококлассных операторов, сравнимых с японскими меха-самураями или Тысячелетними Гвардейцами КСДР, так просто никто бы не разбрасывался.

Нечестно? Да. Но мир редко бывает честным, и это Люция усвоила в первую очередь. А судьба и так была слишком благосклонной к ней — она была дочерью британского рыцаря, она сама добилась места в тогда только учрежденной и еще экспериментальной академии "Анубис-Хеда", у нее от природы, без генной модификации или имплантантов, были высокая скорость реакции, выносливость и смекалка, необходимые для управления штурмовым комплексом, она командовала подразделением таких же высококлассных операторов — лучших из лучших, ей было оказано найвысшее доверие обьединенного командования ООН. А еще у нее был Линдсей — у нее и только у нее. Единственный, кому она могла полностью доверять и единственный, кто ее полностью понимал. Уж так он был устроен.

А теперь — Вольфр-Икаруги. Единственный факт, не вписывавшийся в череду благосклонностей. А ведь Лелуша в качестве кандидатуры в операторы "Птолемея III" выбирала даже не она — в работу Исдеса, одного из двух настоящих(полностью осознающих себя) ИИ "Анубис-Хеда", вмешиваться было категорически запрещено. Чего там — до того она о нем и не знала.

А оказалось — родственник. Причем еще и прямой.

Тем более это не должно просочиться наружу. Ни в коем случае не должно, иначе грянет нешуточный скандал. Да, держать их в неведении действительно было наилучшим вариантом из всех возможных.

— Возможно. Но ты же не можешь вечно прятать глаза под очками. Рано или поздно…

— Я знаю. Рано или поздно все бы вылезло наружу. А с Лелушем нам еще предстоит работать и работать. Я больше чем уверена, что он — именно то, что нам нужно.

— "Синамура" его не отпустит. — майор сразу понял, о чем конкретно идет речь. — Вольфр-Икаруги даже по отдельности — колоссальное вложение денег и времени. Я не удивлюсь, если они обошлись "Синамуре" во столько же, во сколько им обходится один эш-ка.

— Отпустит-отпустит, куда денется. Лучшего кандидата для "Птолемея III" и не найти. Несмотря на свое поведение, которое критики вообще никакой не выдерживает, он умен, храбр и смышлен, как уже показывала боевая практика — даже решителен.

— За штурвалом третьей машины он будет всяко получше меня.

— И это тоже. Так что я обращусь к генералу Гильгамешу с просьбой принять меры по привлечению Лелуша Вольфр-Икаруги к несению воинской службы в составе автономного соединения "Анубис-Хед", и далее по тексту. Тут рекомендации, тут замечания, все как положено. Ну и передам материалы по делу Чхонли, которое можно считать закрытым.

— Можно ли? Или это лично твое мнение?

— Я верю, что его порешит либо "Миллениум", либо Крестоносцы. А за Крестоносцев я получу по шапке, причем серьезно. — с горечью в голосе констатировала полковник. — Потеряла кучу эш-ка, недооценив противника, остов пораженной

машины у меня из-под носа увели, городу нанесли урон… как ты думаешь, этого достаточно для разжалования? Еще и с судебным слушанием, не иначе.

— Вряд ли. Ты же знаешь, что генерал Гильгамеш тебе благоволит, и делу выйти за пределы "Анубис-Хеда" он не даст. Успокойся, пожалуйста. Спокойствие тебе очень идет.

— Ты всегда это говоришь.

— Должен же кто-то говорить тебе комплименты.

— А я и не возражала, чтобы их говорил мне ты. Не бойся, у меня уже нету сил себя накручивать. А разнос я все равно получу, я знаю. Так надо.

— Да, так надо. — произнес Линдсей и замолчал, крепче стиснув руку ее доспеха. Тактильные ощущения пальцы машины передавали.

— Спасибо. — тихо поблагодарила его Лэндлайт.

Флоренс Линдсей промолчал — за что именно была благодарность, его не интересовало. Главное, что он ее, как и всегда, заслужил.

Солнце продолжало неумолимо карабкаться вверх по небосводу — день над негостеприимным Тегераном только-только вступал в свои права.

Глава XI

Остан Гилян, Исламская Республика Иран

Внедорожник на топливных элементах — настоящая редкость для такого побитого войной захолустья, как Иран — несся по пустой и разбитой, как при развитом социализме, дороге, устремившись на север-северо-запад, к границе с Арменией. Через границу было уже давно невозможно перейти — армяне, не без помощи русских, отгородились от проблемного соседа десятиметровым дюракритовым барьером, по верху которого шла колючая проволока под напряжением, а подходы были ограждены самым настоящим лазерным заграждением, перед которым опять же шла проволока, противотанковые ежи и минные поля, каждая мина в которых была способна оторвать ступню эш-ка.

Вань Чхонли, сидевший за рулем внедорожника, не собирался пересекать границу — хотя если бы он хотел, он бы мог ее пересечь. Его цель, правда, лежала неподалеку от нее, и он стремился к ней так быстро, как только мог.

Времени было в обрез. Он бежал из Тегерана, воспользовавшись заранее отключенными заграждениями в невероятно тесной канализации. К вечеру следующего дня он добрался до заброшенной гидропонической фермы в Гиляне — одной из тех, что когда-то оплатила ООН, а иранские власти даже построили. Зря — она не выдержала даже одного налета курдских рейдеров, перевешавших фермеров и увезших все ценное на борту своих вертолетов. Целый день Чхонли пришлось отсиживаться там, в компании распотрошенных гидропоников и разбитых голографических консолей. Впрочем, спутниковая антенна еще работала, и ему оставалось лишь по-старинке воткнуть в разъем за ухом переходник человеко-машинного интерфейса — вай-фая здесь не было, да и антенна самого Ваня так и осталась лежать где-то в коллекторах. Где-то в Тегеране он потерял и мем-кард со своими записями; бэкап у него был, но сама вероятность того, что кому-то из преследователей достались его данные для личного пользования, заставляла его клокотать от бессильной злобы.

Подключившись к сети, Вань немедля обнаружил, что его лазейка в интранет КЭГ так и не была заделана, и через нее кто-то проник внутрь и основательно покопался в данных, особенно

тех, что касались испытаний проклятого лазера. Проверить их целостность бывший гендиректор не сумел — отдел сетевой безопастности прекратил самозабвенно резаться в "Final Destination"[45] со сворой китайских тинэйджеров и попытался исполнить свои прямые обязанности, но Чхонли успел улизнуть. След от неизвестного лазутчика вел на Орбиту, в Августейший Кластер, но что-то здесь явно было не так. Но вот уже в Кластере след оборвался начисто, а копать смысла не было — здесь Чхонли мало что смыслил, да и сетевая безопастность Орбиты, особенно когда в деле были замешаны земляне, отнюдь не дремала, а в деле со взломом корпоративного интранета она даже выступила бы на стороне взломщиков.

Времени действительно было в обрез. Ладно Крестоносцы, но если "Миллениум" обнаружил координаты Грааля, то они могли уже направляться туда. Вань пришел к выводу, что нельзя задерживаться ни на минуту. И убрался с фермы на этом самом внедорожнике.

Средства шантажа, которым являлся уничтоженный "Старлэнс", у него уже не было. Единственным преимуществом оставался его, собственно, размер и средства маскировки; эш-ка будет достаточно сложно обнаружить одного-единственного человека, да еще и в плаще с оптическим, термическим и рентгеновским камуфляжем. И противолазерным покрытием.

По крайней мере, китайцу оставалось только надеяться, что подобный план(если, конечно, это вообще можно было назвать планом) сработает. И Грааль, образно выражаясь, достанется ему. Да. Если древние тексты не врали, от него можно сойти с ума, если не обладать достаточной… решительностью?.. силой воли?..

И того, и другого ему было не занимать.

Немногие крупные населенные пункты приходилось объезжать — все, что помельче, были давно заброшены. Несколько раз попадались иранские заставы на дорогах, и приходилось опять искать обходной путь. Один раз пришлось даже прятаться в небольшом овраге от опять-таки армейской колонны — танки, БМПД и БТР, на каждой машине по дозорному в архаичных ДР-очках. Да и сама техника прямо-таки чудом еще была на ходу. Как-никак, военное положение, со всеми вытекающими: экономика, кроме военно-промышленного сектора и связанных с ним отраслей — на нуле, общественная жизнь — на нуле, больше половины взрослого населения — в армии, после пяти вечера — комендантский час. И живут ведь, хотя Чхонли и

помыслить не мог, как им это удается.

Заночевать ему пришлось в машине — он понял, что дальше вести машину не может, пускай до цели и остается километров двадцать. Проклиная слабость своего тела, он проглотил безвкусное снотворное и заснул, сидя в кресле. Семь часов пролетели, как один, и он, проснувшись, вновь завел машину и поехал дальше. Ваня начинал мучить голод — в недальновидности своей он уничтожил остатки своих припасов еще на той ферме. Нанитам в голове, образно выражаясь, пришлось потесниться — все мысли Ваня Чхонли теперь занял Грааль, такой близкий и все еще такой далекий.

А он был здесь, в остане Ардебиль, и до него оставались считанные километры. И с каждым пройденным метром, на который уменьшалось отображаемое на спутниковом навигаторе расстояние, подозрительность Ваня воспаряла все выше и выше. Вдобавок к голоду и нетерпению его начало терзать ощущение того, что где-то что-то пошло не так. Вообще, очень многое пошло не так; откровенно говоря, если звезды и благоволили кому попало, то в число этих "кого попало" Вань Чхонли отнюдь не входил.

А хуже всего — его опасения подтвердились; уже менее чем за километр до вожделенного Святого Грааля земля вдруг заходила ходуном. Чхонли в панике бросил машину в сторону и затрясся по бездорожью. Внедорожник влетел в небольшую ложбину, китаец не справился с управлением, и "Макао 4х4" впечатался в скалу.

Когда Чхонли наконец выкарабкался из плена подушек безопастности, земля под ногами дрожала так, что ему пришлось уцепиться за кузов погибшего джипа.

Прямо перед ним, заслоняя солнце и неистово грохоча и жужжа, прошел штурмовой комплекс. Десятиметровый песчано-желтый гигант класса "Хинду"; массивные наплечники, едва заметный похожий на капюшон шлем, округлые пластины юбки. Левая рука сжимала огромный ствол рельсотрона, а в правой был обнаженный дао — мономолекулярное лезвие поблескивало на солнце.

Эш-ка одним шагом взошел на скалу и с грохотом опустился в овраг за ней. Тряска отнюдь не унялась — вдалеке блестел на

солнце противолазерным покрытием другой эш-ка, а еще чуть поодаль — третий, с массивными шипастыми плечами и темно-синего цвета.

"Миллениум". "Миллениум" вышел на тропу войны. А "Хинду"-класс принадлежал "Синамуре". Хорошо, и они тоже на нее вышли. На тропу войны, то есть.

Вань понимал, что сейчас их встретят, если уже не встретили, машины Крестоносцев; и скорее всего, операторы устроят сражение. Его шанс, пронеслось в его голове, когда он кинулся к багажнику джипа, был прямо перед ним; пока они слишком заняты друг другом, пробраться ко входу в пещеру, а уже дальше все — дело техники и везения. Тут все, подумал он, драпируясь в маскировочный плащ, было делом везения.

Но, как уже было сказано ранее, Чхонли больше не везло. Вновь затряслась земля; эш-ка "Миллениума" отступали прочь, а посередине оврага, достаточно широкого для свободного маневрирования четырех эш-ка, стоял один-одинешенек песчаный "Хинду"-класс. Трое его противника — "Херувимы" Крестоносцев — как один обнажили оружие; лязг оглушил Ваня, а покалывание по всему телу от магнитного поля вокруг энергобулавы ощущалось даже на таком расстоянии. Над оврагом гулял раскаленный четырьмя работающими на пике своих возможностей реакторами воздух.

— ДА СВЕРШИТСЯ БИТВА!!! — неожиданно взревели динамики одного из Крестоносцев, оглушив Чхонли и заставив его прижать руки к ушам. Из более мощных динамиков на "Херувимах" протяжно завыли церковные хоры, взывавшие к Господу христиан, дабы Он благословил своих святых воинов на праведную битву.

— ДА??!! НУ ПОКАЖИТЕ ЖЕ, НА ЧТО ВЫ СПОСОБНЫ!!! — заревел в ответ "Хинду"-класс и взмахнул мечом в дразнящем жесте, создавшем новые порывы ветра, заставившие Чхонли укрыться за камнем попрочнее.

Завороженный и парализованный зрелищем, он мог только испуганно смотреть на то, как вновь заревели двигатели эш-ка, и трое Крестоносцев обрушились на своего одинокого противника.

Грохот. Звон. Дождь искр.

Казалось, что над обителью Святого Грааля схлестнулись в яростной битве сами боги.

***

Местность над пещерой Грааля, остан Ардебиль

"Миллениум" добрался сюда гораздо более открыто — злые солдаты на КПП при виде опознавательных знаков достаточно известной ЧВК и после путаных обьяснений их намерений, пропускали колонну трейлеров, с опаской провожая ее взглядами. Так как трейлеров на пять машин, включая "Юстикатор" Лейдзи, не хватало, то один эш-ка шел рядом с колонной, и это служило дополнительным аргументом при переговорах.

Прятаться смысла не было, в любом случае; трудно спрятать пять эш-ка, если они к тому же и движутся куда-то. Но лично Лейдзи и не думал прятаться.

"Юстикатор" держал в левой руке рельсотрон, а в правой — дао, только что извлеченный из ножен. Второй для пробы взмахнул им два раза и остался удовлетворен результатом — с равновесием при подобном вооружении были проблемы. Противовесы были вытянуты на максимальную длину.

— Вы уверены, что хотите сражаться вот так, мистер Лейдзи? — скептицизм Инграма был слышен даже через рацию. "Мертвая Голова" стоял чуть поодаль, оперевшись на цепной меч. Чуть позади него застыл "Ворпал Блейд", а сбоку от Второго стоял "Айвори Тауэр". "Нордлюфтцуг" только-только поднимался в вертикальное положение с трейлера.

— Ага. Врагу — фора, мне — немного огневой мощи. Лишний ствол никогда не помешает, нет?

— Ну, так он же сильно большой, нет? — вклинилась Грейс в разговор. — Со стороны выглядит так, будто бы компенсирует недостаток размера в штанах.

— Я протестую! Размер не имеет значения! — "Юстикатор" картинно уставился на рельсотрон, бывший самую малость, каких-то два метра, короче самого эш-ка. — Умение, э-э, превыше всего!

Наушники зашелестели — видно, Грейс рассмеялась.

— А умения вам не занимать, так что ли?

— Этого у нас не отнимешь. — заявил Лейдзи и переключил канал: — Ингрaм?

— Да. Мы выдвигаемся. — кратко ответил тот.

В отличие от Ваня Чхонли, чей джип останется незамеченым и совсем вскоре врежется в скалу, отряд "Миллениума" прекрасно видел троих выстроившихся полукругом "Херувимов", стоявших внутри довольно крупного, возможно — расширенного искусственно, оврага. "Юстикатор" вступил в овраг первым, в два шага преодолев преграду из окружавших эту арену скал.

— Получен запрос на открытие канала связи. Источник не внесен в список дружественных частот.

— Открывай.

— Выполнено. — прошелестел ИИ. В наушниках зазвучал другой голос — бесстрастный и с металлическими нотками от электронной обработки:

— Итак, вы пришли. Мы вас ждали.

— Я так полагаю, что общаюсь с представителем Крестоносцев Святого Престола?

— Вы потрясающе догадливы. Мы вынуждены предупредить вас, что мы не отступим ни на шаг с этой святой земли. Сколько бы вас ни было — мы будем сражаться со всеми вами.

— Интересный расклад получается. — Лейдзи переключил канал на внутриотрядный. — Все слышали?

— Ничего не слышали. В чем дело? — тут же отреагировал Виндикатор.

— Ну, они готовы биться со всеми нами, сколько бы нас не было. Похвальная самоотверженность.

— Не без умысла, на всех нас здесь не хватит места. — констатировал молчавший до этого Мбабе. — Перебьют. А мы отступить не успеваем, массированная атака тоже накрывается, тяжелого оружия нету почти.

— Э-э, так а что ж мы делать будем? Отступить же нам не дадут.

— Может и дадут. Грейс, отступать — не выход.

— А смысл рисковать своими машинами из-за одного засранца, которого здесь может и не оказаться?

— Э-э, так вы и не рискуйте. — как будто бы между прочим заметил Лейдзи. — Дайте мне пространство для маневра только, и все.

Лейдзи не принимал наркотиков и не прибегал к

стимуляторам — возникший у него в голове план был достаточно безумным, чтобы сработать.

Победить трех Крестоносцев.

В одиночку.

— Начать оценку тактических возможностей противника, по отдельности и вместе. — приказал он ИИ "Юстикатора".

— Принято.

— Лейдзи, вы наверняка что-то задумали.

— Да, привыкайте. Я собираюсь сразиться с ними. В одиночку. Все.

Наушники замолчали. Панорамный монитор продолжал пестреть пометками, указателями и величинами — ИИ послушно оценивал возможности трех "Херувимов". Результаты пока были неутешительны.

— Вы потеряете свою машину. Возможно и жизнь. Вас же просто раздавят! — укоризненно произнес Виндикатор. — Это как раз — безрассудство чистой воды.

— Отчего такая забота обо мне, Инграм? Я сам вызвался. Сохранность вас и ваших машин не будет поставлена под угрозу — я рискую только собой и "Юстикатором". А мне нравится рисковать.

— Я не могу вам помешать, конечно. Но всему есть предел, Лейдзи!

— Я предпочитаю устанавливать свои пределы сам. — Лейдзи усмехнулся сам себе. — В любом случае, не бойтесь. Я намерен выйти из этой схватки победителем.

— Вам удастся?

— Я обещал. Тем более, у нас же большие планы на будущее, разве нет?

— Проку от них немного будет.

— Если я вдруг отброшу копыта — да. Но вам хуже не будет, смиритесь.

Умирать здесь Лейдзи Вольфр-Икаруга точно не собирался.

— Оценка завершена. — оповестил ИИ. Второй скептически оглядел представленные цифры.

— Не будет. Но постарайтесь не сдохнуть раньше времени. Удачи. — "Мертвая Голова" развернулся назад и взобрался на

скалу. — Мы отступаем!

— Угу. — Лейдзи переключил канал связи. — Эй, господа хорошие, я готов. Клянусь, что я буду биться со всеми вами, сколько бы вас не было, и не отступлю ни на шаг.

— Вы умрете.

— Идите нахер, а? У меня от таких фразочек уши вянут.

— Как угодно. Готовьтесь.

Второй оборвал связь.

— Перевести реактор на работу в усиленном режиме!

— Переход на работу в усиленном режиме может повлечь за собой перегрев конструкции машины и повреждение внешней оболочки реактора, а также…

— Успокойся, а? Код Ипсилон, если тебе от этого станет спокойнее.

— Подтверждаю код Ипсилон. Начинаю увеличение мощности реактора, верхний предел — 145 %. Обстоятельство запротоколировано в бортовом самописце.

— К дьяволу.

— Ну же? Вы готовы? — вновь задал вопрос Крестоносец. Машин было, как уже ранее было сказано, три: та, что посередине, носила имя "Аариэль", по левую руку от нее стоял, сжимая длинную, но отнюдь не церемониальную, алебарду руками, "Ходиэль", а по правую руку — "Шофтиэль"[46], опершийся на два меча-фламберга.

Лейдзи сделал глубокий вдох.

— Всегда готов.

— Тогда… — "Аариэль" сделал небольшую паузу, а затем грохнул из внешних динамиков: — ДА СВЕРШИТСЯ БИТВА!!!

— ДА??!! — в тон ему выкрикнул Второй, тоже включив внешние динамики, не уступавшие в мощности тем, что на "Херувимах". — НУ ПОКАЖИТЕ ЖЕ, НА ЧТО ВЫ СПОСОБНЫ!!!

Он дразняще взмахнул дао.

"Шофтиэль" сорвался вперед первым, замахиваясь одним фламбергом еще на бегу, а другой пытаясь провести ниже, в кабину. Лейдзи отошел на шаг, парируя один меч своим дао, а другому подставляя округлую юбку.

Грохот. Звон. Дождь искр.

Битва только началась.

***

"Шофтиэль" отступил на шаг; фламберг, метивший в кабину снизу и сбоку, соскользнул с пластин юбки. Одновременно на "Юстикатор" бросился "Ходиэль", намереваясь покончить с заносчивым противником ударом алебарды справа налево.

Второй стремительно развернул торс эш-ка, перехватывая древко алебарды стволом рельсотрона. Одной отрывистой командой отобразил прицел и нажал на спуск на левой руке. Снаряд, вырвавшийся из ствола рельсотрона, прошел по касательной к плечу "Аариэля", оттолкнув машину назад и сбив с плеча позолоченный динамик в виде ангелочка с трубой. Плотность церковных гимнов на кубометр воздуха снизилась, а Лейдзи усилил свой натиск на "Ходиэль", заставив отступить и его, и отошел сам, вырываясь из боя — перехватить дыхание.

— Повреждения пока минимальны. Реактор на 98 % мощности, 45 % из нее идет на руки.

— Хорошо идем. — выдохнул он. В кабине стало душно, а сам Лейдзи под рубашкой и шлемом страшно вспотел, очасти от напряжения.

А ведь этот эпизод боя занял едва ли минуту.

"Ходиэль" отказывался униматься — Крестоносец занес алебарду над головой и рванулся вперед, опуская свое оружие на голову "Юстикатора". Алебарда своим весом увлекла его вперед, и Лэйдзи было достаточно отступить назад, хотя он сделал это довольно поспешно и неуклюже.

Результат был достигнут: топорище алебарды зарылось в землю, и по ней забарабанили пули из смонтированного в паху "Юстикатора" противопехотного пулемета; причинить вред древку они вряд ли могли, но пальцам "Херувим"-класса бы не поздоровилось.

Одновременно с неудачливым "Ходиэлем" вперед пошел "Аариэль", перехватив булаву обоими руками. Удар был столь стремителен, что Лейдзи едва успел выставить дао перед собой,

перехватив им рукоять булавы. Казалось, он даже через броню чувствовал покалывание энергетического поля вокруг навершия.

— Секция 2 правого предплечья повреждена. — а этот удар он уже пропустил, и "Шофтиэлю" удалось вогнать фламберг в нижнюю часть предплечья правой руки и тут же его выдернуть. — Мускулы предплечья 7 и 8 серьезно повреждены.

— Активировать магниты ладони, перевести сервомоторы правого локтя в режим сгиб-поддержка, сервомоторы ладони в дублирующий режим.

— Принято.

"Аариэль" отступил, а затем ударил снова, и удар приняла юбка. Эш-ка бросило вбок; Второй едва успел отшагнуть вбок и выбросить тормозные шпоры.

— Секция 3, правое бедро, повреждена обшивка. Пластина 4, правый борт, критическое повреждение. Аварийный сброс пластины.

— Механизмы ноги! — выкрикнул Лейдзи, шипя от напряжения; он едва успел втянуть шпоры, отойти на два шага и парировать оба клинка "Шофтиэля". Правая рука ощутимо тормозила; мизинец и безымянный пальцы на руке машины парализовало. Вдобавок, "Ходиэль" сумел высвободить алебарду и гораздо медленнее пошел вперед, выставив перед собой ее острие.

— Не повреждены. Падение продуктивности правой руки в пределах 18 % от нормы.

— Перенаправить четверть электроэнергии с ее механизмов на главное орудие! Дослать снаряд, готовность к стрельбе!

— Принято. Перенаправление энергии завершено, идет досылка снаряда и накопление начального заряда.

Лейдзи опять отступил и резко развернул длинный ствол рельсотрона в сторону "Ходиэля", едва не опрокинув свой эш-ка на спину. Тот чуть убыстрил шаг; а спереди, занося энергобулаву для удара, подходил "Аариэль".

— К стрельбе готов.

Одновременно резко отодвинувшись в левую сторону, Второй выстрелил.

Ствол рельсотрона, оканчивавшийся двумя внешними

энергоотводами, ударился в среднюю часть торса "Ходиэля", и сразу за этим снаряд, продолжающий разгоняться до гиперзвуковой скорости, сходу пробил сквозную дыру в средней секции вражеской машины, просто снеся ей хребет.

Верхняя часть тела "Херувим"-класса просто подломилась и упала оземь, увлекая за собой все еще соединенную подвижными пластинами средней секции нижнюю.

Лейдзи оттолкнул непослушной правой рукой, сжавшей мертвой хваткой магнитов дао, мечи "Шофтиэля", занес ее над головой и — широкий шаг — оказался за лежащим "Ходиэлем" и рубанул мечом по выступающей вперед груди. В ударе было достаточно силы, чтобы пробить фронтальное бронирование и взрезать кабину вместе с люком, убивая не успевшего катапультироваться Крестоносца.

— Один — ноль! В мою пользу! — исступленно выкрикнул он, включив внешние динамики. И зря: "Аариэль", во всех чертах которого появилось что-то грозное, шагнул к нему, занося булаву для удара. "Шофтиэль", прибавив скорости, обходил сбоку.

— Реактор на 110 % мощности. Плечевые компенсаторы по левому и правому борту выведены из строя. Смещение спинных позвонков с 5 по 8 с превышением допустимой нормы. Мышцы 1–4 средней секции на пределе растяжения, демпферы средней секции 1 и 4 показывают недопустимое увеличение скорости сжатия-растяжения. Мышцы голеней 5-10, правая нога и 6–8, левая нога — предел растяжения. Радиаторы 4 и 6, выведены из строя.

— Я знаю! Молчать! — "Аариэль" нанес удар булавой наискось; тормозящая правая рука, все больше обвисающая мертвым грузом, не успела подойти для отражения удара, и энергополе булавы смяло правый наплечник.

Рука Лейдзи одним почти незаметным движением дернулась к кнопкам аварийного отстрела — смятые пластины наплечника, обнажив прямоугольный корпус плечевого сустава, взвились в воздух и, описав дугу, отлетели в сторону — а затем все так же схватила рукоять управления, будто бы ее и не отпускала; левая рука так и не успела опасть. Он дал задний ход, одновременно поднимая ствол рельсотрона и наводя его на оказавшийся в поле зрения "Шофтиэль". Щелчок — снаряд отправлен на рельсы; движение — начато накопление заряда. Плечо "Херувим"-класса, с которого был демонтирован выдвижной реактивный огнемет, замененный простыми пластинами, оказалось как раз в

прицельной шкале.

На видимой только на мониторе шкале готовности загорелись зеленые буквы "READY", и Лейдзи выстрелил. "Шофтиэлю" оторвало правое плечо — выдрало сервомотор с демпферами и амортизаторами из плеча. С мясом. Рука, пробитая насквозь снарядом, безжизненно ударилась об скалу, а раненый Крестоносец покосился на покореженное плечо и ускорил шаг, отводя фламберг в уцелевшей руке для удара.

Удар булавой "Аариэля" был перехвачен и сдержан стволом рельсотрона, который Второй тут же отстрелил — громоздкое оружие, ствол которого смяло и обрубило посередине энергополе булавы, было уже бесполезным. Отойдя еще на шаг назад, он отключил магниты правой ладони и отстрелил два парализованных пальца на ней. Дао перешел в здоровую правую руку, и как раз вовремя — мстительный "Шофтиэль" проткнул уязвимый плечевой сустав сверху вниз. Ударил — вытянул; сервомотор был уничтожен, а рука парализована полностью. Ну, почти; Второму удалось согнуть ее в локте и выставить перед собой, как своеобразную преграду.

"Аариэль" был куда более опасным противником, и именно из-за булавы, которую было сложно перехватить, а уменьшить ущерб от нее могли только пластины наплечников и юбки. К тому же, на "Юстикатор" по-прежнему наседали с двух сторон.

Лейдзи развернулся к "Шофтиэлю" и отразил как раз завершающийся выпад. Клинки вновь схлестнулись, вызвав фонтан искр. Высвободить оружие — удар! — на самом последнем участке траектории Второй резко дернул руку в сторону, избежав еще одного столкновения с вражеским мечом, вывернул торс "Юстикатора" боком и нанес быстрый удар сверху вниз по руке врага. Как раз по локтю.

Снова фонтан искр — мономолекулярное лезвие столкнулось с кожухом вокруг сустава, а затем прошло сквозь него, аккуратно разрезая сервомотор и окружавшие его кабели на две равные части.

В обычном бою враг должен был бы немедленно просигналить об отступлении и отправиться получать нагоняй, но отступать Крестоносцам было некуда. "Шофтиэль" отошел назад на два шага, остановился и ринулся вперед, желая сбить

"Юстикатор" с ног своим весом.

И встретился с направляемым мощными искусственными мышцами и работающим на пределе своих возможностей реактором дао, вонзившимся как раз в кабину, сходу пробив фронтальное бронирование вокруг нее. Да, однолезвийным оружием было сложно что-либо проткнуть, но это обстоятельство Второй компенсировал грубой силой.

"Шофтиэль" остановился; ИИ машины довел занесенную для очередного шага ногу до земли, а после, зарегистрировав гибель пилота, выключил все системы. Лейдзи не без труда высвободил дао и развернулся к "Аариэлю", опустившему булаву.

Противники смерили друг друга взглядом — пылавшие желтым глаза "Аариэля" встретились с ярко-зелеными "Юстикатора".

— Два-ноль. — выдохнул Лейдзи.

— И какой ценой? — прошелестел в наушниках бесцветный, с металлическими нотками, голос Крестоносца. — Вы загнали свой штурмовой комплекс. Я прекрасно вижу это — еще чуть-чуть, и он просто развалится.

— К сожалению.

— Мечта о Граале поразила и ваш разум?

— Пока вы не сказали, я даже не задумывался об этом.

— Тогда ваши мотивы мне не ясны. Зачем было ввязываться в подобное сражение? Ради самого сражения?

— Тьху. Я оказывал… — Лейдзи сделал паузу, — друзьям услугу. Всего-то.

— Вы всегда оказываете своим друзьям такие услуги?

— Ради вас я сделал исключение.

— Отступайте. Победить двух моих братьев по оружию в одиночку — это большая честь. Неужели вам ее недостаточно?

— Или все, или ничего. Терять мне нечего. Я не отступлю.

— Тогда я буду вынужден убить вас.

— Вы будете вынуждены попытаться. — отрезал Лейдзи и прервал связь. — Все равно этот разговорчик был слишком претенциозным.

"Юстикатор" действительно шел на последнем издыхании. Правая рука висела мертвым грузом. Мышцы по всему корпусу машины начали разлезаться от жара, часть мышц на ногах была уже на грани разрыва, амортизаторы были большей частью

сломаны, демпферы недопустимо свободно ходили, позвоночник сместился от напряжения, а кое-где в суставах, похоже, вылетели крепления. В кабине было нечем дышать. Стенки реактора, похоже, начали оплавляться, а работало едва ли два радиатора и дополнительные на ногах.

— Эт-то есть наш последний и решительный… а, забыл как там дальше… — пробормотал Лейдзи, отпустив рукоятки управления и потянувшись. — Последний раз, короче, и все. Понимаешь, да?

"Запрос не понят". - вывел на мониторе ИИ, исполнявший приказ "молчать". — "Повторите ввод".

— Не понимаешь? Ну да, ты все-таки машина. Идиот ты Искусственный, вот что. Хотя это даже не твоя вина. — он поерзал на ставшем неудобным и горячим сидении и смахнул с лица выступившие капли пота. — "Вай, как страшно, злые компьютеры могут поработить человечество", бла-бла-бла. Сказочки это все, как серая слизь. Но ничего, не парься. Сделай бэкап, что ли.

"Принято".

— Вот-вот, молодец. "Юстикатор"-то — ну, ты, то есть — сдохнет, но мы пришьем тебе новые ножки, и ты опять побежишь. И ручки пришьем, и глазки, и вместо сердца небольшое солнышко. Не парься, дружище, — Второй протянул руку и ободряюще похлопал по приборной панели, — хотя какой ты мне дружище… В общем, поднапрягись еще. Принято?

"Принято. Тем не менее, запрос не понят. Повторите ввод".

— А, забудь.

— Мы начнем? — спросил по громкой связи "Аариэль", поднимая булаву. К счастью, отметил про себя Лейдзи, внешние микрофоны еще не перегорели.

— Дерьмо вопрос. — "Юстикатор" отвел вбок руку с дао; рука двигалась туго — ее уже начинал тянуть книзу ее вес. — Первый удар — ваш.

Бронированный капюшон качнулся в едва заметном кивке.

И "Херувим"-класс сорвался с места, подброшенный в воздух реактивными двигателями на спине; крохотный крест,

украшавший навершие булавы, сверкнул, когда эш-ка занес ее над собою — и после этого опустил на правое плечо "Юстикатора", начисто оторвав всю руку.

Она, безусловно, и так была только мертвым грузом, но "Аариэль" не стал выдерживать паузу и провел еще один удар — булава разбила правое колено "Юстикатора", оторвав правую ногу ниже колена и заставив машину рухнуть вниз, в коленепреклоненную позу.

Лейдзи поднял дао, перехватив им рукоять булавы, готовой обрушиться на грудь его эш-ка и начал с удвоенной силой теснить ее назад. Крестоносец дернул оружие назад, высвобождая его, и замахнулся снова.

Дао метнулся вбок, столкнувшись с предплечьем "Аариэля"; от удара броня заискрила, но поддалась, и лезвие скользнуло дальше, отсекая сжимавшую булаву руку и перерубая энергокабель. Второй повернул лезвие и повел его в обратную сторону, точно так же отрубая метнувшуюся на перехват левую руку, но уже в локте.

Он отпустил дао, дотянулся свободной уже левой рукой до воротника врага и потянул его на себя — звуковые сенсоры зарегистрировали громкий щелчок от сместившегося позвоночника противника.

А затем отпустил воротник, сжал руку в кулак и пробил кабину "Аариэля" одним-единственным ударом.

Потерявший равновесие враг рухнул на "Юстикатор", увлекая его с собой; Лейдзи выставил руку, схватив труп побежденного за правую сторону груди. Еще одним быстрым движением пальца он зафиксировал руку в одном положении, а затем отпустил обе рукоятки — на дисплее ДР-очков пылала красная надпись: "POWERPLANT DESTRUCTION IMMINENT".

Небольшая звезда, пылавшая внутри "Юстикатора", вот-вот должна была высвободиться в волне света и пламени и выжечь свою оболочку изнутри.

Лейдзи обеими руками дернул на себя рычаг катапульты.

Верхний люк гибнущей машины с грохотом вылетел вверх, а

затем, вдавив сидящего в нем оператора в себя, стартовало ввысь кресло-катапульта, взвившееся в небо и на высшей точке своей траектории распахнувшее парашют.

А внизу, на земле, песочно-желтая фигура "Юстикатора" вдруг вспыхнула ярким, слепяще-белым светом, вырвавшимся из ее груди и сиявшим несколько секунд, прежде чем погаснуть, оставив за собой обгоревший и оплавленый остов, в котором едва угадывался восьмидесятитонный "Хинду"-класс.

SSF "Юстикатор" умер.

***

Лейдзи завернулся в вытащенный из-за кресла плащ и пальцем смахнул задержавшуюся в уголке глаза слезу. Невдалеке, продолжая удерживать поверженный "Ааириэль", стоял почерневший, с оплавленными остатками брони, "Юстикатор".

В конце концов, он верно служил ему четыре года. Ну машина, ну и что? Есть такая вещь, как привычка, а привычки были и у него. То, что сам ИИ "Юстикатора" бэкапнулся на "флэшку" у него в кармане, его мало утешало. Впрочем, ладно. Он сделает его и получше. Он сможет, а как же. Быстрее-выше-сильнее. Ну да и ладно.

Лейдзи сейчас стоял перед зёвом пещеры, уходившим куда-то вглубь — той самой пещеры, из-за которой, по большей части, и разгорелся весь этот сыр-бор. Где-то там, в глубине, был Грааль, который на самом деле и не Грааль, а троян его разберет что. Это только подкармливало его любопытство. И в конце концов, он хотел хоть немного побыть один.

Он совершенно выдохся и просто устал от чудовищного напряжения. Опять же, нервотрепка первоклассная. Где-то в глубине души Второй, конечно, ощущал гордость за себя самого и свои умения — еще бы, убить трех Крестоносцев Святого Престола! В одиночку! На плоховооруженном для ближнего боя канонирском эш-ка! Наверное, его должно было сейчас обуревать чувство эйфории. Но вот беда — эйфория заползла куда-то далеко, как плезиозавр в сингапурском Парке Юрского периода. Когда-то давно, кажется — когда им с Лелушем было по семь лет, их свозили в Сингапур на две недели. Хоть чуть-чуть мир

посмотреть. Вроде бы, тогда из нынешней четверки операторов-синамуровцев не было никого — Сэа и сама, наверное, еще в начальную школу ходила, а Аоки с гордостью носил вдобавок к мечу и офицерские погоны в славной японской армии.

Будто бы целая вечность прошла. Хотя иногда вообще казалось, что эти дни были только вчера.

Через скалы вдалеке перебирался плечистый "Нордлюфтцуг"; за ним маячил блестящий шлем "Ворпал Блейда". Хильда, Хильда… право, Лейдзи было даже немного жаль ее. И засвидетельствовать свою жалость, в принципе, не было настолько плохой идеей; ведь не зря вон и она так рвется глазеть на мертвые эш-ка рентгеноскопами в глазах своего "Вотан"-класса — искать его. Они же думают, что он мертв.

Он, Лейдзи Вольфр-Икаруга — и мертв?!

Ха!

Но что ж, стоит подержать их в напряжении. И утолить свое любопытство, которое погубило домашнего зверя кошку. И не одного сторожевого велоцераптора погубило. Последние десять лет, как вывели домашних динозавров, мода на древних ящеров никак не хотела утихать. А клонировали их в пятидесятых, вроде как.

Лейдзи тряхнул головой и шагнул под своды пещеры. К его удивлению, ход не собирался долго виться и змеиться, а почти сразу вывел его в круглую залу, где в кругу света, бившем из отверстия в потолке, стоял…

А там ничего не стояло. Только каменный пъедестал, выполненный в виде цилиндра или блока колонны, вокруг которого обвивались и стремились вверх две каменные ленты. Выглядела вся конструкция на удивление органично, будто бы образовалась природным путем — и это было так; руки людей к ней не прикасались. И манипуляторы роботов, похоже, тоже. Вообще на всей конструкции, как и по всей пещере, лежал многолетний слой пыли — совершенно нетронутый.

Правильно, ведь никто сюда не ходит. А вот он — пойдет. Пыль раздалась в стороны, когда он шагнул в залу — шагнул и пошел дальше, не останавливаясь до тех пор, пока он не стоял

над пьедесталом и не смотрел на свое отражение на его зеркальной поверхности.

Надо же, действительно зеркало…

Он не слышал ни шепчущих голосов в голове, ни призрачного воя, ни шелеста или еще чего, не ощущал паранойи, ему никто еще пока не чудился… в общем, ничего, что могло бы сказать: "Эй, господин хороший, а вы-то крышей поехали!". Ведь так?

Так или не так?

— Нет. — сказало ему отражение и пошло рябью, подобно волнующейся воде. Не веря, он дотронулся до зеркала рукой… и рука по локоть провалилась внутрь, словно бы в пьедестале действительно была… вода.

Вода?!

А его отражения в ней не было. Исчезло, и все.

Наваждение какое-то… Точно, наваждение. И Лейдзи захотел избавиться от него — сам не понимая, почему он это делает, он взял и закрыл глаза.

Наваждение вмиг исчезло, стоило ему их открыть. Исчезла пещера, исчез пьедестал с зеркалом-чашей, исчез даже он сам — он не ощутил своего тела вообще. Он, словно бесплотный дух, мог только наблюдать. Смотреть, видеть, созерцать — что угодно.

И Лейдзи увидел.

Первым, что он увидел, был величественный блестящий гигант, закованный в платиновые доспехи, с раскинувшимися, подобно цветку, шестью крыльями за спиной и сверкающими из-под высокого шлема рубиновыми глазами. Во внешнем виде и пропорциях фигуры легко угадывалось, что гигант был штурмовым комплексом — однако каким! Его броня блестела на солнце, а свисавшие с плечей цепи были украшены драгоценными камнями; еще один такой камень, но уже гораздо более крупный, сиял посередине лба. Крылья обволакивала корона работающих на холостом ходу плазменных ракетных двигателей. В правой руке эш-ка держал тати, опущенный острием к земле; солнечные блики играли на богато украшенном клинке. Левая рука небрежно держала огромный, чуть выше роста самой машины,

лучемет, дуло которого было направлено вверх, в небо.

Он завораживал. При взгляде на него невозможно было назвать его оружием — платиновый эш-ка выглядел как произведение искусства. Сложно было даже представить, что он на самом деле был машиной — до того органично и жизнеподобно он выглядел, что казался живым существом.

Подул ветер, и фигура машины развеялась, как песок. Лейдзи попытался протянуть руку, чтобы удержать распадающийся мираж — но у него не было рук. Он хотел закричать от злости и бессилия — но не услышал своего голоса. В один момент великолепное видение превратилось в кошмар.

А затем он увидел планету — шар разных оттенков оранжевого, полюса которого обволакивала нежная белизна льдов. И время убыстрило ход, показывая, как на орбите появляется снежно-белый, мерцающий кинетическими барьерами, межпланетный корабль; как он выходит на нужную орбиту и как из корпуса выезжают пусковые установки, отправляющие к поверхности Марса(а планета была именно им) термоядерные бомбы, чтобы уплотнить атмосферу. Перед взором Лейдзи пронеслись, подгоняемые автоматическими станциями-паразитами, кометы — куски межзвездного льда сталкивались с планетой, увлажняя ее и понемногу приближая условия к земным. Вот прошли и приземлились в приполярных зонах станции, которые должны были высадить на Марсе адаптированные под его атмосферу и давление зеленые водоросли, а через определенное время — распространить семена других растений. А потом он увидел на Марсе людей — не уже давно умерших тайконавтов, первыми из людей ступивших когда-то на Марс, а совсем других. Вот две фигуры — мужская и женская — в герметичных скафандрах, предохраняющих от атмосферного давления. В стороне величественными статуями возвышаются два эш-ка — тоже в высоких шлемах, с башенными щитами и пиками, на древках которых были укреплены обвисшие флаги. Мужчина оглядывает едва-едва покрывшуюся сухой травой холодную саванну с хозяйским видом, а женщина восторженно оглядывается по сторонам, разглядывая окружающий их неземной ландшафт, а затем вдруг трогает мужчину за плечо и восторженно указывает пальцем на горизонт, из-за которого, добавляя каплю синевы в красно-розовую дымку рассвета, восходит крошечный и тусклый диск Солнца.

Красная Планета преображалась у него на глазах. Он видел, как на Марсе появляются первые леса, реки, озера, затем и моря. Люди все еще жили под герметическими куполами — невообразимо огромными сооружениями, под которыми выросли города. Но работа над Марсом продолжалась: надо было создать на нем океаны и очертить континенты, сровнять с землей незаселенные кратеры, заселить местность вне куполов животными, способными выдерживать как земное, так и марсианское давление, свести само давление к земному, наконец. Неожиданно пришло понимание того, что никто из ныне живущих не увидит окончательного результата. Даже он.

Перед его глазами проносились решения, сражения, созидание и разрушение. Медленно, не желая признавать факт того, что ее эпоха закончилась, умирала Земля — молодые земляне стремились прочь, к звездам. Отжившая свой расцвет Орбита продолжала хвататься за крупицы былого богатства и влияния, давно перестав быть бастионом свободы и своеволия. Луна, проигравшая в войне с землянами, была попросту растащена на части победителями, превратившись в колонию, из которой нельзя было выжать больше вообще ничего. Люди стекались на Марс, на колонии в астероидном поясе, начали готовить к заселению спутники Юпитера, даже потянулись к жаркой Венере. Люди сломали хребет эволюции, обьявившей их тупиковой ветвью развития, и продолжили развиваться все дальше и дальше, приспосабливаясь к новым условиям жизни, которые они сами себе и создавали.

В каком-то смысле, люди все же были подобны богам.

И Лейдзи увидел сам себя — повзрослевшего и осунувшегося, с подернутыми сеткой капилляров глазами наркомана и выражением пресыщенного безразличия на лице. Он, этот старый Лейдзи, Лейдзи-из-будущего — стоял посередине залитого ярким, не отбрасывающим теней, белым светом посередине такого же стерильно-белого помещения, и созерцал, с какой-то едва заметной искоркой удовлетворения в болезненных глазах, выстроившиеся в ряд металлические цилиндры, почти упиравшиеся в низкий потолок. К нему были обращены стеклянные стенки цилиндров, и через них можно было разглядеть крошечных и уродливых эмбрионов, качавшихся в заполнявшей цилиндры жидкости. Этих цилиндров было ровно семнадцать.

И все.

На Лейдзи вновь навалились ощущения окружающей среды и ощущение собственного тела во всей его полноте. Услыхав звук своего сердцебиения, он чуть не заплакал от радости. Зрение заволок туман, заставивший его ужаснуться и в панике закрыть глаза — а затем так же резко открыть их.

Он стоял на коленях, упираясь руками в пыльный пол. Вокруг него уже успел накопиться многолетний, будто бы и нетронутый, слой пыли.

Пошатываясь, Лейдзи поднялся на ноги и медленно побрел назад, к выходу. Грааль по-прежнему покоился посередине пещеры и представлял собой ту же самую скульптуру — пьедестал с обвившимися вокруг него двумя каменными лентами.

Лейдзи поспешно отвернулся и заспешил прочь, и чем дальше он отдалялся от залы, тем увереннее становились его шаги.

На него снизошло понимание того, что только что дал ему Грааль. Не власть, нет — хотя, тут же пришел к выводу он, в какой-то степени это она и была.

Все было куда проще.

Святой Грааль дал ему, Лейдзи Вольфр-Икаруге, будущее.

***

Когда грохот, лязг и рев, сопровождавшие битву штурмовых комплексов, затихли, Вань Чхонли выбрался из своего убежища, сгорая от нетерпения и радости. Да, самой обыкновенной радости! Трое Крестоносцев больше не представляли никакой угрозы, а "Миллениум" будет слишком занят поисками выживших, чтобы помешать ему. И Грааль, его мечта, окажется наконец у того, кому он должен по праву принадлежать. То есть — у него, конечно же.

Грааль, Грааль, Грааль!.. — Чхонли бесперестанно шептал это слово, смаковал каждый его звук, произносимый им, и изводил себя в предвкушении того момента, когда он войдет в пещеру Грааля и та власть, про которую говорилось на полях тех документов Ватикана, станет принадлежать ему.

Власть над чем?.. Для чего?.. Он не задумывался ни на секунду. Поздно было уже передумывать. Он и так слишком много думал и слишком много ждал.

Он не должен был упустить свою мечту!

Рискуя сверзиться, он поспешно спустился со скалы и побежал, отбросив всякую степенность, приходящую с возрастом, к черневшему зеву пещеры впереди. Его мучала одышка, он спотыкался, а один раз даже упал и ударился об упавший здесь палец эш-ка — безжизненный, металлический, размером с небольшое дерево, с потеками машинного масла и выглядывающими из его торца оборванными темно-розоватыми искусственными мышцами.

Вань поспешно поднялся, отряхнулся и побежал дальше, погрозив оторванному пальцу кулаком. Его гнали вперед жажда и непреодолимое желание наконец довершить начатое и получить желаемое.

Грааль был так близко… так близко! Еще немного, еще чуть-чуть, поднапрячься, забыть про одышку, не обращать внимания на камни и обломки под ногами — бегом, бегом, бегом!

И каково же было его удивление, когда у самой пещеры он увидел брошенное кресло-катапульту с безжизненно опавшим на землю парашютом.

Неужели кто-то был здесь раньше него?!

Кто?!

— КТО?! — завопил Чхонли. — КТО??!!

Вопль перешел в визг, полный ненависти, злобы, разочарования и зависти.

Его! Лишили его вожделенного приза! Который принадлежал ему по праву!

Задним числом Чхонли понял, что он, похоже, сошел с ума. Но что это сейчас значило?

Ничего! Ничего!

Грааль все равно будет принадлежать ему! Ему, и только ему!

А того мерзавца, который посмел посягнуть на его сокровище, его прелесть, его сокровенный приз, он убьет, уничтожит, распылит на атомы, сотрет с лица земли!

— Эй, почтеннейший, ты не меня ищешь? — спросил по-английски чей-то негромкий, с едва уловимым японским акцентом, голос.

Он обернулся и завопил от ужаса — ему хватило лишь одного беглого взгляда в глаза обращавшегося к нему человека — высокого, в наброшенном на плечи плаще, с всклокоченными и влажными черными волосами. А затем на его горле сомкнулись показавшиеся стальными пальцы, и его вопль оборвался на середине; китаец захрипел и схватился за сжимавшую его горло руку обоими своими руками, силясь высвободиться.

— Здесь должно быть что-то про отсутствие веры, которое не может не беспокоить меня. — спокойным тоном прокомментировал Лейдзи, смотря в слезящиеся и расширившиеся от ужаса, пусть и искусственные, глаза Ваня Чхонли. — Но сразу после, хм, своего вознесения можно и побыть оригинальным.

И Второй преспокойно сломал Чхонли шею, отшвырнув назад обмякшее тело беглого гендиректора "Кидо Эревейта Груп". Брезгливо отер руку об подол плаща. Подошел к креслу, поднял с сидения нейрошлем и сам плюхнулся туда. Он повертел шлем в руках и водрузил его себе на голову.

— Меня кто-нибудь слышит? — спросил он в рацию. — Это я. Я жив и здравствую.

Рация молчала.

— "Мертвая Голова", вы что там, спите, или что? Я прекрасно знаю, что вы сейчас на этой частоте. Так отзовитесь же, не томите меня!

— Мистер Вольфр-Икаруга? — переспросила рация. — Лейдзи? Это вы? Вы живы?

— Кто говорит?

— Говорит МТ "Нордлюфтцуг", код оператора — MIN-124T.

Вы точно живы? Где вы?

— Разумеется я жив, иначе я бы не разговаривал с вами! Где Инграм, черт побери?

— Здесь. — вклинился другой голос. — Примите мои поздравления, мистер Лейдзи.

— Вы были потрясающи. — добавил третий. Он мог принадлежать либо Дональду, либо Грейс — скорее всего Грей с, так как оператор "Айвори Тауэра" был на удивление неразговорчив.

— Пустяки, работа у меня такая. Ну, была. Подберите меня, пожалуйста, пеленг сейчас заработает. — Лейдзи пошарил за спинкой кресла и нашарил переключатель, которым щелкнул. — Вот. И пожалуйста, поторопитесь. Нам еще надо убрать трупы.

— Вас поняла. Сейчас.

— Что надо будет сделать с трупами? — деловито поинтересовался Виндикатор.

— Погрузить на трейлеры — мы перевезем их в безопастное место. Обо всем остальном слишком опасно говорить по рации, господин Виндикатор. Но не будет лишним сказать, что да, у нас всех будет очень много дел.

— Я не сомневаюсь.

— Уверен, что не сомневаетесь. Потому что… понимаете, господин Виндикатор, у меня есть мечта, и я вам об этом уже говорил. Но теперь все немного по-другому — это долго обьяснять, но я просто скажу вам, что я знаю, как претворить эту мечту в реальность. Вы со мной?

Виндикатор выдержал паузу. Невдалеке "Нордлюфтцуг" аккуратно обходил трупы "Херувимов" стороной, направляясь к развалившемуся в кресле Лейдзи.

— Я с вами. Но расскажите мне больше, мистер Лейдзи.

— О, будьте уверены, — губы Лейдзи искривила мечтательная усмешка, — я расскажу вам больше. Обязательно расскажу.

Глава XII

Октябрь 2117 — Особая административная зона Гонконг, о. Ланьтау

На заботливо отгороженном от городской местности Ланьтау поле высились друг против друга две гигантские машины — темно-синий плечистый "Вотан"-класс, державший руки на эфесах двух фальчионов, и серый, теперь уже больше напоминающий воина в ламинарном доспехе[47], "Дармштадт"-класс, сжимавший в опущенной руке полуторный широкий меч с темной режущей кромкой, соединенный с самой машиной армированным кабелем, уходившим в ее спину.

У "Кросс Трайфорса" резко прибавилось обьема в юбке и плечах, в которых к тому же скрылись пусковые установки ракет. Шлем украшали две антенны, торчащие с боковых пластин. Люк теперь был закрыт сверху дополнительной бронепластиной. Пулеметы на руках тоже были скрыты броней, а в паху торчал самый настоящий лазер на свободных электронах, питавшийся от новой, более мощной электролитической ячейки. Техники "Порше-Круппа" честно отработали всю ту сотню миллионов долларов, которую с "Синамуры" затребовали за капремонт эш-ка. А капремонт устроили — будь здоров! Чего уж там говорить, скажем, о цейссовской оптике в глазах или французской электронной начинке, если они и кресло поменяли? Боже, да даже шлем у меня был новый, полиморфической конструкции, подстраивавшийся по размеру под носителя. Лобовой щиток шлема был выполнен тоже в виде двух ламинарных пластин, между которыми сейчас мерцали зеленые буквы "ONLINE"; схожие украшения были и на рукоятках и спереди приборных панелей. Вот зачем уже это было делать — ума не приложу, но было красиво.

И сейчас я был абсолютно спокоен, наблюдая за стоящим напротив моего эш-ка "Нордлюфтцугом". Я даже обнадежил представителей "Миллениума", заявив, что не буду уничтожать машину. В худшем случае — выведу из строя с летальным исходом для оператора.

Хотя это как раз был лучший случай — Хильда Дорнье без возражений приняла мое предложение биться до смерти. Я только

плечами пожал. Мол, как хотите, сами напросились.

Мой первый настоящий противник. Уже и не припомню, за что я его так невзлюбил, но даже мысль о том, что я так и не одержал над ним окончательной победы, не давала мне спать спокойно. Если вы вдруг спросите, спать спокойно мне доводилось ровно столько же, сколько и ранее — жизнь вообще вернулась на круги своя. За парой исключений, само собой.

Второй, победивший трех Крестоносцев Святого Престола в одиночку, вскоре после возвращения на Синамурадзиму выкупил остаток своих органов у "Синамуры", передал им их биометрические данные и исчез, недвусмысленно дав перед этим понять, что не хочет пересекаться в интернете ни с кем из нас. Служба безопастности торжественно сложила с себя полномочия по его охране, когда он сел в токийском аэропорту на рейс "Токио-Марсель" и покинул Японию. Запоздало я вспомнил, что штаб-квартира "Опергруппы "Миллениум"" располагалась как раз где-то там, возможно и в самом Марселе. Но когда я попытался тогда связаться с ним, оказалось, что его хэндл "убит" — удален из госбазы данных. А означало это только одно — братец только что отказался от японского гражданства.

У Интернета так и не появился хозяин, как бы не бились над этим корпорации; Силиконовая Долина, в полном составе переехавшая на Орбиту, подальше от недоброжелателей, этим озаботилась в первую очередь. Но хэндлы давно и успешно привязали к гражданству — современный человек постоянно находится в Сети, и игнорировать ее как-то бессмысленно. К тому же, если вдруг, власть придержащие могли пронаблюдать, чем же законопослушные граждане занимаются в, кхм, Всемирной Паутине. Если вдруг. Вопли конспирологов, хотя в них и было рациональное зерно, никого не интересовали, а ИИ в режиме пассивного поиска не интересно, смотрит ли вот этот конкретный Хаято, Ляо или Джонатан какую-нибудь сетевую энциклопедию крайне левого/правого толка, участвует ли в ВР-оргии с однокашниками по какому-то пустяковому поводу или шутит на тему коварных спецслужб, захватывающих мозги невинных пользователей. Хэндлы все равно были еще одним удостоверением личности, и значительно более удобным в пользовании. Возвращаясь же к Лейдзи, следовало заметить, что поиск по возможным его хэндлам ничего не дал — он был явно не дурак и выбрал новый хэндл такой, чтобы никто из его знакомых и друзей(да и близких тоже) точно его не нашел.

Зачем такая конспирация — я не знал. Но что самое интересное, с месяц назад "Миллениум" продал свой марсельский офис подразделению какой-то продовольственной корпорации из Китая, решившей забросить свой невод(подразделение занималось морепродуктами — разведением криля да водорослей, скорее всего) в лазурные воды Средиземного Моря. Узнав об этом, я раздосадованно крякнул и бросил дальнейшее расследование. Оно уже давно перестало меня интересовать.

Но еще когда он вернулся, уже в августе, я заметил кое-что, сразу меня насторожившее. В глазах брата появился какой-то странный, даже ужаснувший меня, блеск одержимости. Не знаю, чем именно одержимости — может, какой-то идеей. Внешне он, в принципе, не изменился, но тогда еще это меня насторожило.

— Господин Вольфр-Икаруга. Вы готовы? — спросила рация.

— Конечно, мисс Дорнье. Я готов. — спокойно ответил я и скомандовал: — Начать подачу энергии на тепловой меч.

— Принято. — тут же ответил ИИ — точно так же, как и до этого.

Вот в этом "Кросс Трайфорс" совершенно не изменился.

Темное лезвие меча начало нагреваться, постепенно приобретая ярко-оранжевый оттенок раскаленного металла. "Нордлюфтцуг" вытащил из ножен фальчионы и развел их в стороны, лезвиями наружу.

— En garde! — предупредил я и пошел вперед. Враг сделал то же самое.

Шаги, сначала медленные, постепенно убыстрялись, и вскоре машины уже бежали, не жалея мышц и механизмов ног, стремительно сокращая пространство друг между другом.

Я отвел руку с мечом назад для колющего удара, свободную руку выставив перед собою. "Нордлюфтцуг" свел руки с фальчионами вместе, поменяв клинки местами.

И мы столкнулись — сошлись вместе, а затем разошлись, по инерции продолжив движение.

Левое предплечье "Кросс Трайфорса" оказалось разрезано на

две неравные части по диагонали, меньшая из которых, — та, что с ладонью, — рухнула оземь. С грохотом осыпались с плечей массивные наплечники, которые оказались попросту срезаны с плечей и были автоматически отсоединены ИИ. Тепловой меч был выставлен, лезвием вперед, в вытянутой правой руке моего эш-ка.

А за спиной у меня рухнул оземь "Нордлюфтцуг"; его высокий шлем распался на две части, разрубленный посередине. Удар, изначально колющий, пробил верх округлого нагрудника, прошел через кабину, разрезал воротник и затем голову вместе со шлемом и шеей. Потерявшая управление и зрение машина оступилась и повалилась на землю, сопроводив это печальным грохотом.

Хильда Дорнье была мертва. Это было ясно сразу — мой меч прошел прямо через кабину. Выжить после такого удара было невозможно.

Печально было то, что это была слишком мучительная смерть. Но увы — сражение шло до смерти одного из участников. Она знала, на что соглашается. И умерла, в конце концов, как воин — бортовой самописец подтвердил, что свою неминуемую гибель она встретила без эмоций. Даже без удивленных возгласов.

Возможно также, что она просто ее не заметила. Но в это я не хотел верить.

И, тем не менее, я в первый раз в жизни пожалел о том, что убил кого-то. Не знаю почему, но мне действительно было жаль. Даже, как я рассудил, не себя и своего поступка мне было жаль, а ее.

В отличие от меня, Хильде действительно выпала незавидная судьба.

Но что я теперь мог с этим поделать?

Ничего.

***

Японский архипелаг, о. Синамурадзима

Через неделю после этой печальной дуэли овладевшая мною апатия понемногу сошла на нет, сменившись обыкновенной скукой. Наша теперь уже троица операторов предавалась чему угодно, только не работе — работы не поступало вообще, а с тренировками было никак. То есть вообще никак — третий день лило как из ведра, да и нагружать техперсонал лишней работой нам не разрешали, ну а спасавший положение ВР-полигон был временно отключен для опять же техобслуживания. Хорошо в данном положении было только Аоки — японец с головой ушел в Сеть по каким-то своим делам, а мне пришлось развлекать скучающую Темпести в меру своих возможностей. Конечно, я мог бы ее послать с такими требованиями подальше, но, во-первых, это было бы нехорошо, во-вторых, делать все равно нечего, а в Сети тем более, а в-третьих, где гарантии, что мне не придется развлекать Синдзи? Хотя, в отличие от нас-разгильдяев, босс занимался хоть чем-то полезным; работа у него была такая.

К моему величайшему облегчению, обошлось без секса. Ну, в основном обошлось без секса, а один раз я могу и потерпеть.

А на следующий день, как я с удивлением обнаружил, тучи разошлись и тускло светило осеннее солнце. Осень здесь особо холодной не была — она была неприятной. Немало тому, кстати, способствовали регулярные дожди, которые были не прочь и наплевать на свой график, чтобы пролиться в самое неподходящее время.

Тусклое солнце, вообще, было не при чем — разбудил меня пиликающий прямо в ухе коммлинк, по которому мне в самых емких выражениях сообщили, что, вообще говоря, Синдзи ждет меня в своем кабинете в самое ближайшее время. И лучше бы мне с прибытием не затягивать.

— Угу-угу, понял. — сонно буркнул я и "положил трубку". Рядом со мной ворочалась во сне Сэа, и только от этого факта мне на секунду стало омерзительно. Этой секунды мне и хватило, чтобы наконец-то встать с кровати. Пять минут спустя, когда я, уже одевшись, уходил, она по-прежнему дрыхла.

Хорошо, да, она моя лучшая подруга(наверное, из-за отсутствия других претенденток на этот титул), она на самом деле очень симпатичная и милая, а к тому же ничуть не требовательная, хотя и имеет дурную привычку кусаться, а еще

она иногда бывает совсем неплохой собеседницей… хорошо, пусть.

Но иногда я ее просто терпеть не могу. И себя заодно. Мне противно. Но я все равно не держусь слишком долго за это чувство.

Все еще полусонный, я добрался от жилых помещений(ночевал я сегодня у Сэа, если кому-то из вас это, конечно, интересно) до главного здания, быстрым шагом пересек холл и взлетел в турболифте вверх, до самого пятого этажа, занимаемого оперативным персоналом. Этаж словно опустел, ну или же так мне показалось; у дверей кабинета Синдзи скучала встревоженная Юки.

— Утро доброе. — вяло поздоровался я. Юки словно током прошибло:

— Ой!.. Привет-привет, Лелушик! Как ты?

— Не жалуюсь. Мне, э-э, внутрь можно?

— Внутрь?.. Ой, конечно можно, тебя же и просили… Но там… там!..

— Что там такое?

Юки испуганно закрыла рот ладошкой.

— Синдзик просил никому не говорить!..

— И ты не скажешь?

— Конечно же нет!

— Умница. — сдержанно похвалил я. Глупое поведение Юки могло взбесить кого угодно в прямо-таки феноменально короткий срок — сорок пять секунд после начала диалога, и я уже готов был рвать и метать, лишь бы заставить ее заткнуться. — Так мне можно идти?

— О, конечно-конечно! — закивала она головой. Я печально вздохнул. На самом деле, даже гипотетически я бы не решился тронуть Утаду даже пальцем. Не то чтобы ссориться не хотел, просто на нее даже рука бы не поднялась.

Я постучал в дверь три раза. Дверь отворилась.

Одна стена кабинета была, как водится, одним большим окном, сейчас затененным. Тусклый белый свет излучали люминисцентные обои, плитки пола поблескивали, у стен же(кабинет был прямо-таки непристойно маленьким) стояли два белых кожаных дивана. Между ними расположился трехъярусный

стеклянный столик, выполненный в духе гуги-архитектуры и от этого напоминающий летающую тарелку прямиком из древнего американского кино. Сам хозяин кабинета покачивался в магнитном кресле, возле которого поднимались выключенные сейчас голографические консоли. Под потолком безжизненно висели ВР-шлем и перчатки. Несколько раз сложенный пояс-оби Синдзи зачем-то повязал себе на шею, как бант.

На диване же, облаченная в черно-золотой мундир с шакальими головами в обрамлении крыльев на воротнике, сидела Люция Лэндлайт, резко контрастируя с белой обивкой дивана и общей превалентностью оттенков белого в дизайне комнаты. Она опять была в своих черных очках, из-под которых можно было, если присмотреться, разглядеть бездонный синий цвет ее глаз. Она сказала, что они — искусственные, а яркий свет им неприятен, но кабинет был и так погружен в полумрак. Наверное, ее зрение все-таки аугументировано, чтобы она видела в полумраке так же ясно, как и все остальные при свете дня.

— Доброе утро, э-э… Синдзи, госпожа полковник…

— Без чинов, умоляю вас. — тут же отозвалась она. — Доброе утро. Вы кошмарно выглядите.

— Как шаблонно звучит. Можно присесть?

— Можно-можно. — покровительственно махнул рукой Синдзи. — Присаживайся. Выпьешь может чего?

— Сейчас я просто обязан ответить "нет".

— Да ладно тебе. — пожал он плечами. — В общем, давай к делу. Понимаешь ли, госпожа Лэндлайт прилетела сегодня утром с предложением…

— …С предложением для вас, Лелуш. — продолжила Лэндлайт. — Я не буду нахваливать, вы сами все поймете. В общем, я прилетела предложить вам поступить на службу к ООН. В "Анубис-Хед". А если точнее — в "Шакал-Фараон". С присвоением воинского звания лейтенанта — думаю, вы его заслужили. Больше того, — она понизила голос, — вы будете служить под моим началом, в Кинопольском гарнизоне. В качестве оператора штурмового комплекса ААС "Птолемей III".

Я осоловело заморгал. Ощущение, как бы банально не звучало, было именно такое, когда нижняя челюсть вдруг ощущает на себе всю силу земного притяжения и норовит пристыковаться к полу, а голова начинает ни с того, ни с сего кружиться.

— Простите… — начал я. — Но…

— Мы готовы оплатить за вас стоимость ваших органов, принадлежащих сейчас "Синамура Парамилитарис".

— Но я…

— Достаточно компетентен в своей области для того, чтобы без труда управиться с новейшей машиной "Анубис-Хеда".

— Но ведь…

— Подготовку до нужного уровня с вами проведут. И даже несколько больше. А вы как думали? Стандартная процедура.

— Но простите…

— Ваша кандидатура была выдвинута нашим ИИ, Исдесом, еще в июне этого года. Когда я о вас не знала ничего, кроме скупой общей информации в регистре операторов эш-ка, я клянусь.

— Но почему вы для этого летели аж сюда? — наконец-то закончил вопрос я.

— Потому что, простите меня великодушно, предлагать своему брату работу через третье лицо — как минимум невежливо, не считаете?

— Ой. — я нервно сглотнул и замолчал.

Брату? А, конечно же. Я уже и думать забыл о том, что мы с Лейдзи были генетическими братьями Люции Лэндлайт. Тогда это было настолько из ряда вон выходяще, что я просто постарался об этом забыть как можно скорее. И не вспоминал до сих пор.

— Но погодите, госпожа Лэндлайт… А как же Лейдзи?

— Лейдзи Вольфр-Икаруга все еще активен в регистре операторов, однако информации о его новом месте работы нам не поступало. И контактной тоже. Кроме того, он не был указан в качестве кандидата. Лелуш, смиритесь: это вам, и только вам, так повезло. Выбор теперь за вами. Будете ли вы дальше работать на "Синамуру"? Или войдете в число, без преувеличения, лучших среди лучших? На одном уровне с, хм-м, сотрудниками спецкорпусов? Сядете за штурвал новейшего на данный момент штурмового комплекса, аналогов у которого в мире не существует?

Я задумчиво молчал. Люция раздраженно помотала головой.

— Черт возьми, ну чем вас еще можно завлечь?!

— Вы забыли упомянуть про влияние и перспективы карьерного роста. — усмехнулся я.

— Ну хорошо, и их тоже посчитайте. И мы не будем больше владеть вашими внутренностями, если уж на то пошло.

— Но я не смогу покинуть "Анубис-Хед"?

— С подпиской о неразглашении секретной информации — я подчеркну, именно секретной — можете. Из резерва операторы "Шакал-Фараона" выходят только после смерти, как и положено.

— Довольно честно. Хм-м. Синдзи?

Синамура-младший развел руками.

— Мы не можем тебя удержать. Это же "Анубис-Хед". А под документами, которые полковник доставила с собой, подписи… ну, не половины обьединенного командования ООН, но очень весомых его членов.

— А отец уже знает?

— Само собой знает. Если согласишься, тебе придется выдержать ровно один разговор с ним на эту тему. Сам понимаешь. Но он тебя отпустит. Не может иначе поступить. Понимаешь?

— Да, я понимаю. — неожиданно тихо сказал я. — Но мне надо немного подумать. Ты отпустишь нас ненадолго?

— Вас?

— Меня и госпожу Лэндлайт. — я встал с дивана. — Госпожа Лэндлайт, я хотел бы побеседовать с вами наедине. Ведь можно? Заодно, если хотите, я покажу вам здешний парк.

— Пускай. — она пожала плечами и тоже поднялась. — Мистер Синамура?

— Ничего не имею против. — сообщил Синдзи и печально вздохнул, словно обмякнув в своем кресле.

***

Парк, разбитый между особняком Синамур и главным офисом, видал и лучшие деньки — пожухлые листья понемногу облетали с деревьев, придавая парку весьма печальный вид. Фонтан посередине парка тоже не работал. Порядком поднадоевшая сакура в парке, кстати, не росла, довольствуясь лишь внутренним двором того самого особняка, едва-едва выглядывавшего сейчас из-за опадающих деревьев.

— Тут не так уж и плохо. — между прочим заметила Лэндлайт. — Листья правда пооблетали, ну да ничего, так даже лучше.

— Может быть. — уклончиво ответил я, посмотрев на небо, по которому гуляли серые осенние тучи.

— Ты… можно на "ты"?

— Как угодно.

— Ну как угодно, так как угодно. — она удивленно пожала плечами. — Ты вырос на Синамурадзиме, верно?

— Ага. А что?

— Ну, тебе нравится этот парк?

— Глаза бы мои его не видели.

— Так я и думала. Так о чем ты хотел со мной поговорить?

— Все о вашем… твоем предложении. — запнувшись, выговорил я. — Я… ну, почти ничего о вас не знаю, и поэтому я как-то так… в раздумьях, все еще.

— Но тебе хочется уехать отсюда?

— Конечно же.

— Но решиться ты не можешь?

— К сожалению.

— Так я и думала. — повторила Люция без малейшего следа удивления на лице. — Твоего мнения, что называется, наконец-то спросили, а ты трусишь в самый ответственный момент.

— Да нет, я не трушу. Просто… ну не верится как-то. Что вот так бац, и мне предлагают… служить ООН, да еще и в "Шакал-Фараоне"… Я не верю.

— Поверь. Что же ты, в самом деле? Если тебе в любви признаются, ты тоже не поверишь?

— Просто не приму во внимание, наверное. Это не хвастовство.

— Печально. Но так дело и обстоит; тебе предлагают престижную, можно сказать — уникальную работу. Важную, если хочешь.

— Чем это?

— А зачем был создан "Анубис-Хед" вообще?

— "Гарантировать соблюдение международных договоров и соглашений, регулирующих использование штурмовых комплексов частными лицами и организациями". - помедлив самую малость, ответил я. В конце концов, это знал каждый.

— Правильно. ООН вообще занята тем, что действует как медиатор в спорах между государствами и корпорациями, если таковые случаются, не давая при этом одним национализировать другие и другим навязать свою волю одним силой. Ну да и терроризм никто не отменял. Куплю-продажу эш-ка контролировать тоже должны мы. Важная миссия, разве нет?

— Важная. И обреченная в конце концов на провал.

— "Конец концов" — он далеко. А мы, пока что — здесь.

— Хорошо, пускай. А я как вписываюсь в эту конструкцию?

— Причем тут конструкция?

Я пожал плечами.

— Ну, под конструкцией я подразумевал, давайте скажем шире, все нынешнее политическое мироустройство. Получается треножник из государств, ООН и корпораций.

— Я склонна представлять эту, кхм, конструкцию наподобие качелей. Мы же поддерживаем баланс сил, все-таки.

— Убрать ногу у треножника — и все, ситуация грозит выйти из-под контроля. Так что все обоснованно. Следовательно, мое место в этой конструкции, если я приму ваше предложение, будет где-то посередине, так сказать, ооновской опоры?

— Да. А точнее, все как я говорила — ты нужен нам как оператор "Птолемея III". Твою кандидатуру выдвинул Исдес, а я, как командир "Птолемеев", ее утвердила. Ты отлично, на самом деле, управляешься с эш-ка.

— Спасибо. А что случилось с предыдущим оператором? Он ведь был, да?

Люция остановилась на полушаге и развернулась ко мне. Ее встревоженный взгляд без труда ощущался даже через очки.

— Ты точно хочешь услышать?

— А что?

— Нет, ничего. Просто… предыдущий оператор "Птолемея III" погиб. Катастрофа орбитального шаттла. Распался при входе в атмосферу.

— А как его звали?

— Его звали Максимилиан Дорнье. Ныне покойной Хильде Дорнье он приходился младшим братом.

Я нервно сглотнул. Уже в который раз за сегодняшнее утро.

— Что с тобой? Ты побледнел. — участливо сообщила она.

— Н-ничего. — пробормотал я и сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

"Ану прекратил казниться, паршивец!"

— Ну, — она, похоже, мне не сильно поверила, — ничего, так ничего. Может, мы пойдем дальше? Не все же стоять посреди дороги.

— Так это… тут все равно почти никто не ходит! — возразил я, но Лэндлайт уже пошла вперед, и мне пришлось ее догонять.

Так мы и дошли до самого фонтана, наполненного сейчас разве что дождевой водой. Люция тут же присела на край большой чаши фонтана, предоставив мне стоять где-то рядом.

На самом деле, этот фонтан успел уже мне порядком надоесть, и внешний его вид я запомнил так хорошо, что я бы мог, наверное, даже нарисовать его. Не "по памяти" — руками, на планшете или даже, боже мой, на бумаге. Если бы я умел рисовать, конечно. А выглядел он довольно стандартно для фонтана — чаша большая, в центре две маленьких, вокруг которых обвивается усатый сом-намадзу, из чьей пасти и изливается в верхнюю чашу вода.

Сейчас, впрочем, даже сом выглядел каким-то уставшим от жизни, а пасть он раскрыл будто бы для печального вздоха. Добавьте к этому серое небо, опадающие с деревьев листья, лужи в чаше фонтана и сидящую на краю чаши женщину в черном.

— Но все-таки, знаете? — неожиданно пробормотал я, будто бы сам себе под нос. — Мне это надоело. Каждый год одно и то же. Небо, деревья, дурацкий фонтан, рутинная работа…

Люция удивленно приподняла бровь.

— Знаете, полковник, откладывать дальше, все-таки, некуда.
— О чем это вы?
— О вашем предложении. — не поведя бровью, ответил я. — Знаете, я все-таки принимаю его.

***

— Значит, ты решил уйти с ними, Лелуш?
— Да, господин Синамура.

Такаси Синамура вздохнул и качнул головой. Главе "Синамура Парамилитарис" было уже давно за пятьдесят; через каких-то два года ему должен был пойти уже шестой десяток. Выглядел он как и всегда строго и благообразно, вполне соответствуя своему возрасту; к омолаживающим процедурам он не прибегал. Зачесанные и редеющие волосы, вместе с кустистой, более обыденной для западных джентльменов в более старые времена, бородой уже успели поседеть, лицо изрезали морщины,

а веки выглядели невероятно тяжелыми: казалось, что Такаси составляет большую трудность даже приоткрыть глаза — все еще отказывающиеся помутнеть зеленые глаза. Одет он был в строгий деловой камзол, со столь же строгим белым платком, повязанным на шее — его выбор костюма заставил меня, как и всегда, чувствовать себя выглядящим на удивление неуместно, даром что обстановка сейчас была не из самых официальных.

Мы находились в особняке Синамур, заложенном еще тогда, когда остров только-только возвели — а точнее, в саду особняка. Сад был прямоугольным и выходил одной стороной в сторону моря; вот он как раз, в отличие от парка, был обсажен сакурой, давно уже отцветшей. Это была не единственная дань такому популярному в тридцатые традиционализму; после недолгих ухищрений с водопроводом посередине сада был устроен поющий водоем — суйкинкуцу, а где-то в кустах ритмично и противно звякал содзу[48], наполняясь водой, переворачиваясь и возвращаясь в исходное положение. Вода поступала все время, поэтому негромкие звуки из сада раздавались круглосуточно.

Сейчас они порядком действовали мне на нервы. Вообще говоря, я здесь всю сознательную жизнь прожил, и на звуки привык уже не обращать внимания. Если бы содзу вдруг замолчал, я был бы сильно удивлен. Даже шокирован, наверное. Но сегодня, видимо, был особенный день.

— Жаль, жаль. Честное слово, я сожалею об этом. — произнес он. — Сначала уходит Лейдзи. Теперь эта милейшая женщина из "Анубис-Хеда" забирает тебя. Вы оба имеете полное право уйти, но все же, — Синамура-старший помедлил, — мне жаль. Я вас обоих создал, я же вас вырастил здесь, в своем доме, как своих сыновей. И не надо спрашивать, я и так знаю, что ты хочешь спросить. Раз уж я вас создал, раз уж вы должны были встать за штурвалом наших машин, то я чувствовал за вас с Лейдзи ровно такую же ответственность, как и за Рюдзи и Синдзи. Разве я поступил неправильно?

— Конечно же, нет! — воскликнул я и тут же осекся и продолжил, уже тише: — То есть, конечно же, вы поступили правильно. И я действительно благодарен вам от всей души. Но…

— Но?

— Но, позвольте говорить начистоту, я пресытился. Всем этим. — я сделал обобщающий жест рукой. — Понял, что ни сытая жизнь, ни высокооплачиваемая, пусть и рискованная, работа — нет, даже призвание — которые вы мне дали, не могут

быть достаточной заменой свободе. Я имею ввиду настоящую свободу, которой у меня на устраивающих меня условиях быть не могло.

— Так тебе нужны были еще и условия?

— А каково это — расставаться с частями тела, без которых в принципе помыслить себя не можешь? Человек — ну хорошо, человеческое тело — не может жить без сердца, легких, пищевода, почек: в общем, без всего того, что у меня удалили и пересадили улучшенное. Ну, и оно стало для меня родным, и без него, как бы, я уже буду не я. Я звучу эгоистично, но вот тут уже не могу ничего с собой поделать.

— Материализм сам по себе не является пороком, и в твоем случае он вполне понятен. Ты все еще, как это они говорят… слишком человечен, наверное.

— Ну, я не хочу жить мозгом в банке или отращивать, скажем, хвост. И я человечен не более среднего обывателя.

— Лелуш! — строго произнес Такаси. — Я не читаю тебе лекций о пользе трансгуманизма. И сейчас не собираюсь этого делать. Не оправдывайся.

— Не буду. — буркнул я.

— И отлично. Как я уже сказал, то, что ты цепляешься за свое тело — это не есть плохо. Совсем наоборот. Но подумай, пожалуйста; а будь у тебя эта самая свобода — что бы ты с ней сделал?

Вот тут уже я возжелал сгореть дотла на месте. Хотя бы потому, что Синамура-старший попал в точку — мыслей на этот счет у меня не было.

— Молчишь?

— Я… не знаю, господин Синамура.

— В этом и вся проблема. А знаешь, что твой брат ответил мне на этот вопрос? Он ответил: "а вот это уже мое личное дело". И даже извиниться не потрудился.

— А это правильный ответ?

— Нет, конечно же. Я не требую, чтобы вы говорили мне, куда идете и что делаете. Но для примера он очень кстати. Лейдзи нашел бы, чем ему заняться — вот как раз здесь, в этой, как ты говоришь, "золотой клетке", ему тоже было нечего делать — из-за этого он и отчаялся. Хватался за все сразу: сначала Сеть, потом эш-ка, потом то же фехтование… А там он нашел что-то. Какой-то очередной обьект интереса. Причем еще какой — ты, наверное, тоже заметил, что в его глазах поселилась какая-то… одержимость, наверное. Поэтому-то я и поверил, что твой брат

найдет себе какое-то применение в этом мире. Что до тебя… ну, теперь о тебе позаботится наша древняя система коллективной безопастности. — Такаси Синамура усмехнулся. — Уж им-то придется. На самом деле, ООН — работодатель не хуже любого другого, да и стигмы, связанной со службой государствам или корпорациям, нету — только риск состряпать себе репутацию цепного пса совбеза, конечно же, если учитывать твое будущее место работы…

— Все равно. С этим надо завязывать. С нерешительностью и прочим. Я принял решение. И я не буду оглядываться назад.

— Я и не отговариваю тебя. Теперь уже, раз уж тебя требуют сверху, ты можешь наконец поступать так, как считаешь нужным. И насколько я понял, покинуть службу ты сможешь, так что если мы вдруг не разругаемся с ООН, то… будем рады видеть тебя в "Синамуре". Надеюсь, что "Кросс Трайфорс" не погибнет раньше этого момента.

Ну да. Конечно же, мне приходилось оставить "Кросс Трайфорс". Это логично — эш-ка принадлежит "Синамуре", и выкупить его у меня не хватит никаких денег. Но по этому поводу я не беспокоился совершенно.

— Ну что ж. Я не буду больше задерживать тебя, тебе ведь еще надо уладить разного рода… мелкие вопросы, нет?

Он развернулся ко мне и протянул руку для рукопожатия. И я пожал ее.

— Что ж, прощай, Лелуш. — закончил Такаси и вдруг произнес: — Только не держи на меня зла, хорошо? Ни на меня, ни на кого из нас… никогда, хорошо?

— Да. Я не буду. Прощайте, господин Синамура. — кратко попрощался я, отпустил его руку, развернулся и ушел прочь.

Именно прочь. Я не хотел оборачиваться назад.

Поздно было уже оборачиваться.

***

Остаток дня пролетел в опять-таки мелких заботах — о юридическом аспекте дела и передаче последних биометрических

данных моего организма "Синамуре", а также сборах. Вещи должны были отправить отдельно — я все равно отправлялся только на следующий день. Люция и принесший ее сюда анубисовский вертолет предусмотрительно исчезли — моей будущей начальнице во что бы то ни стало захотелось побывать в чертовой Японии. Скучно ей уж точно не будет — где-то с ней рядом точно был ее человек-макаронина Флоренс Линдсей. Перед отлетом она, улыбаясь, пообещала, что встретит меня завтра, и оставила координаты. Я кивнул, и она улетела.

Последнюю свою ночь на Синамурадзиме я провел, сидя в кабине "Кросс Трайфорса". Да, я выбрал это место не без умысла, и отбыть завтра я собирался точно так же тихо. Я не хотел лишний раз привлекать внимание Сэа к своему отъезду.

Но я пообещал ей, что буду с ней общаться все это время. Был бы интернет и возможность им беспрепятственно воспользоваться. И если мы будем свободны в одно и то же время — я без вопросов поступлю в ее распоряжение.

Но не сейчас.

Сенсоры эш-ка, работавшего сейчас от внешнего источника энергии(а энергии на Синамурадзиме было предостаточно — солнечные и приливные электростанции, например), засекли движение внизу, возле служебного входа в ангар. Я тут же развернул голову в сторону вновь пришедшего, но это был всего лишь Аоки.

— Лелуш, это ты там? — окликнул он меня снизу. Я высунулся из кабины:
— Угу. А если бы это был не я?
— Я бы сильно смутился. Можно к тебе наверх?
— Да, конечно.

Он подошел к "Кросс Трайфорсу" и взобрался по его ноге вверх, на пояс машины. Ухватился за скобу в нижней части груди, подтянулся на нее, влез дальше по уступам в броне и был уже здесь, наверху. Я и сам выбрался из кабины и уселся на краю проема люка.

— Ты же не просто так пришел?
— Угу. — подтвердил Кимэра. — Просто так только кошки рождались. А сейчас — только по заказу. Я, вообще говоря,

попрощаться пришел.

— И как, попрощался?

— Нет еще. Но не бойся, поить тебя сакэ на прощанье я не буду. Я знаю, ты не любишь алкоголь.

— Ой, иди ты. Я его так не люблю, конечно…

— Хоть не хлещешь все время и по любой причине, и на том спасибо.

— Так что ты там хотел сказать?

Аоки призадумался, расположившись поудобнее на броне "Кросс Трайфорса".

— Да так, ничего особенного. Тебе уже просто все все сказали. Так что я спрошу просто: теперь ты доволен?

— Чего? — переспросил я, а потом вспомнил, что он имеет ввиду. — А. Да, я доволен. И что бы ни было там, впереди, мне все равно — сначала этому чему-нибудь придется встретиться со мной.

— А если оно не будет враждебным?

— Все равно придется. — хмыкнул я.

Он довольно улыбнулся.

— Ну я рад за тебя. — Кимэра встал, пересел ко мне и положил руку мне на плечо. — Да и вообще рад, если честно. Что когда-то вообще встретился с тобой, что научил тебя если не всему, то большей части всего того, что знаю, и что мы стали друзьями и братьями по оружию. Хоть какой-то повод для радости, ты так не считаешь?

— Что-то все об этом вспоминают как раз тогда, когда я наконец-то покидаю этот клятый остров. — словно между прочим заметил я и усмехнулся.

Аоки же расхохотался в голос. Ни с того, ни с сего я присоединился к нему.

…Наутро я, ни с кем больше не прощаясь, сбросил брезент с ожидавшего меня сверхлегкого вертолета, уселся в кабину, завел мотор, взлетел и был таков.

Остров Синамурадзима довольно скоро остался позади. А вместе с ним я, как мне кажется сейчас, оставил позади одну из первых глав своей жизни — как бы банально это не звучало.

Позже я еще не единожды вернусь сюда, но тогда еще я не

мог даже представить себе того, что ждет меня на моем долгом, чуть длиннее века, жизненном пути.

Так что пока — прощай, Синамурадзима. Прощайте, Синдзи, Рюдзи, Сэа, Аоки — вы все, кто остался там, на этом пятачке земли посреди океана.

У меня появилось будущее. И это будущее ждет меня.

Эпилог

Плавучий город Лилипэд-2, складская зона Ammonium Military Industries Inc.

— Мы, несомненно, уважаем просьбы наших клиентов, пусть и настолько экстравагантные, но…

— Но что, мистер Наутик?

— Но неужели мое присутствие действительно так необходимо?!

Лейдзи в отчаяньи закатил глаза.

— Позвольте напомнить вам, мистер Наутик, о всех тех средствах, которые я затратил на доставку нашего, кхм, груза сюда. И об условиях хранения этого груза. Вы думаете, я могу показать нечто подобное первому встречному?

— Безусловно, нет, но…

"Аммониум Милитари Индастриз" была одной из тех компаний-производителей оружия, в прайс-лист которых входила услуга "И никаких вопросов". В плавучих городах Лилипэда вопросов вообще предпочитали не задавать — три города, похожих на распустившиеся белые кувшинки, вечно скользящие по волнам Мирового Океана, были даже основаны как еще одна офшорная зона, свободная и тихая гавань, принадлежащая, в отличие от той же Орбиты или особых административных регионов типа Гонконга или Майями, исключительно корпорациям. Так для них было удобнее. Да, у Лилипэдов были гражданские органы власти и даже силы самообороны, но их действия контролировались теми истеблишментами, которые избрали плавучие города своим домом. То есть, например, "Аммониум". Или, скажем, то, что пока еще оставалось "Опергруппой "Миллениум"".

АМИ, помимо всего прочего, в течение последних двадцати лет занималась производством запчастей для эш-ка по приобретенным лицензиям, и пыталась даже спроектировать свой — с нуля, используя имеющиеся чертежи только для сравнения. Насколько Лейдзи уже было известно, в этом они достигли определенного успеха — но он собирался предложить им несколько иной путь.

К тому же, он собирался сделать Лилипэд своим… если не домом, то базой операций так точно. После того, что Лейдзи решил назвать "Вознесением" — ему просто нравилась излишняя пафосность в названии процесса, который можно было бы обьяснить галлюцинациями, если бы ему пришло в голову это сделать — пути к достижению его первоначальных целей нарисовались как никогда ясно.

У него был "Миллениум" — из него он сделает тот самый отряд, который сумеет побороться со спецкорпусами. Время и средства — что ж, времени еще достаточно, а средства он сумеет найти: обитатели Лилипэда были отличным их источником.

А кроме этого — новый штурмовой комплекс. И не один. "Аммониум" для этих целей как раз подойдет.

Если бы только этот несносный Герард Наутик удосужился помолчать и прекратить нытье! Лейдзи нервно затеребил воротник своего пальто. Наутик был одним из членов совета директоров АМИ — наиболее поддатливым из всех, и наиболее покладистым. Впрочем, вся покладистость из него выветрилась сразу же, как только Лейдзи предложил ему прогуляться до одного из складов, который АМИ выделила миллениумовцам. Но уговор дороже денег, и Наутику пришлось ограничиться постоянным нытьем.

Как, например, сейчас.

— Это действительно настолько важно?

— Да, мистер Наутик, это действительно настолько важно. — медленно, с расстановкой произнес Лейдзи. — Я правда могу показать это только вам, в данный момент. Но это ваш шанс, черт возьми. Построить свой собственный класс эш-ка. Может, даже и не один.

— Л-лучше бы вашим словам оказаться правдой, месье Дорнье…

Лейдзи не стал, конечно же, представляться своим настоящим именем; его новый, и даже не лилипэдский, паспорт был на имя Реймонда Дорнье — и если "Реймонда" он придумал сам, то "Дорнье"… тут Лейдзи утешал себя мыслью, что Хильда, где бы она сейчас не была, простит его за использование ее фамилии. С другой стороны, мало ли в мире таких Дорнье?

— В отличие от многих, я не лгу. Или хотя бы не лгу все время. — сообщил он.

Ему действительно было жаль Хильду, и, возможно, он бы даже предпочел, чтобы она осталась жива. Но сражаться с Лелушем — это было ее решение, и тут он уже не стал препятствовать. Брат в его планах занимал место поважнее Хильды — гораздо поважнее. Погибнуть он не должен был.

Пару дней назад, когда Лейдзи опять возвращался в Иран, с ним связался Эшелон — тот самый Эшелон, первый полностью разумный ИИ в мире, запущенный еще в двадцатых годах прошлого века и предотвративший когда-то ядерную войну(слив информацию о готовящейся республиканцами ядерной атаке заинтересованным сторонам, после чего ракеты вместе с пусковыми установками были уничтожены ударами со спутников). В первый раз хозяин горы Шайенн связался с ним еще тогда, в начале августа, почти сразу после Вознесения, и вежливо осведомился, не требуется ли ему, Лейдзи Вольфр-Икаруге, помощь. Само собой, Лейдзи не собирался доверять древнему компьютеру, контролирующему все небо над Северной Америкой вплоть до верхней орбиты, и от помощи отказался, но Эшелон переодически все равно выходил на связь и сообщал некие интересовавшие его данные — совершенно мелочные на первый взгляд, но Лейдзи все-таки удалось найти им применение. Он все равно не доверял Эшелону, и не собирался этого делать, но дело было не в этом — вот тогда ИИ сообщил, что дескать Лелуш Вольфр-Икаруга только что поступил на службу в "Анубис-Хед". А точнее — в "Шакал-Фараон". Лейдзи был удивлен — такое его планы на тот момент не предусматривали. Их пришлось немного перестроить, но за брата он мог больше не беспокоиться.

Поводов для беспокойства и так было достаточно. Тот же Эшелон, к примеру — его заинтересованность в его, Лейдзи, делах последнего, мягко говоря, напрягала. В истории была масса тому свидетельств — Эшелон никогда ничего не делал просто так. Но это если верить истории, а уж это Лейдзи в некоторых случаях мог себе позволить.

Тем более, все учиненные ним перестановки в "Миллениуме" привели к тому, что ставший руководителем опергруппы вместо отправленных восвояси прежних владельцев Виндикатор был руководителем лишь номинально — вся полнота власти перешла к Лейдзи. А у печально известного "Миллениума" проблем была просто масса, и огромное их количество было связано с нехваткой

денег. Практически вся прибыль и до этого уходила на обслуживание семерых эш-ка и оплату труда их операторов и персонала. Да, часть дел пришлось уже и так переложить на Виндикатора, Грейс и Мбабе, но их ощутимо меньше не стало.

Да и еще — переговоры, встречи, контакты… одним словом, все то, что может понадобиться как сейчас, так и в долгосрочной перспективе. И вот это все как раз ложилось на его, Лейдзи, плечи.

Но без труда не выловишь и планктону из садка, как говорится. Все те планы, над которыми Лейдзи размышлял теперь день и ночь, не придут в движение просто так. Это очевидно: вообще ничего в мире не происходит просто так.

А в мире должно будет произойти многое. В долгосрочной перспективе.

— Это ведь нужный склад? — спросил Наутик, указав на высокое и длинное строение с плоской крышей. Окна, вделанные в крышу, были затенены — что правда, внутри тоже царила тьма.

— Он самый. — кивнул Лейдзи, очнувшись от раздумий.

— Хвала всему святому! Месье Дорнье, я безгранично уважаю вашу просьбу, но боюсь что она оказалась для меня слишком, э-э-э, затруднительной…

— Вы совсем обленились, Герард.

— Печально, но факт. — подтвердил тот, пропустив мимо ушей недостаток вежливости, скользивший в голосе Лейдзи. — Что ж, мы войдем?

— Давайте.

Лейдзи кивнул и пошел дальше, ко входу. Наутик последовал за ним. Как только они подошли, из двери выдвинулся глазок ретинального сканера, пробежавшийся лучом по глазам Лейдзи, затем удовлетворенно пискнув и открыв двери. Они вошли внутрь, и дверь тут же закрылась за ними, снова погрузив складское помещение в кромешную тьму.

— Можете даже не пробовать ночное или тепловое видение. — спокойно сообщил Лейдзи. — Здесь работают генераторы помех — локализированно, конечно. Но если бы я хотел вас убить, скажем, то я бы сделал это именно здесь.

— Но вы же..?

— …Не собираюсь вас убивать, правильно. Я же говорил, я не вру. Не так часто, как другие, конечно…

Лейдзи громко щелкнул пальцами, и в ту же секунду зажегся яркий свет, на секунду ослепив их обоих, хотя сам Лейдзи виду и не показал. Скрытые генераторы помех тоже отключились, стекла перешли в нормальный, полностью прозрачный режим, а в следующую секунду с шелестом опали два плотных занавеса от пола до потолка.

Герард Наутик от удивления раскрыл рот, неожиданно оказавшись в настоящем могильнике — вдоль стен, скрытые до этого занавесами, висели на нанотрубочных тросах остовы четырех эш-ка. На них еще оставались остатки брони, испещренной трещинами, выбоинами, пробоинами и подпалинами. У некоторых недоставало рук или пластин юбки или наплечников, а у одной — всего нижнего туловища; потерянные конечности и части свисали рядом на таких же почти незаметных тросах, будто бы только что оторвались от потерявших их машин. Вместо кабин в груди зияли дыры, а люки со страшными пробоинами от холодного оружия были откинуты назад, если еще вообще оставались. Головы эш-ка были все скрыты бронированными капюшонами; крестовидные прорези для глаз в их краях были пустыми, из-под капюшонов выглядывали практически целые лицевые пластины и погасшие глаза — только у одной машины пластина была оторвана от лица и свисала вниз, а глаз не было вовсе. Наутик мог ясно разглядеть погнувшуюся лицевую раму, похожую на безносый и лишенный рта и скул узкий череп.

Но главное — опознавательные знаки на уцелевших участках бело-фиолетовой брони. Белые, цвета слоновой кости, латинские кресты и гербы Святого Престола, которыми были украшены выдающиеся вперед нагрудники машин.

— Да. — словно угадав его мысли, произнес Лейдзи. — Вы, мистер Наутик, сейчас видите трупы четырех поверженных в бою штурмовых комплексов класса "Херувим". Троих из них убил я.

— В-вы? Но про-про-простите, это… это-это-это невозможно! — запинаясь, выговорил Герард. Ни с того ни с сего его затрясло.

Лейдзи только усмехнулся, сложив руки на груди.

— В-вы не Реймонд Дорнье! — Наутика осенило, и он, все еще дрожа отчего-то, проклинал себя за то, что не понял этого

сразу.

— Бинго. Но всем и каждому незачем об этом знать. — Лейдзи посмотрел прямо на него, и член совета директоров АМИ отшатнулся в страхе — в глазах Лейдзи, как ему казалось, плясали сумасшедшие, задорные и пугающие огоньки, словно прожигавшие его насквозь. — Итак, я — Лейдзи Вольфр-Икаруга. К вашим услугам. И нет, я не вру, я уже утверждал это. Вы верите мне?

— Д-да. — кивнул Герард, сжимая руки в кулаки и пытаясь унять дрожь.

— Чудно. — ответил Лейдзи и обвел рукой висящие на тросах, подобно марионеткам, трупы эш-ка. — Так вот, я хотел бы, в знак нашей будущей дружбы и союза, подарить АМИ эти четыре машины. Они ваши. Делайте с ними все, что хотите — я и так знаю, что вы будете держать их существование в тайне и используете их для своих нужд. Больше того: вы закончите наконец проект по созданию своего эш-ка. Это мое условие.

— Ваше условие?

— Да. Я же не от щедрот своих дарю вам четыре машины, которые хочет заполучить любое государство мира. Вместе с ООН и другими корпорациями. Я бы мог отдать их Орбите, но… Орбита слишком далеко и не подходит для выполнения моих условий.

— А их много, этих ваших условий? — поинтересовался Герард, уже наконец успокаиваясь. Впрочем, осознание того, что сейчас идет в руки "Аммониума", все норовило снова начать лихорадить его.

— Нет, не очень. Первое: вы закончите проект по созданию своего эш-ка. Второе: вы закончите его по моему заказу — думаю, я смогу кое-что посоветовать, и они поступят нам на службу, когда будут закончены — а это еще очень нескоро. Ну и третье — первый же построенный эш-ка будет построен по моим чертежам и с моим непосредственным участием. — Лейдзи сделал паузу и загадочно улыбнулся. — Я могу даже доплатить сверху, но работа над этим эш-ка должна начаться в самое ближайшее время.

— Конечно, конечно, безусловно… И никаких денег! — заверил его Наутик. — Эти четверо с головой окупают… ну, первоначальную часть затрат. А там уже мы разберемся. Это поистине… найщедрейший из возможных подарков, месье Вольфр-Икаруга!

— Я знаю. И поэтому я и дарю его вам. Потому что у меня есть мечта, мистер Наутик. И вы — одна из ее частей, которая поможет мне воплотить мою мечту в жизнь.

— Вы, безусловно, нам льстите. Но молю, скажите мне, месье:

в чем заключается ваша мечта?

Лейдзи еще раз улыбнулся и обвел взглядом все помещение, задерживаясь на мгновение на каждом из эш-ка.

— Моя мечта? О, она очень проста и непритязательна.

Он сделал небольшую, едва ли секундную, паузу.

— Будущее.

Примечания:

[1] Еще один термин для крупногабаритного транспортного дирижабля.

[2] Устройство, создающее помехи для лазерного и радарного обнаружения в небольшом диапазоне вокруг себя. Для обеспечения радиосвязи вне зоны действия может временно отключаться, работая "вспышками". Важные обьекты, как правило, окружены подобными устройствами по всему своему периметру.

[3] Эш-ка(ШК)(англ. эй-си(AC)) — сокращение от "Штурмовой Комплекс"(англ. Assault Complex).

[4] Крохотный динамик-микрофон, встроенный в среднее ухо и служащий альтернативой слишком громоздкой(по меркам начала XXII века) портативной рации. Или мобильному телефону в гражданской итерации. Со стороны кажется, что пользователь говорит сам с собой — звуки из динамика в ухе слышны только ему.

[5] Имя собственное эш-ка, а не название модели. Эш-ка, по традиции, дают имена помимо бортовых номеров.

[6] Реакторы эш-ка используют в своей основе низкотемпературную ядерную реакцию(в просторечии холодный синтез) при электролизе палладия, давая, таким образом, сравнительно дешевый и доступный источник энергии, не получивший, правда, широкого распространения — но для гигантских человекоподобных роботов это самое оно.

[7] Подразумевается добыча гелия-3 для термоядерной реакции синтеза из обычных ядерных реакторов. И на Луну летать не надо, и старая инфраструктура АЭС без дела не остается.

[8] Знакомый сейчас всем и каждому Stahlhelm вермахта. Модель M1935, если быть точным.

[9] Термин для укрепленной углеродными нанотрубками стали, достаточно прочной на износ, чтобы служить материалом для несущих конструкций эш-ка.

[10] Гироджет(англ. Gyrojet) — название семейства огнестрельного ручного оружия в США 1960х годов, стрелявшего небольшими гироскопически стабилизирующимися ракетами вместо инертных пуль. Название стало нарицательным, хотя гироджет-оружие эш-ка стреляет ракетами покрупнее.

[11] англ. "ocular displays" — устройства, визуализирующие информацию прямо в зрительный нерв. Внешние приспособления, навроде маломощных лазеров или светодиодов, как в современных ретинальных дисплеях, для этого не нужны —

довольно удобно, таким образом.

[12] Медицинская капсула с встроенными устройствами жизнеобеспечения и оказания первой медицинской помощи тяжелораненым. Существует множество моделей разной функциональности — от тех, что служат вместо носилок, до полноценных, которые могут обеспечить деятельность организма до оказания полноценной медицинской помощи.

[13] Имеются ввиду камбоджийские "красные кхмеры".

[14] КСДР — Китайская Социал-Демократическая Республика, название обьединенного китайского государства(КНР и Республика Китай(Тайвань)).

[15] нем. Nordluftzug — "северный бриз".

[16] БМПД(англ. ISFV–Infantry Suit Fighting Vehicle) — боевая машина пехотных доспехов, бронированный транспорт для доставки на поле боя, поддержки и координации действий пехотных доспехов. Свои размеры компенсирует ну очень хорошими средствами противовоздушной обороны.

[17] Мичиганка — Мичиганская Пустыня, радиоактивная пустошь, в которую превратился весь штат Висконсин, лежащий, как известно, на берегу озера Мичиган. Пустошь довели до жизни такой противоборствующие стороны во время Второй Гражданской войны в США(2040–2044), исподволь применяя против друг друга ядерное оружие, а затем еще и скидывая туда ядерные и химические отходы. Конец немного предсказуем.

[18] Аббревиатура: РЭБ — Радиоэлектронная борьба.

[19] англ. perseverance — настойчивость.

[20] В несущую конструкцию эш-ка встроена центральная нервная система, переносящая сигналы от ИИ и оператора узлам машины и передающая информацию о состоянии этих узлов и секций. Ни о каком копировании ЦНС человека, равно как и вестибулярного аппарата(вместо которого эш-ка полагается на гироскопы, акселерометры, дальномеры и/или чувство равновесия оператора), и речи не идет, отсюда и "квази-".

[21] Тут следует дать небольшое пояснение. Каждый глаз эш-ка — отдельное, движущееся по осям X и Y скопление видеокамер, в том числе и пассивных инфракрасных, тепловых и рентгеновских сенсоров, с соосными светодиодными фонарями для освещения и лазерными дальномерами для определения дистанции, защищенные прочным бронестеклом. Несмотря на столь длинный список, все эти устройства крайне малы в размерах, хотя и различимы невооруженным глазом.

[22] фр. en garde — "защищайтесь", команда к началу боя в фехтовании.

[23] Да, того самого RX-78-2 Gundam, что из мультика "Mobile

Suit Gundam" бородатого 1979 года. В Японии он и по сей день считается узнаваемым культурным символом, а за просмотром "Гандамов" выросло не одно поколение японцев.

[24] Аббревиатура: ЧВК — частная военная компания.

[25] Дао — китайский меч с широким лезвием, наподобие европейского фальчиона.

[26] Небольшое пояснение: основную массу эш-ка составляют несущая конструкция, реактор, трансформатор, система охлаждения, конденсаторы, сервомоторы и мышцы. Последние ничем не отличаются от своих природных аналогов и сделаны из биополимерных волокон, и не в последнюю очередь влияют на весовую категорию эш-ка. Канонирские эш-ка — настоящие тяжеловесы с мощными бугристыми мышцами, в то время как разведывательная машина рельефной мускулатурой не отличается. Все-таки, канонирам надо тягать на себе тяжелые орудия, да и реактор у них потяжелее и помощнее будет. И несущая конструкция тоже.

[27] Вторая Гражданская война в США(2040–2044) — конфликт между Демократической и Республиканской партиями в США и их сторонниками, развернувшийся вследствие длительного внешнеполитического кризиса и паралича политической воли руководства США. В войне принимали участие другие страны мира, в особенности Россия и Япония, а по ее завершению США значительно ослабели — не без помощи недавних союзников и интервентов, само собой.

[28] Йоганнесбургское Соглашение(2039) — международное соглашение о частных военных компаниях, расширяющее и дополняющее соответствующие статьи Женевских Конвенций о деятельности ЧВК. Говоря проще, некоторые ЧВК и до того были небольшими армиями, а Соглашение всего-то легализовало их деятельность и расширило полномочия.

[29] Понятия о громоздкости в XXII веке несколько отличны от наших, и "громоздкие" ВР-очки на самом деле не толще, чем какая-нибудь портативная консоль, при намного большей производительности и возможностях, чем современные нам ВР-очки. ДР-очки так и вовсе представляют собою обыкновенные очки со встроенными мониторами, а все комплектующие встроены в оправу и дужки.

[30] Как известно, на настоящих, выкованных вручную японских мечах присутствует волнистый узор на лезвии — хамон, появляющийся вследствии многоразового сложения металла для большей его прочности(а железа, как известно, на Японских островах много никогда не было). Пятиметровые мономолекулярные мечи из нанофибростали складывать,

наверное, излишне, но тем не менее эта практика наличествует — в качестве дани традициям, несомненно.

[31] К сожалению, опять аниме. В том самом "Гандаме" 1979 года выпуска антагонистами использовались роботы MS-06F Zaku II, чей легкоузнаваемый дизайн(массивный округлый корпус и похожая на противогаз голова с одним-единственным зловеще загоравшимся глазом-камерой) заслужил непереходящую любовь фанатов и по многу раз использовался в других мультфильмах, в том числе и в "Гандамах".

[32] Вайомингские Ужасы — бывшее соединение Национальной Гвардии штата Вайоминг, выступавшее на стороне демократов во Вторую Гражданскую войну в США. Ужасы получили свое прозвище, которое носят с гордостью, за свою любовь к зачастую беспричинным актам террора, проводившимися ими в захваченных городах. Их специальностью, правда, остаются как раз городские сражения. После войны Ужасы были включены в состав миротворческих войск ООН — победители сами хотели спихнуть проблемное подразделение куда-то в сторону, да и в горячих точках тоже не любезностями обмениваются.

[33] В женском варианте — те самые куртка-блузка-миниюбка-чулки-сапоги выше колена. Перчатки добавляются по вкусу. Такой костюм и выглядит красиво, и весьма удобен и практичен: вероятность зацепиться за что-нибудь в кабине и порвать один из предметов одежды стремится к нулю.

[34] Безгильзовый вариант испытанного временем калибра.44 Magnum под револьверы.

[35] Оружие эш-ка весьма скромных размеров и похожее на пистолет, в основном однозарядное и пороховое. Предназначается для запуска светошумовых, сигнальных, зажигательных, газовых, электромагнитных и ядерных снарядов. Самый распространенный вариант — однозарядный, хотя бывают и многозарядные; заряжаются они вручную. Руками эш-ка, то есть.

[36] Просто-напросто мороженое, а точнее фруктовый лёд, но с добавкой в него вполне "безобидных" наркотиков, навроде экстази или ЛСД. На рейв-пати айс-крэки служат только для разогрева перед упарыванием более сильными веществами, но продаваемые из-под полы айс-крэки заставили вступить на скользкую наркоманскую дорожку не одно поколение школьников всех возрастов.

[37] Бытует мнение, что настоящая японская катана якобы настолько прочна и остра, что-де может перерубить пулеметный ствол. На самом деле, японские мечи вообще были отнюдь не из

самых прочных, а случай с перерубленным стволом ружья был немедля раздут японской пропагандой до пулеметного. И почему-то прочно осел в коллективном городском фольклоре, выдворяться откуда не собирается по причине невозможности наглядно показать режущую способность настоящей катаны в наше время.

[38] В период расцвета человеко-машинных интерфейсов(2038–2082 годы) причиной около 75 % хакерских смертей было "малолетний имбецил попытался ньюкнуть военный лёд". На столь примитивную процедуру оскорбленный в лучших чувствах лёд реагировал соответственно, и одним имбецилом становилось меньше. Возможно, именно это и улучшило хакерскую породу, хотя и ледорубы нынче стали не в пример доступнее.

[39] Эш-ка собирают и ремонтируют на так называемых верфях — гигантских заводских комплексах, полностью посвященных изготовлению из доставленных(а иногда и произведенных на месте, спасибо наноассемблерам) компонентов гигантских человекоподобных роботов. Серьезно поврежденный эш-ка нечего и думать отремонтировать в ангарных условиях.

[40] Даже и не спрашивайте меня, зачем гигантскому боевому роботу плеер. Я понятия не имею, честно.

[41] Здесь в значении "центр дистанционной манипуляции робототехникой".

[42] Мицухару Ямамото, премьер-министр Японии в 2021–2031 годах(от ЛДП), ответственный за политику разрыва партнерства с США и начало "самостоятельной политики" Японии; Реджинальд Артур Уолкер, президент США в 2040–2048 годах, по партийной принадлежности демократ, социалист и убежденный атеист, чье избрание в 2040 году послужило толчком к началу Второй Гражданской войны в США.

[43] Дэдзима(также Кюдэдзима, Старая Дэдзима) — искусственный остров в гавани Нагасаки, служивший голландским торговым портом в период с 1641 по 1853 год, в наше время окруженный сушей(хотя предпринимаются шаги к его воссозданию в качестве исторического памятника). В 2068 году южнее Кюсю был возведен искусственный остров Синдэдзима(Новая Дэдзима), выделенный в отдельный административный округ Синдэдзима и служащий одной из четырех офшорных зон Дальнего Востока(наряду с Гонконгом, Сингапуром и Подножием).

[44] Орден Единорога(англ. The Most Valorous Order of the Unicorn) — официальное название для спецкорпуса операторов эш-ка Великобритании. Рыцарями ордена, таким образом,

становятся только военные, и каждый из рыцарей прекрасно подготовлен как для управления эш-ка, так и для более широкого спектра операций. Орден — один из наиболее известных спецкорпусов в мире, и довольно часто участвует в военных действиях бок-о-бок с войсками ЕК, отстаивая интересы британской короны на месте действия.

[45] "Final Destination" — достаточно популярный сетевой шутер с эффектом, как водится, полного погружения и прочими достижениями ВР-технологий, ориентированный больше на командное взаимодействие на без пяти минут военном уровне. Как заявляет рекламный слоган — "Реальнее Только Война", хотя все превратности войны показаны довольно честно. Из-за высокой сложности и порога входа является нишевым продуктом для немногих "ценителей", чудовищно этим кичащихся.

[46] "Аариэль" — "Лев Господень"; "Ходиэль" — "Триумф Господень"; "Шофтиэль" — "Судья Господень".

[47] Доспех из твердых поперечных полос, использовавшийся римскими легионерами(так называемая Lorica segmentata) и народами Средней Азии и Крайнего Севера(вплоть до XVI века, когда его вытеснили кольчато-пластинчатые доспехи). К числу ламинарных доспехов относятся также самурайские доспехи периода Сэнгоку, например доспехи мару-до и их разновидности.

[48] Содзу — буквально "отпугиватель оленей"; бамбуковое коромысло, укрепленное на двух опорах посередине, в которое поступает вода. Наполненное водой коромысло опрокидывается, издавая резкий звук при ударе об твердую поверхность: получившийся звук должен был отпугивать обьедающих деревья в саду вредителей. Но это в оригинале, а современный содзу давно и прочно деградировал до чисто декоративного элемента.